

Ж. Лапланш, Ж.Б. Понталис

Словарь по психоанализу

АППАРАТ ПСИХИЧЕСКИЙ

Нем.: psychischer или seelischer Apparat. – Франц.: appareil psychique. – Англ.: psychic или mental apparatus. – Исп.: aparato psíquico. – Итал.: apparato psichico или mentale. – Португ.: aparelho psíquico или mental.

• Этот термин фрейдовской теории подчеркивает определенные свойства психики: ее способность передавать и преобразовывать энергию, а также ее расчлененность на отдельные системы или инстанции.

• В «Толковании сновидений» (Die Traumdeutung, 1900) Фрейд определял психический аппарат по аналогии с оптическими аппаратами. Тем самым он стремился «...сделать понятными сложности функционирования психики, вычленив в этом функционировании отдельные элементы и приписывая каждой составной части психического аппарата особую функцию» (1а).

Такое утверждение требует пояснений:

1) говоря о психическом аппарате, Фрейд подразумевал особую структуру, внутренний склад психики, однако он не только связывал различные функции с особыми «местами психики», но и приписывал им определенный порядок, а следовательно, и определенную временную последовательность. Существование внутри психического аппарата различных систем не следует понимать в анатомическом смысле, например в духе теории мозговых локализаций. Речь идет лишь о том, что возбуждения определенным образом упорядочены, обусловлены местом различных (психических) систем (2).

2) Слово «аппарат» связывается в нашем сознании с особой задачей, а значит, с *работой*. Фрейд прибегает здесь к аналогии с рефлекторной дугой, по которой полученная энергия передается целиком и полностью: «Психический аппарат следует понимать как рефлекторный аппарат. Рефлекторный процесс остается прообразом (Vorbild) любого функционирования психики» (1б).

Функция психического аппарата в конечном счете заключается в том, чтобы сохранить внутреннюю энергию организма на возможно более низком уровне (см.: Принцип постоянства). Психический аппарат расчленяется на отдельные подструктуры, что помогает осмыслить *преобразования энергии* (из свободного состояния в связанное состояние) (см.: Обработка психическая) и взаимодействия нагрузок, противонагрузок и сверхнагрузок.

3) Эти краткие замечания показывают, что для Фрейда психический аппарат был *моделью*, или, как он сам говорил, «выдумкой» (1с). Эта модель, как явствует из приводимого выше текста, а также из главы I «Очерка психоанализа» (Abriss des Psychoanalyse, 1938), может быть не только физической, но и биологической («простейшая капля живой субстанции» из главы IV «По ту сторону принципа удовольствия» (Jenseits des Lustprinzips, 1920)). Обсуждение самого понятия психического аппарата заставляет по-новому взглянуть на фрейдовскую метапсихологию в целом и на используемые в ней метафоры.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (Бсз)

Нем.: das Unbewusste, unbewusst. – Франц.: inconscient. – Англ.: unconscious. – Исп.: inconsciente. – Итал.: inconscio. – Португ.: inconsciente.

• А) Прилагательное «бессознательное» иногда используется для обозначения совокупности содержаний, не присутствующих в актуальном поле сознания – в

«описательном», а не в «топическом» смысле слова, т. е. вне разграничения содержания систем предсознательного и бессознательного.

Б) Бессознательное в «топическом» смысле слова было определено Фрейдом еще в первой теории психического аппарата: бессознательное состоит из содержания, не допущенных в систему «Предсознание-Сознание»* в результате вытеснения* (вытеснение первичное* и вытеснение в последствии*).

Основные черты бессознательного как системы (Без) сводятся к следующим:

- а) содержания бессознательного являются «репрезентаторами»* влечений;
- б) эти содержания управляются особыми механизмами первичных процессов*, а именно сгущением* и смещением*;
- в) содержания бессознательного, сильно нагруженные энергией влечений, стремятся вернуться в сознание и проявиться в поведении (возврат вытесненного*), однако они способны найти доступ к системе «Предсознание-Сознание» (Псз-Сз) лишь в результате компромиссов*, будучи искажены цензурой*;
- г) чаще всего подвергаются фиксации* в бессознательном детские желания.

Бессознательное как существительное сокращенно обозначается Без (Ubw от нем. Unbewusst, les от франц. Inconscient), бессознательное как прилагательное, обозначающее содержание бессознательного как системы, – без (ubw или ics).

В) Во второй фрейдовской топике термин «бессознательное» используется чаще всего как прилагательное. По сути, бессознательное здесь – это уже не атрибут какой-то особой инстанции: это слово относится как к *Оно*, так отчасти и к *Я* и *Сверх-Я*. Отметим, однако:

а) что признаки, присущие бессознательному в рамках первой топки, могут быть отнесены и ко второй топике;

б) Что разграничение между предсознанием и бессознательным, которое уже не подкрепляется межсистемными различиями, сохраняется на внутрисистемном уровне (*Я* и *Сверх-Я* являются отчасти предсознательными, отчасти бессознательными).

• Если бы нужно было передать суть фрейдовского открытия одним словом, это было бы слово «бессознательное». В рамках данной работы мы не ставим целью проследить, как открытие бессознательного было подготовлено тем, что было сделано до Фрейда, и как в дальнейшем оно уточнялось после Фрейда. Стремясь к ясности, мы лишь подчеркнем здесь главные признаки этого понятия, которые теряли четкость при более широком его распространении.

1) Прежде всего фрейдовское бессознательное – это понятие одновременно и *топки** и *динамики**, выявленное в опыте лечения. Как показывает этот опыт, психика несводима к сознанию: некоторые ее содержания получают доступ в сознание лишь в результате преодоления сопротивлений. Этот опыт свидетельствует о том, что психическая жизнь «...полна мыслей, бессознательный характер которых не мешает их действительности; именно эти мысли и порождают симптомы» (1). На основе этого опыта был сделан вывод о существовании «раздельных групп психических явлений», а бессознательное в целом – стало рассматриваться как особое «место в психике»: не как второе сознание, но как система со своим собственным содержанием, механизмами и, возможно, «энергией». 2) Каковы эти *содержания*?

а) В статье «Бессознательное» (Das Unbewusste, 1915) Фрейд называет их «репрезентаторами влечений». В самом деле, находясь на границе между психикой и соматикой, влечения остаются вне противопоставления сознания и бессознательного. С одной стороны, они в принципе не могут стать объектами сознания, с другой стороны, их присутствие в бессознательном обеспечивается «представлениями как репрезентаторами [влечений]» *. В одной из своих ранних теоретических моделей Фрейд определял психический аппарат как последовательность знаковых записей (Niederschriften) (2); эта мысль вновь возникает и обсуждается и в последующих его текстах. Бессознательные представления складываются в фантазмы, в воображаемые сценарии, на которых фиксируется влечение, порождая настоящие инсценировки желания* (см.: Фантазия,

фан-тазм).

б) В большинстве текстов, предшествующих созданию второй топики, Фрейд отождествлял бессознательное с *вытесненным*. Заметим, однако, что это уподобление обычно сопровождалось оговорками: так, Фрейд неоднократно говорил о врожденных, филогенетически присущих индивиду содержаниях как о «ядре бессознательного» (За).

Вершиной развития этой мысли было понятие первофантазий* (первофантазмов) как доиндивидуальных схем, которые присутствуют уже в детском сексуальном опыте субъекта (а).

в) Другая распространенная традиция понимания бессознательного уподобляет его тому, что в нас есть *детского*, хотя и здесь необходимы оговорки. Вовсе не весь детский опыт, пережитый на уровне нерелективного сознания в феноменологическом смысле, может быть уподоблен бессознательному субъекта. Для Фрейда первое расщепление между бессознательным и системой Псз – Сз происходит под воздействием происшедшего в детстве *вытеснения*. Даже если, первоначально вытеснения выглядит как миф, фрейдовское бессознательное – это конструкция, а не цельное переживание.

3) Как известно, Фрейд считал сновидение «царским путем» открытия бессознательного. Механизмы работы сновидения (смещение, сгущение, символика), выявленные в «Толковании сновидений» (*Die Traumdeutung*, 1900) и действующие в *первичных процессах*, могут быть обнаружены также и в других образованиях бессознательного (ошибочные действия, оговорки и пр.); по своей структуре (компромисс) и функции («исполнение желания»*) они равнозначны симптомам.

Стремясь определить бессознательное как систему, Фрейд перечисляет такие его особенности (3б): первичный процесс (подвижность энергетических нагрузок, характерная для свободной энергии*); отсутствие отрицания, сомнения, степеней уверенности; безразличие к реальности и воздействие одного лишь принципа «удовольствие – неудовольствие» (его цель – восстановить кратчайшими путями тождество восприятия*).

4) Наконец, Фрейд стремился обосновать собственную связность системы Без и ее решающее отличие от системы Псз посредством экономического понятия «энергетической нагрузки», свойственной каждой системе. Представления могут быть нагружены энергией бессознательного или же разгружены, причем переход от одного элемента системы к другому происходит за счет разгрузки первого и нагрузки второго.

Однако эта бессознательная энергия (отсюда и трудность ее понимания у Фрейда) оказывается то силой притяжения, направленной на представления и противостоящей осознанию (так обстоит дело в теории вытеснения, где притяжение со стороны уже вытесненных элементов действует заодно с подавлением, осуществляемым системой более высокого уровня) (4), то силой, которая приводит к появлению в сознании «отростков»* бессознательного и поддерживается лишь бдительностью цензуры (Зс).

5) Подход к фрейдовскому бессознательному, с точки зрения топики, не должен закрывать от нас всего значения динамики бессознательного, многократно подчеркивавшейся Фрейдом: напротив, разграничения на уровне топики оказываются способом учета конфликтов, повторений и сопротивлений.

Как известно, с 1920 г. фрейдовская теория психического аппарата была существенным образом переработана; при этом на уровне топики были предложены новые разграничения, не совпадающие с делением на бессознательное, предсознание и сознание. Так, в инстанции *Оно* можно видеть главные характеристики бессознательного, однако и другие инстанции – *Я* и *Сверх-Я* – также включают в себя бессознательное и порождаются бессознательным (см.: *Оно, Я, Сверх-Я, Топика*).

ВЛЕЧЕНИЕ

Нем.: *Trieb*. – Франц.: *pulsion*. – Англ.: *msnkt* или *drive*. – Исп.: *instinto*. – Итал.: *istinto* или *pulsione*. – Португ.: *impulso* или *pulsao*.

• Динамический процесс, при котором некоторое давление (энергетический заряд, движущая сила) подталкивает организм к некоторой цели. По Фрейду, источником влечения

является телесное возбуждение (состояние напряжения); эта цель достигается в объекте влечения или благодаря этому объекту.

• I. С терминологической точки зрения, понятие влечения (pulsion) введено во французских переводах Фрейда как эквивалент немецкого Trieb, чтобы избежать ассоциаций, связанных с употреблением таких более традиционных понятий, как instinct и tendance. Такое употребление, хотя оно и не всегда соблюдается, тем не менее оправданно.

1) В немецком языке влечение обозначается двумя словами: Instinkt и Trieb. Слово Trieb – германского происхождения, употребляется давно и связано по смыслу с «толчком» (treiben – толкать); при этом подчеркивается не какая-то конкретная цель или объект, но скорее общая направленность движения и невозможность противостоять толчку.

Некоторые авторы не различают термины Instinkt и Trieb (а), другие – проводят между ними различие, называя «инстинктом» (например, в зоологии) устойчиво наследуемое поведение, присущее, почти без изменений, всем животным одного вида (1).

2) Фрейд употреблял и четко разграничивал два различных термина. Говоря об инстинкте, он имел в виду биологически наследуемое поведение животных, характерное для вида в целом, развертывающееся по заранее определенным схемам и приспособленное к объекту (см.: Инстинкт).

Во французском языке слово «инстинкт» имеет те же смысловые оттенки, что и Instinkt у Фрейда, и потому, как нам представляется, его можно сохранить при переводе; если же, однако, использовать его для перевода немецкого Trieb, мысль Фрейда окажется искаженной.

Французское слово pulsion не является органичной частью общенного языка, однако имеет смысловой оттенок, связанный с «толчком».

В Standard Edition немецкое Trieb переводится как instinct, а другие лексические возможности (drive, urge) отсекаются (Я). Этот вопрос обсуждается в общем введении к первому тому Standard Edition.

П. Хотя слово Trieb появляется в текстах Фрейда лишь в 1905 г., это экономическое понятие восходит к давнему разграничению между двумя типами возбуждения (Reiz), от которых организм, согласно принципу постоянства*, должен освобождаться. Наряду с внешними возбуждениями, от которых субъект может укрыться или защититься, существует и постоянный прилив возбуждения из внутренних источников: поскольку организм не в состоянии избежать этих возбуждений, они становятся пружиной функционирования психического аппарата.

В «Трех очерках по теории сексуальности» (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905), где впервые вводится понятие Trieb, появляются также разграничения между *источником**, *объектом** и *целью** влечения, которые с этого момента станут у Фрейда постоянными.

Фрейдовское понятие влечения вырабатывалось на основе изучения человеческой сексуальности. Исследование извращений и различных форм детской сексуальности позволило Фрейду опровергнуть обыденное мнение, согласно которому сексуальное влечение имеет особую цель и объект и локализуется в возбуждениях половых органов и самом их функционировании. Фрейд показал переменчивость и условность объекта, который приобретает определенную форму лишь претерпев в человеческой истории многочисленные превращения. Он выявил также многообразие и раздробленность целей влечений (см.: Влечение частичное), их связь с определенными соматическими источниками, эрогенными зонами, разнообразие которых позволяет им поочередно выполнять (а иногда и сохранять) ведущую роль в жизни субъекта, причем частичные влечения не зависят от генитальной области и могут включаться в коитус лишь в результате сложной эволюции, выходящей за рамки процесса биологического созревания.

Наконец, последний аспект влечения у Фрейда – это *сила* как количественный, экономический фактор, как «побуждение психического аппарата к работе» (2а). Именно во «Влечениях и судьбах влечений» (Triebe und Tribschicksale, 1915) Фрейд соединил эти четыре аспекта – силу, источник, объект, цель – в общем определении влечения (2б).

III. Где место этой силы, которая давит на организм изнутри, побуждая его к действиям, способным вызвать разрядку возбуждения? Что это – телесная сила или психическая энергия? Фрейд по-разному отвечает на этот вопрос, определив влечение как «пограничное понятие между психикой и соматикой» (3). Фрейд связывает его с понятием «репрезентатора», или, иначе, представителя соматики в психике. Этот вопрос более подробно рассматривается в нашей комментарии к статье «Репрезентация (-тор) психическая^»».

IV. Хотя, как было показано, понятие влечения строится на основе сексуальности, в теории Фрейда сексуальное влечение сразу же противопоставляется другим влечениям. Как известно, теория влечений у Фрейда всегда была дуалистической: первый дуализм – это противоположность сексуальных влечений* и влечений Я* или влечений к самосохранению*, причем под влечениями к самосохранению Фрейд понимает жизненно важные потребности и функции: их прообразом являются голод и функция пищеварения. Это противопоставление, по Фрейду, присутствовало уже в самих истоках сексуальности, когда сексуальная функция отделилась от функций самосохранения, к которым она поначалу примыкала (см.: Примыкание). В этой противоположности – вся суть психического конфликта, при котором Я обретает во влечении к самосохранению большую часть энергии, нужной ему для защиты от сексуальности.

Второй дуализм влечений вводится в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (*Jenseits des Lustprinzips*, 1920), где противопоставление влечений к жизни* влечениям к смерти* изменяет роль и место влечений в конфликте.

1) Конфликт на уровне топики (между защитной инстанцией и вытесненной инстанцией) не совпадает с конфликтом влечений, поскольку Оно* мыслится как источник обоих типов влечений. Свою энергию Я* черпает из общего источника, прежде всего в виде «десекуализированной и сублимированной» энергии.

2) Эти два основных типа влечений в последней фрейдовской теории представляют собой не столько конкретные побуждения, связанные с функционированием организма, сколько основополагающие принципы его деятельности: «Влечениями называются те силы, которые, как мы полагаем, лежат в основе напряжений, порождаемых потребностями Оно» (4). Этот сдвиг акцента особенно ярко проявляется в знаменитом отрывке: «Теория влечений – это, так сказать, наша мифология. Влечения – это мифические существа, величественные в своей неопределенности» (5).

Как ясно из этого краткого обзора, фрейдовский подход приводит к перевороту в традиционном понимании инстинкта. Это происходит одновременно в двух направлениях. С одной стороны, понятие «частичного влечения» подчеркивает мысль о том, что сексуальное влечение существует поначалу в «полиморфном» состоянии и направлено на подавление телесного напряжения, что оно связано в истории субъекта с репрезентаторами влечений, определяющими объект и способ удовлетворения: у влечения, этого поначалу неопределенного внутреннего натиска, есть своя судьба, придающая ему в высшей степени индивидуализированные черты. Однако в отличие от создателей теории инстинктов Фрейд далек от поисков биологической основы каждого отдельного вида деятельности: все проявления влечений он сводит к основоположному мифическому противопоставлению Голода и Любви, а затем Любви и Вражды.

ВЫБОР ОБЪЕКТА (или ОБЪЕКТНЫЙ ВЫБОР)

Нем.: Objektwahl. – Франц.: choix d'objet. – Англ.: object-choice. – Исп.: elección de objeto или objetal. – Итал.: scelta d'oggetto. – Португ.: escolha de objeto или objetal.

• Акт выбора лица или типа личности как объекта любви.

Различают инфантильный и пубертатный выбор, причем первый пролагает путь второму.

Фрейд различает две главные разновидности выбора объекта: выбор по примыканию и нарциссический выбор.

- Фрейд впервые использовал это выражение в «Трех очерках по теории сексуальности» (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905); оно употребляется в психоанализе и поныне.

Слово «объект» (см. этот термин) означает здесь «объект любви».

Что касается выбора, то его, как и в случае «выбора невроза»*, не следует понимать как интеллектуальную процедуру выбора между различными и равно осуществимыми возможностями. Речь идет скорее о необратимом и определяющем характере того выбора объекта любви, который субъект совершает в некий решающий момент своей истории. В «Трех очерках» Фрейд говорит также об Objektfindung – нахождении объекта.

Выражение «выбор объекта» обозначает либо выбор определенного лица (например, «он выбрал объект по образу и подобию отца»), либо выбор объекта определенного типа (например, «гомосексуальный выбор объекта»).

Как известно, развитие взглядов Фрейда на детскую и постпубертатную сексуальность вело его ко все большему их сближению, вплоть до признания того, что «окончательный выбор объекта» совершается уже в детстве (а).

В работе «К введению в нарциссизм» (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд распределяет все различия в выборе объекта на две главные группы; это выбор объекта по примыканию и нарциссический (см. эти термины) выбор объекта.

ВЫТЕСНЕНИЕ

Нем.: Verdrängung. – Франц.: refoulement. – Англ.: repression. бп. – Итал.: rimozione. – Португ.: recalque или recalcamento. Исп.: represion.

- А) В узком смысле слова – действие, посредством которого субъект старается устранить или удержать в бессознательном представления, связанные с влечениями (мысли, образы, воспоминания). Вытеснение возникает в тех случаях, когда удовлетворение влечения само по себе приятно, но может стать неприятным при учете других требований.

Вытеснение особенно наглядно выступает при истерии, но играет важную роль и при других душевных расстройствах, равно как и в нормальной психике. Можно считать, что это универсальный психический процесс, лежащий в основе становления бессознательного как отдельной области психики.

- Б) В более широком смысле слова «вытеснение» у Фрейда иногда близко «защите»*: во-первых, потому что вытеснение в значении А присутствует, хотя бы временно, во многих сложных защитных процессах («часть вместо целого»), а во-вторых, потому что теоретическая модель вытеснения была для Фрейда прообразом других защитных механизмов.

- Разграничение между этими двумя значениями термина «вытеснение» предстает как нечто неизбежное, если вспомнить, как сам Фрейд в 1926 г. оценивал свое собственное использование понятий «вытеснение» и «защита»: «Я полагаю, что у нас есть основания вновь обратиться к старому термину „защита“ для обозначения любых приемов, используемых Я при конфликтах, которые могут приводить к неврозам, тогда как „вытеснением“ мы называем тот особый способ защиты, с которым нам удалось лучше всего ознакомиться в начале избранного нами исследовательского пути» (1). Все это, однако, не учитывает развития взглядов Фрейда на проблему отношения между вытеснением и защитой. По поводу этой эволюции уместно сделать следующие замечания:

1) в текстах, написанных ранее «Толкования сновидений» (Die Traumdeutung, 1920), частота употребления слов «вытеснение» и «защита» примерно одинакова. Однако лишь изредка они используются Фрейдом как вполне равнозначные, так что ошибочно было бы считать, полагаясь на это более позднее свидетельство Фрейда, что в тот период ему было

известно лишь вытеснение как особый способ защиты при истерии и что тем самым частное принималось им за общее. Прежде всего Фрейд уточнил тогда различные виды психоневроза – в зависимости от четко различных способов защит, среди которых вытеснение не упоминается. Так, в двух текстах, посвященных «Психоневрозам защиты» (1894, 1896), именно конверсия* аффекта представлена как защитный механизм при истерии, смещение аффекта – как механизм невроза навязчивых состояний, тогда как при психозе Фрейд обращает внимание на такие механизмы, как отвержение (*verwerfen*) (одновременно и представления, и аффекта) или же проекция. Помимо того, слово «вытеснение» иногда обозначает оторванные от сознания представления, образующие ядро отдельной группы психических явлений, – этот процесс наблюдается как при неврозах навязчивых состояний, так и при истерии (2).

Понятия защиты и вытеснения оба выходят за рамки какого-либо отдельного психопатологического расстройства, но происходит это по-разному. Защита с самого начала выступала как *родовое* понятие, обозначающее тенденцию, «... связанную с наиболее общими условиями работы психического механизма (с законом постоянства)» (3а). Она может иметь как нормальные, так и патологические формы, причем в последнем случае защита предстает в виде сложных «механизмов», судьба которых в аффекте и представлении различна. Вытеснение тоже присутствует во всех видах расстройств и вовсе не является лишь защитным механизмом, присущим истерии; оно возникает потому, что каждый невроз предполагает свое бессознательное (см. этот термин), основанное как раз на вытеснении.

2) После 1900 г. термин «защита» реже используется Фрейдом, хотя и не исчезает полностью вопреки утверждению самого Фрейда («вместо защиты я стал говорить о вытеснении») (4), и сохраняет тот же самый родовой смысл. Фрейд говорит о «механизмах защиты», о «борьбе с целью защиты» и пр.

Что же касается термина «вытеснение», то он не теряет своего *своеобразия* и не становится понятием, обозначающим все механизмы, используемые при защитном конфликте. Фрейд, например, никогда не называл «вторичные защиты» (защиты, направленные против симптома) «вторичными вытеснениями» (5). По сути, в работе 1915 г. о вытеснении это понятие сохраняет указанное выше значение: «Его сущность – *отстранение и удержание вне сознания*» [определенных психических содержаний](6а). В этом смысле вытеснение иногда рассматривается Фрейдом как особый «защитный механизм» или скорее как особая «судьба влечения», используемая в целях защиты. При истерии вытеснение играет главную роль, а при неврозе навязчивых состояний оно включается в более сложный процесс защиты (6). Следовательно, не стоит полагать, вслед за составителями Standard Edition (7), что, поскольку вытеснение присутствует в различных типах невроза, понятия вытеснения и защиты полностью равнозначны. Вытеснение возникает как один из моментов защиты при каждом расстройстве и представляет собой – в точном смысле слова – вытеснение в бессознательное.

Однако механизм вытеснения, исследованный Фрейдом на различных его этапах, – это для него прообраз других защитных операций. Так, описывая случай Шребера и выявляя особые механизмы защиты при психозе, Фрейд одновременно говорит о трех стадиях вытеснения и стремится построить его теорию. Конечно, в этом тексте путаница между вытеснением и защитой достигает наивысшего уровня, причем за этой терминологической путаницей стоят фундаментальные проблемы (см.: Проекция).

3) Отметим, наконец, что, включив вытеснение в более общую категорию защитных механизмов, Фрейд в комментариях к книге Анны Фрейд писал следующее: «Я никогда не сомневался в том, что вытеснение – это не единственный прием, посредством которого Я может осуществлять свои намерения. Однако вытеснение отличается своеобразием, поскольку оно четче отграничено от других механизмов, нежели другие механизмы друг от друга» (8).

«Теория вытеснения – это краеугольный камень, на котором зиждется все здание психоанализа» (9). Термин «вытеснение» встречается у Гербарта (10), и некоторые авторы

выдвинули предположение, что Фрейд мог быть знаком с психологией Гербарта через Мейнерта (11). Однако вытеснение как клинический факт заявляет о себе уже в самых первых случаях лечения истерии. Фрейд отмечал, что пациенты не властны над теми воспоминаниями, которые, всплывая в памяти, сохраняют для них всю свою живость: «Речь шла о вещах, которые больной хотел бы забыть, непреднамеренно вытесняя их за пределы своего сознания» (12).

Как мы видим, понятие вытеснения изначально соотнесено с понятием бессознательного (само понятие вытесненного долгое время – вплоть до открытия бессознательных защит *Я* – было для Фрейда синонимом бессознательного). Что же касается слова «непреднамеренно», то уже в этот период (1895) Фрейд употреблял его с рядом оговорок: расщепление сознания *начинается* преднамеренным, интенциональным актом. По сути, вытесненные содержания ускользают от субъекта и в качестве «отдельной группы психических явлений» подчиняются своим собственным законам (первичный процесс*). Вытесненное представление – это первое «ядро кристаллизации», способное непреднамеренно притягивать к себе мучительные представления (13). В этой связи вытеснение отмечено печатью первичного процесса. В самом деле, именно это отличает его как патологическую форму защиты от такой обычной защиты, как, например, избегание (Зб), отстранение. Наконец, вытеснение сразу же характеризуется как действие, предполагающее сохранение противонагрузки, и всегда остается беззащитным перед силой бессознательного желания, стремящегося вернуться в сознание и в действие (см.: Возврат вытесненного, Образование компромисса). Между 1911 и 1915 гг. Фрейд стремился построить строгую теорию процесса вытеснения, разграничивая различные его этапы. Однако это был не первый теоретический подход к проблеме. Фрейдовская *теория соблазнения** – вот первая систематическая попытка понять вытеснение, причем попытка тем более интересная, что в ней описание механизма неразрывно связано с описанием объекта, а именно сексуальности.

В статье «Вытеснение» (*Die Verdrngung*, 1915) Фрейд разграничивает вытеснение в широком смысле (включающем три этапа) и вытеснение в узком смысле (только второй этап). Первый этап – это «первовытеснение*»: оно относится не к влечению как таковому, но лишь к представляющим его знакам, которые недоступны сознанию и служат опорой влечений. Так создается первое бессознательное ядро как полюс притяжения вытесненных элементов.

Вытеснение в собственном смысле слова (*eigentliche Verdrngung*), или, иначе говоря, «вытеснение в последствии» (*Nachdrngen*), – это, таким образом, двусторонний процесс, в котором тяготение связано с отталкиванием (*Abstossung*), осуществляемым вышестоящей инстанцией.

Наконец, третья стадия – это «возврат вытесненного» в форме симптомов, снов, ошибочных действий и т. д. На что воздействует акт вытеснения? Не на влечение (14а), которое относится к области органического, выходя за рамки альтернативы «сознание – бессознательное», не на аффект. Аффект может претерпевать различные превращения в зависимости от вытеснения, но не может стать в строгом смысле слова бессознательным (14б) (см.: Подавление). Вытеснению подвергаются только «представления как репрезентанты влечения» (идеи, образы и т. д.). Они связаны с первичным вытесненным материалом – либо рождаясь на его основе, либо случайно соотносясь с ним. Судьба всех этих элементов при вытеснении различна и «вполне индивидуальна»: она зависит от степени их искажения, от их удаленности от бессознательного ядра или от связанного с ними аффекта.

*

Вытеснение может рассматриваться с трех метапсихологических точек зрения:

а) с точки зрения *топики*, хотя в первой теории психического аппарата вытеснение описывается как преграждение доступа в сознание, Фрейд тем не менее не отождествляет вытесняющую инстанцию с сознанием. Моделью его служит цензура*. Во второй топике вытеснение выступает как защитное действие *Я* (отчасти бессознательное);

б) с точки зрения *экономики*, вытеснение предполагает сложную игру разгрузок*, перенагрузок и противонагрузок*, относящихся к репрезентаторам влечения;

в) с точки зрения *динамики*, самое главное – это проблема побуждений к вытеснению: почему влечение, удовлетворение которого по определению должно приносить удовольствие, порождает неудовольствие, а вследствие этого – вытеснение? (см. об этом: Зашита).

ЖЕЛАНИЕ

Нем.: Wunsch (иногда Begierde или Lust). – Франц.: dŷsir. – Англ.: wish. – Исп.: deseo. – Итал.: desiderio. – Португ.: desejo.

• В фрейдовской динамике – один из полюсов защитного конфликта: бессознательное желание стремится осуществиться, опираясь, по законам первичного процесса, на знаки, связанные с первым опытом удовлетворения. На примере сновидений психоанализ показал, как желание запечатлевается в компромиссной форме симптомов.

• Во всякой общей теории человека есть основополагающие понятия, которые невозможно определить; к ним, несомненно, относится и понятие желания в концепции Фрейда. Ограничимся здесь несколькими терминологическими соображениями.

1) Отметим прежде всего, что французское слово *desir* не совпадает по смыслу и употреблению ни с немецким словом Wunsch, ни с английским словом wish. Wunsch – это прежде всего пожелание, сформулированное желание, тогда как dŷsir предполагает вожеление, притязание (эти значения передают в немецком языке Begierde или Lust).

2) Фрейдовское понимание Wunsch яснее всего проявляется в теории сновидений, что позволяет отличить его от ряда сходных с ним понятий.

В наиболее развернутом своем определении желание связано с опытом удовлетворения (см. этот термин), вследствие которого «мнесический образ восприятия оказывается связан с мнесическим следом возбуждения, порождаемого потребностью. Как только заново возникает эта потребность, установившаяся связь порождает психический импульс к перенагрузке мнесического образа восприятия и даже к вызову самого этого восприятия, т. е. к восстановлению ситуации первичного удовлетворения; это побуждение мы и называем желанием; возникновение этого восприятия и есть „выполнение желания“ (1a). Такое определение требует нескольких пояснений:

а) Фрейд не отождествляет потребность и желание: потребность порождается внутренним напряжением и удовлетворяется (Befriedigung) специфическим действием* по нахождению нужного объекта (например, пищи). Что же касается желания, то оно неразрывно связано с „мнесическими следами“: его выполнение (Erfŷllung) предполагает галлюцинаторное воспроизведение восприятий, превратившихся в знаки удовлетворения этого желания (см.: Тождество восприятия). Это различие не всегда соблюдается Фрейдом; так, в некоторых текстах встречается составное слово Wunschbefriedigung.

б) Поиск объекта в реальности всецело направляется этим отношением к знакам. Именно цепочка знаков порождает фантазирование* как коррелят желания.

в) Фрейдовская концепция желания относится только к бессознательным желаниям, закрепленным с помощью устойчивых и унаследованных с детства знаков. Однако Фрейд не всегда использует понятие желания в том смысле, который подразумевается вышеприведенным определением; иногда он говорит, например, о желании спать, о предсознательных желаниях и даже порой считает результат конфликта компромиссом между „двумя исполнениями двух противонаправленных желаний, имеющих различные психические источники“ (1b).

*

Жак Лакан попытался иначе понять фрейдовское открытие, сделав его основой именно желание и выдвинув это понятие на первый план в психоаналитической теории. При таком подходе Лакан вынужден был разграничить понятия, с которыми часто путают желание, а

именно понятия потребности и запроса.

Потребность нацелена на особый объект и удовлетворяется этим объектом. Запрос формулируется и обращается к другому человеку; даже там, где он устремлен на объект, это не имеет особого значения, поскольку выраженный в слове запрос – это всегда, по сути, просьба о любви.

Желание рождается в расщелине между потребностью и запросом; оно несводимо к потребности, будучи в принципе не отношением к реальному объекту, независимому от субъекта, но отношением к фантазму; однако оно несводимо и к запросу, властно навязывающему себя независимо от языка и бессознательного другого человека и требующему абсолютного признания себя другим человеком (2).

ЗАЩИТА

Нем.: Abwehr. – Франц.: dйfense. – Англ.: defence. – Исп.: defensa. – Итал.: difesa. – Португ.: defesa.

- Совокупность действий, нацеленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего цельности и устойчивости биопсихологического индивида. Поскольку эта устойчивость воплощается в Я, которое всячески стремится ее сохранить, его можно считать ставкой и действующим лицом в этих процессах.

В целом речь идет о защите от внутреннего возбуждения (влечения) и особенно от представлений (воспоминаний, фантазий), причастных к этому влечению, а также о защите от ситуаций, порождающих такое возбуждение, которое нарушает душевное равновесие и, следовательно, неприятно для Я. Подразумевается также защита от неприятных аффектов, выступающих тогда как поводы или сигналы к защите.

Защитный процесс осуществляется механизмами защиты, в большей или меньшей мере интегрированными в Я.

Будучи отмечена и пронизана влечениями, тем, против чего она в конечном счете направлена, защита подчас становится навязчивой и проявляет себя (по крайней мере отчасти) бессознательным образом.

- Возникновение собственно фрейдовской концепции психики, в отличие от взглядов его современников, было обусловлено выходом понятия защиты на первый план в истерии, а затем и вскоре в других видах психоневроза (см.: Истерия защиты). В „Исследованиях истерии“ (Studien ьber Hysterie, 1895) обнаруживается вся сложность отношений между защитой и осуществляющим ее Я. Фактически Я – это личное „пространство“, которое должно быть защищено от любого вторжения (например, от конфликтов между противонаправленными желаниями). Я – это также „группа представлений“, противоречащих какому-то „несовместимому“ с ними представлению, о чем свидетельствует чувство неудовольствия. Наконец, Я – это инстанция защиты (см.: Я). В тех трудах Фрейда, где развивается понятие психоневроза защиты, всегда подчеркивается именно этот момент несовместимости того или иного представления с Я; различные формы защиты суть не что иное, как различные способы обращения с этим представлением, особенно если речь идет об отделении этого представления от связанного с ним изначально аффекта. Кроме того, как известно, Фрейд очень рано начал противопоставлять психоневрозы защиты актуальным неврозам*, или, иначе, той группе неврозов, при которых внутреннее напряжение становится из-за отсутствия разрядки сексуального возбуждения невыносимым и проявляется в виде различных соматических симптомов. Важно, что в случае актуальных неврозов Фрейд не говорит о защите, хотя при этом обнаруживаются особые способы охраны организма и делаются попытки восстановить его равновесие. Защита у Фрейда изначально отличалась от тех (общих) мер, которые принимает организм для устранения возрастающего напряжения.

Выявляя в зависимости от вида болезни различные способы защиты в тех случаях, когда клинический опыт (ср. „Исследования истерии“) позволял восстановить различные этапы этого процесса (всплывание в памяти неприятных эмоций как побуждение к защите,

группировка сопротивлений, распределение патогенного материала по различным уровням и пр.), Фрейд пытался также построить метапсихологическую теорию защиты. Эта теория с самого начала предполагала устойчивое разграничение между наплывом внешних возбуждений, от которых можно отгородиться заслоном (см.: Слой защиты от возбуждений), и внутренними возбуждениями, избавиться от которых вообще невозможно. Против этой внутренней агрессии – или, иначе говоря, против влечения – и направляются различные защитные механизмы. В „Наброске научной психологии“ (Entwurf einer Psychologie, 1895) Фрейд ставит проблему защиты двояким образом:

1) ищет истоки так называемой „первичной защиты“ в „опыте страдания“ подобно тому, как прообразом желания и Я как сдерживающей силы был „опыт удовлетворения“ – Во всяком случае, в „Наброске“ эта концепция не изложена с такой отчетливостью, как опыт удовлетворения (а).

2) Стремится отличать патологическую форму защиты от нормальной. Нормальная защита осуществляется при переживании вновь прежнего болезненного опыта; при этом Я с самого начала было призвано устранить неудовольствие посредством „побочных нагрузок“: „Когда мнесический след вновь оказывается нагруженным, вновь возникает и чувство неудовольствия, однако ведь Я уже проложило свои пути, а по опыту известно, что повторно испытываемое неудовольствие меньше прежнего, покуда в конечном счете оно не сводится к раздражению, с которым Я в состоянии справиться“ (1a).

В результате такой защиты Я удается уберечься от поглощения и пропитки первичным процессом, что обычно происходит при патологических защитах. Как известно, Фрейд считал, что патологическая защита возникает как последствие зрелища сексуальной сцены: в свое время это потребовало защиты, но в воспоминании вызвало прилив внутреннего возбуждения. „Внимание обычно обращается на восприятия, порождающие неудовольствие. В данном случае речь идет не о восприятии, но о мнесическом следе, который неожиданно приводит к высвобождению неудовольствия, а Я узнает об этом слишком поздно“ (1b). Это и объясняет, почему „... действия порождают следствия, которые мы, как правило, наблюдаем лишь в первичных процессах“ (1c).

Возникновение патологической защиты обусловлено, таким образом, приливом внутреннего возбуждения, порождающего чувство неудовольствия при отсутствии необходимых защитных навыков. Следовательно, патологическая защита порождена не силой аффекта как такового, но особыми условиями, которых мы не видим ни в случае самого мучительного восприятия, ни в случае воспоминания о нем. Эти условия, по Фрейду, наличествуют лишь в сексуальной области (см.: Последствие; Соблазнение).

*

Несмотря на все разнообразие защит при истерии, неврозе навязчивых состояний, паранойе и пр. (см.: Защитные механизмы), двумя полюсами конфликта всегда оказываются Я и влечение. Я стремится защититься именно от внутренней угрозы. Хотя клинический опыт каждодневно подтверждает эту концепцию, она порождает теоретические проблемы, постоянно встававшие перед Фрейдом: как может разрядка влечений, которая, по определению, должна приносить удовольствие, восприниматься как неудовольствие или как угроза неудовольствия, порождая защитные действия. Психический аппарат расчленен на различные уровни, и потому удовольствие для одной психической системы может быть неудовольствием для другой (Я), однако подобное распределение ролей не объясняет, откуда берутся влечения и побуждения, несовместимые с Я. Фрейд отказывается от теоретического решения этого вопроса: он не считает, что защита вступает в действие, „...когда напряжение становится невыносимым, поскольку остается неудовлетворенным импульс влечений“ (2). Так, голод, не ведущий к насыщению, не вытесняется; каковы бы ни были „средства защиты“ организма от угрозы такого типа, речь здесь не идет о защите в психоаналитическом смысле. Ссылки на равновесие организма с внешней средой в качестве объяснения здесь недостаточно.

Какова главная опора защитных действий Я? Почему Я воспринимает как

неудовольствие тот или иной импульс влечений? На этот основополагающий для психоанализа вопрос можно дать различные ответы, которые, впрочем, не обязательно исключают ДРУГ друга. Прежде всего обычно разграничиваются источники опасности, связанной с удовлетворением влечений: можно считать опасным для *Я* или своего рода внутренней агрессией само влечение, а можно в конечном счете связать любую опасность с реальностью внешнего мира – и тогда влечение будет опасно в той мере, в какой его удовлетворение наносит реальный ущерб. Так, в «Торможении, симптоме, страхе» (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) Фрейд вывел на первый план, особенно в связи с фобиями, «страх перед реальностью»* (Realangst), сочтя невротический страх перед влечениями вторичным.

Если подойти к проблеме с точки зрения той или иной концепции *Я*, ее решения будут различны в зависимости от того, что при этом выходит на первый план: действия *Я* во имя реальности, его роль представителя принципа реальности или же склонность *Я* к навязчивому синтезу? Быть может, *Я* выступает как некая форма, как внутрисубъектный ответ организма, управляемого принципом гомеостазиса? Наконец, с точки зрения динамики можно объяснить неудовольствие, связанное с влечениями, антагонизмом между влечениями и инстанциями *Я*, а также между двумя различными видами влечений, или, иначе, противонаправленными влечениями. Именно по этому пути пошел Фрейд в 1910–1915 гг., противопоставляя сексуальным влечениям влечения к самосохранению, или, иначе, влечения *Я*. Как известно, эта пара влечений была заменена в последней теории Фрейда антагонизмом между влечениями к жизни и влечениями к смерти, причем эта новая оппозиция еще меньше соответствовала игре сил в динамике конфликта*.

*

Само понятие защиты, особенно при неограниченном его использовании, чревато недоразумениями и требует уточнений. Оно обозначает одновременно и *защиту* чего-то, и *самозащиту*. Полезно разграничить различные параметры защиты, даже если они отчасти совпадают друг с другом: это *место* защиты – психическое пространство, которое оказывается под угрозой; *персонаж*, который осуществляет защитные действия; ее *цель*, например стремление сохранить или восстановить целостность и постоянство *Я* и избежать любого внешнего вторжения, которое причиняет субъекту неудовольствие; ее *мотивы* – то, что сигнализирует об угрозе и побуждает к защите (аффекты при этом сводятся к сигналам, к сигналу тревоги*); ее *механизмы*.

Наконец, разграничение между *защитой* в «стратегическом» смысле, присущем ей в психоанализе, и *запретом*, как он выступает, например, в Эдиповом комплексе, одновременно и подчеркивает разнородность этих двух уровней (психической структуры и структуры основоположных желаний и фантазмов), и оставляет открытой проблему их сорасчленения как в теории, так и в практике психоаналитического лечения.

а) Акцент на «опыте страдания» в противоположность опыту удовлетворения изначально парадоксален: в самом деле, почему нейронный аппарат бесконечно, вплоть до галлюцинаций, повторяет мучительный опыт страдания и вызывает тем самым возрастание заряда, если его роль заключается как раз в том, чтобы не допускать нарастания напряжения? Этот парадокс проясняется, если обратиться к тем многочисленным местам в работах Фрейда^ где речь идет о страдании как структуре и процессе. Дело в том, что физическая боль, связанная с вторжением в тело извне, с нарушением его границ, выступает как прообраз той внутренней агрессии против *Я*, которую несет в себе влечение. Тем самым под «опытом страдания» подразумевается не столько галлюцинаторное повторение действительно пережитого страдания, сколько возникновение – при новом переживании опыта, который вовсе не обязательно раньше был мучительным, – того «страдания», которое приносит *Я* страх.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ

Нем.: Intellektualisierung. – Франц.: intellectualisation. – Англ.: intellectualization. – Исп.: intelectualisacion. – Итал.: intellettualizzazione. – Португ.: intelectuali-zacao.

- Процесс, посредством которого субъект стремится выразить в дискурсивном виде свои конфликты и эмоции, чтобы овладеть ими.

Этот термин чаще всего употребляется в отрицательном смысле: он обозначает главным образом преобладание в психоаналитическом курсе абстрактного умствования над переживанием и признанием аффектов и фантазий.

- Термин «интеллектуализация» у Фрейда не встречается, а в психоаналитической литературе в целом это понятие не получило сколько-нибудь существенного теоретического развития. Одна из наиболее ясных его трактовок принадлежит Анне Фрейд; она трактовала интеллектуализацию у подростка как защитный механизм, доводящий до крайности тот нормальный процесс, в ходе которого *Я* стремится «овладеть влечениями, связывая их с теми или иными мыслями и сознательно играя ими...»; по Анне Фрейд, интеллектуализация – это «... одно из наиболее всеобщих, древних и необходимых достижений человеческого *Я*» (1).

Этот термин чаще всего обозначает сопротивление процессу лечения. Это сопротивление может быть более или менее явным, но всегда оказывается способом уклониться от выполнения основного правила.

Так, один пациент излагает свои проблемы лишь в общих рациональных категориях (например, столкнувшись с выбором в любви, он принимается рассуждать о сравнительных достоинствах брака и свободной любви). Другой пациент, толкуя о своей истории, характере, конфликтах, сразу же представляет их в виде связной конструкции, иногда даже выраженной в языке психоанализа (например, он уходит в разговоры о «сопротивлении властям» вместо обсуждения своих отношений с отцом). Наиболее тонкая форма интеллектуализации сходна с процессами, описанными К.Абрахамом в 1919 г. в работе «Об особой форме невротического сопротивления психоаналитической методике» (*Über eine besondere Form des neurotischen Widerstandes gegen die psychoanalytische Methodik*). Так, некоторые пациенты «хорошо работают» во время психоанализа: следуя основному правилу, они рассказывают о своих воспоминаниях, снах и даже эмоциональных переживаниях. Однако при этом возникает впечатление, будто все происходит по заранее заготовленной программе: они стремятся быть образцовыми пациентами и строят истолкования самостоятельно, избегая тем самым любого вторжения в собственное бессознательное, любого вмешательства психоаналитика, воспринимаемого как угроза извне. Термин «интеллектуализация» требует следующих пояснений:

1) судя по нашему последнему примеру, не всегда легко отделить сопротивление от необходимого и плодотворного этапа, связанного с поиском формы выражения и принятием уже сделанных открытий, уже предложенных истолкований (см.: Проработка).

2) Термин «интеллектуализация» соотнесен со взятым из психологии «способностей» противопоставлением между интеллектуальным и аффективным. Отказ от интеллектуализации может привести к преувеличению роли «аффективных переживаний» в психоанализе, к путанице между психоаналитическим и катартическим методом. Фенихель показывает четкую противоположность этих двух способов сопротивления: «В одном случае пациент всегда разумен и отказывается иметь дело с особой логикой эмоций; [...] в другом случае пациент непрестанно погружается в смутный мир эмоций, не будучи в состоянии от них освободиться [...]» (2).

*

Интеллектуализацию можно сопоставить с другими механизмами, описанными в психоанализе, и прежде всего с рационализацией*. Одна из главных целей интеллектуализации – отстранение от аффектов, их нейтрализация. Рационализация предполагает иное – она не требует избегать аффектов, но приписывает им скорее «вероятностные», нежели истинные, побуждения, дает им рациональные или идеальные обоснования (например, садистское поведение во время войны может обосновываться

ситуацией борьбы, любовью к родине и пр.).

ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ

Нем.: Verinnerlichung. – Франц.: intjriorisation. – Англ.: internalization. – Исп.: interiorisaci3n. – Итал.: interiorizzazione. – Португ.: interioriza3vo.

• А) Термин, обычно используемый как синоним интроекции*.

Б) В более узком смысле слова – процесс, посредством которого межличностные отношения преобразуются во внутриличностные (интериоризация конфликта, запрета и пр.).

• Это понятие часто используется в психоанализе. Обычно (ср. у последователей М. Кляйн) оно осмысливается в духе понятия интроекции, т. е. фантазматического перехода от *объекта* – «хорошего» или «плохого», цельного или частичного – внутрь субъекта.

В более узком смысле говорят об интериоризации применительно к *отношениям*: когда, например, властные отношения между отцом и ребенком трактуются как интериоризация отношений *Сверх-Я* к *Я*. Этот процесс предполагает структурное расчленение психики, позволяющее переживать эти отношения и конфликты на внутриспсихическом уровне. Интериоризация, таким образом, соотносима с фрейдовскими топиками, особенно со второй теорией психического аппарата.

С целью терминологической точности мы различаем в нашем определении смысл А и смысл Б. На самом же деле они тесно связаны: можно, например, сказать, что, в период угасания Эдипова комплекса субъект интроецирует отцовское имаго и интерио-ризирует конфликт с отцом, связанный с борьбой за власть.

ИНТРОЕКЦИЯ

Нем.: Introjektion. – Франц.: mtrojection. – Англ.: introjes3on. – Исп.: introy-ecci3fn. – Итал.: introezione. – Португ.: intrqje3ao.

• Процесс, выявляемый в ходе психоаналитического исследования: субъект в процессе фантазирования переходит «извне» «внутри» объектов и качеств, присущих этим объектам.

Интроекция близка поглощению, инкорпорации, как своему телесному прообразу, однако в отличие от инкорпорации она не всегда соблюдает телесные границы субъекта (интроекция в *Я*, в идеальное *Я* и т. д.).

Интроекция связана с (само)отождествлением.

• Термин «интроекция» был введен Ш. Ференци по контрасту с «проекцией». В «Интроекции и трансфере» (Introjektion und Ibertragung, 1909) он писал: «Если параноик выносит неприятные побуждения за пределы своего *Я*, то невротик, напротив, включает в *Я* как можно большую часть внешнего мира, превращая его в объект бессознательного фантазирования. По контрасту с проекцией этот процесс можно назвать интроекцией» (1a). Из этой статьи, однако, нелегко извлечь строгое определение понятия интроекции, так как Ференци понимает его в широком смысле – как «страсть к трансферу», приводящую невротика к «ослаблению его свободно парящих аффектов путем расширения круга интересов» (1b). Он называет интроекцией тип поведения (главным образом у истериков), который вполне можно было бы назвать и проекцией.

Фрейд использует понятие интроекции, четко противопоставляя его проекции. Наиболее ясен в этом смысле текст «Влечения и судьбы влечений» (Triebe und Tribschicksale, 1915), где рассматривается происхождение противопоставления субъекта (*Я*) объекту (внешнему миру) в связи с противопоставлением удовольствия неудовольствию: «*Я* – удовольствие в чистом виде строится посредством интроекции всего того, что порождает удовольствие, и проекции вовне всего того, что приносит неудовольствие» (см.: *Я* – удовольствие, *Я* – реальность). Это противопоставление мы находим в «Отрицании» (Die

Verneinung, 1925): «... изначально *Я* – удовольствие стремится... интроецировать все хорошее и исторгнуть из себя все дурное» (2a).

Интроекция связана с оральной инкорпорацией. Эти два термина часто использовались Фрейдом и другими авторами как синонимичные. Фрейд считал, что противопоставление интроекция – проекция поначалу возникло на оральном уровне и лишь позднее приобрело более общее значение. Этот процесс «...находит свое выражение на уровне самых древних оральных влечений: я хочу это съесть или я хочу это выплюнуть, или в более обобщенной форме: я хочу ввести в себя одно и исторгнуть из себя – другое» (2b).

Необходимо сохранить различие между поглощением и интроекцией, подразумеваемое в приведенном отрывке. В психоанализе прообраз всякого разграничения между внутренним и внешним – это граница тела; именно с этой телесной оболочкой явным образом связан процесс инкорпорации. Понятие интроекции имеет более широкий смысл: речь идет не только о том, что находится внутри тела, но и о том, что находится внутри психического аппарата, инстанции и пр. Именно в этом смысле можно говорить об интроекции *Я*, об *Идеал-Я* пр.

Интроекция была впервые обнаружена Фрейдом при изучении меланхолии (3), а затем приобрела более общий смысл (4). Это понятие приводит к обновлению фрейдовской теории (само)отождествления*.

Сохраняя след своего телесного прообраза, интроекция выражается в фантазировании по поводу объектов, как частичных, так и цельных. Кроме того, это понятие играет важную роль у таких авторов, как Абрахам и особенно М.Кляйн, которые стремились описать фантазматические переходы между «хорошими» и «плохими» объектами (интроекция, проекция, новая интроекция). Эти авторы имели в виду прежде всего интроецированные *объекты*; представляется, что это понятие и в самом деле следует употреблять лишь в тех случаях, когда речь идет об объектах или их качествах. В строгом смысле слова нельзя говорить, как иногда случалось Фрейду, об «интроекции агрессивности» (3); в подобных случаях более уместно выражение «обращение на себя»*.

КОНФЛИКТ ПСИХИЧЕСКИЙ

Нем.: psychischer Konflikt. – Франц.: conflit psychique. – Англ.: psychical conflict. – Исп.: conflicto psíquico. – Итал.: conflitto psichico. – Португ.: conflito psíquico.

• Психоаналитический конфликт – это противоположность противоречивых требований внутри субъекта. Конфликт может быть явным (например, конфликт между желанием и нравственным требованием или между двумя противоречивыми требованиями) или же скрытым. В последнем случае конфликт искаженно выражается в явном конфликте, прежде всего в симптомах, нарушениях поведения, в трудностях характера и пр. Психоанализ считает конфликт основой человеческого существа, причем в различных смыслах: это конфликт между желаниями и защитой, конфликт между различными системами или инстанциями, наконец, Эдипов конфликт, при котором происходит не только взаимное столкновение желаний, но также и их столкновение с запретом.

• Психоанализ с самого начала столкнулся с психическим конфликтом, который стал главным понятием теории неврозов. В «Исследованиях истерии» (Studien über Hysterie, 1895) ярко показано, что приближение в ходе лечения к патогенным воспоминаниям каждый раз усиливает сопротивление (см.: Сопротивление) пациента, или, иначе, его внутреннюю защиту от «неприемлемых» (unverträglich) представлений. Начиная с 1895–1896 гг. эти защитные механизмы выступают как главная причина возникновения истерии (см.: Истерия защиты), а также других «психоневрозов» (так называемых «психоневрозов защиты»). Невротический симптом оказывается результатом компромисса* между двумя группами представлений, действующими как противонаправленные силы, обе – весомые и давящие: «... описываемый здесь процесс – конфликт, вытеснение, замещение, приводящее к компромиссу, – вновь возникает в психоневротических симптомах» (1). В еще более

широком смысле этот процесс проявляется в снах, ошибочных действиях, маскирующих воспоминаниях и пр.

Хотя конфликт как безусловная основа психоаналитического опыта вполне доступен клиническому описанию, построить его метапсихологическую теорию очень нелегко. На протяжении всего творчества Фрейда проблема предельного обоснования конфликта решалась по-разному. Прежде всего конфликт можно изучать на двух различных уровнях: на уровне топики* – это конфликт между системами и инстанциями, а на уровне экономики и динамики – конфликт между влечениями. Для Фрейда важнее второй тип объяснения, хотя сорасчленение этих двух уровней установить в общем не просто, поскольку та или иная психическая инстанция, принимающая участие в конфликте, не обязательно соответствует особому типу влечений.

В рамках первой метапсихологической теории конфликт предстает, с точки зрения топики, как противопоставление систем бессознательного и Предсознания-Сознания, разделенных цензурой*: это противопоставление соотносится с антитезой принципа удовольствия и принципа реальности, при которой принцип реальности стремится к господству над принципом удовольствия. В этот период две главные противоборствующие силы для Фрейда – это сексуальность* и инстанция вытеснения, представляющая, в частности, этические и эстетические побуждения личности. Поводом к вытеснению оказываются особые свойства сексуальных представлений, их несовместимость с Я*, вызывающая его неудовольствие. Лишь много позже Фрейд стал выяснять, какие влечения лежат в основе вытеснения. В психическом конфликте он обнаруживал дуализм сексуальных влечений* и влечений к самосохранению* (или, иначе, влечений Я). «... С психоаналитической точки зрения, приходится признать, что одни представления вступают в конфликт с другими, более сильными представлениями (мы обобщенно обозначаем их понятием Я, которое, стало быть, строится по-разному в зависимости от ситуации) и, следовательно, подвергаются вытеснению. Откуда берется эта несовместимость между Я и некоторыми группами представлений – ведь она-то и порождает вытеснение? [...] Мы обнаружили роль влечений на уровне представлений: оказалось, что каждое влечение стремится к господству и опирается лишь на те представления, которые соответствуют его целям. Эти влечения не всегда друг с другом совместимы и подчас приводят к конфликту интересов. В противоположных представлениях часто выражается конфликт между различными влечениями...» (2). Очевидно, что даже на этом этапе фрейдовской мысли, когда выявляется соответствие между защитными механизмами Я и определенным типом влечений, главное противопоставление Голод-Любовь находит свое выражение в конфликте лишь через ряд посредствующих звеньев, трудно доступных выявлению.

Впоследствии, во второй топике, представлена развернутая модель личности, более близкая к конкретным конфликтам как между различными инстанциями, так и внутри той или иной инстанции (например, в структуре *Сверх-Я* – это конфликт между отцовским и материнским полюсами идентификации).

Новый фрейдовский дуализм – между влечениями к жизни* и влечениями к смерти* – был мощным противопоставлением, казалось бы, способным стать основой теории конфликтов. Однако мы и здесь далеки от подлинного соответствия между уровнем предельных начал (Эроса и влечения к смерти) и конкретной динамикой конфликта (см.: Влечения к смерти). Однако этот новый дуализм вносит изменения в понятие конфликта:

1) все яснее видно, что в основе различных инстанций лежат те или иные влечения (например, Фрейд говорит о садизме *Сверх-Я*), причем речь может идти не об одном, а о нескольких влечениях;

2) большинство конфликтных противопоставлений, выявленных Фрейдом в клиническом опыте, связано с влечениями к жизни: «...противоположность между влечениями к самосохранению и влечениями к сохранению рода, а также противоположность любви и вражды – обе включены внутрь Эроса» (3а);

3) что касается влечения к смерти, то оно подчас трактуется Фрейдом не столько как

одна из конфликтующих сил, сколько как сам его принцип конфликта – это вражда (neikos), противопоставленная уже у Эмпедокла – любви (filia).

Именно на этом пути Фрейд уточняет «тенденцию к конфликту» – это переменный действующий фактор, наличие которого превращает присущую человеку бисексуальность в конфликт непримиримых требований, а отсутствие – позволяет установить равновесие между гомосексуальными и гетеросексуальными тенденциями.

Сходным образом можно истолковать понятие соединения влечений у Фрейда. Оно обозначает не только различные пропорции при соединении сексуальности с агрессивностью, поскольку влечение к смерти и само по себе может привести к разъединению (см.: Соединение – Разъединение влечений).

*

При общем взгляде на развитие представлений о конфликте у Фрейда нас поражает, с одной стороны, постоянное стремление Фрейда свести конфликт в конечном счете к неразрешимому дуализму двух противоположенных мифических начал; с другой стороны, то, что одним из полюсов конфликта всегда оказывается сексуальность*, а другой полюс может меняться («Я», «влечения Я», «влечения к смерти»). Начиная с самых ранних своих работ (см. Соблазнение) вплоть до «Очерка психоанализа» (Abriss der Psychoanalyse, 1938) Фрейд настаивал на внутренней связи между сексуальностью и конфликтом. Конечно, можно придумать абстрактную теоретическую модель этой взаимосвязи, применимую к «любому требованию влечений», однако «наблюдение неизменно свидетельствует о том, что патогенные возбуждения проистекают из частичных сексуальных влечений» (3b). Каково итоговое теоретическое обоснование ведущей роли сексуальности в конфликте? Эта проблема не получила у Фрейда своего разрешения, хотя на различных этапах творчества он указывал на те или иные черты человеческой сексуальности, свидетельствующие о том, что «слабое место организации Я – это его отношение к сексуальной функции» (3с).

Углубленное рассмотрение проблемы психического конфликта неизбежно привело психоанализ к ядру субъективных конфликтов – Эдипову комплексу*. В нем конфликт, еще не успевший стать защитным, уже записан на досубъектном уровне как диалектическая и изначальная связь желания и запрета.

Эдипов комплекс как неоспоримый и фундаментальный факт, формирующий все внутриспсихическое поле ребенка, лежит в основе различных проявлений защитного конфликта (например, отношения Я к *Сверх-Я*). Более того, если считать Эдипов комплекс структурой, в которой субъект призван найти свое место, то конфликт в нем присутствует изначально, еще до всякой игры влечений и защит, в которой строится защитный конфликт, свойственный каждому индивиду.

ЛИБИДО

- Энергия, которую Фрейд считает подосновой всех преобразований сексуального влечения в том, что касается его объекта (смещение энергетических нагрузок), его цели (например, сублимация) и источника сексуального возбуждения (разнообразие эрогенных зон).

У Юнга понятие «либидо» используется в расширенном смысле и означает «психическую энергию» как таковую, присутствующую во всем, что «устремляется к чему-либо» (лат. impetus).

- Слово «либидо» означает по-латыни «желание». Фрейд утверждает, что заимствовал его у А.Молля (Untersuchungen über die Libido sexualis, vol.I, 1898). Оно многократно встречается в письмах и рукописях, посланных Флиссу, – впервые в Рукописи Е, написанной, по-видимому, в июне 1894 г.

Дать удовлетворительное определение либидо нелегко не только потому, что теория либидо развивалась параллельно с различными этапами теории влечений, но и потому, что

само это понятие далеко не однозначно (а). Во всяком случае, Фрейд всегда подчеркивал две особенности влечений:

1) с точки зрения качественной, либидо, вопреки желанию Юнга, нельзя свести к психической энергии как таковой. Если эта энергия и может быть «десексуализирована», особенно при нарциссических нагрузках, то это лишь вторичный процесс, связанный с отказом от собственно сексуальной цели.

Кроме того, либидо у Фрейда – это вовсе не все поле влечений целиком. Поначалу оно противопоставлялось влечениям к самосохранению*. Но когда в конечном счете вся область влечений предстала у Фрейда как либидинальная по своей природе, тогда противопоставление сместилось, превратившись в противопоставление между влечениями либидо и влечениями к смерти. Юнговский монизм был чужд Фрейду, постоянно подчеркивавшему сексуальный характер влечения.

2) Либидо упрочивается как понятие *количественное*: оно «...позволяет измерять процессы и преобразования сексуального возбуждения» (1a). «Его возникновение, его возрастание и убывание, распределение и перемещение позволяют нам объяснять психосексуальные явления» (1b).

Обе эти характеристики подчеркиваются в нижеследующем определении Фрейда: «Слово „либидо“ взято из теории аффектов. Оно обозначает количественную (хотя в данный момент и недоступную измерению) сторону энергии влечений, связанных с тем, что понимается под словом „любовь“» (2).

Поскольку сексуальное влечение расположено на границе между телесным и психическим, либидо есть не что иное, как его психический аспект, или, иначе, «динамическое проявление сексуального влечения в душевной жизни» (3). В первых сочинениях Фрейда о неврозе страха* (1896) понятие «либидо» обозначало энергию, отличную от соматического сексуального возбуждения: нехватка психического либидо приводит к возрастанию напряжения на соматическом уровне и непосредственно, без всякой психической обработки, порождает симптомы. При «отсутствии некоторых психических условий» (4) внутреннее сексуальное возбуждение выходит из-под контроля; возникающее при этом напряжение не может плодотворно использоваться психикой и между психическим и соматическим возникает разрыв, порождающий состояние тревоги.

В первом издании «Трех очерков. по теории сексуальности» (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) либидо, которое относится к любви так же, как голод к пищевому инстинкту, предстает как нечто подобное сексуальному желанию, нацеленному на удовлетворение, и позволяет проследить различные его превращения: правда, при этом речь идет лишь об объектном либидо, которое сосредоточивается, фиксируется на объектах или же оставляет их, переходя с одного объекта на другой.

Поскольку сексуальное влечение осуществляет давление, Фрейд определяет либидо как энергию этого влечения. Именно этот количественный аспект преобладает и в более поздней «теории либидо» с ее опорой на понятия нарциссизма и Я – либидо.

Понятие Я – либидо легло в основу обобщенной картины либидинальной экономики, которая включила в себя всю область взаимодействий между нагрузками и противонагрузками, приглушив тем самым субъективный смысл понятия «либидо»; Фрейд и сам считал, что теория либидо стала при этом отвлеченной и умозрительной. Быть может, вводя в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Jenseits des Lustprinzips, 1920) понятие Эроса* как основы влечений к жизни, как стремления организмов сохранять целостность живой субстанции и создавать новые единства, Фрейд стремился восстановить в этом биологическом мифе то субъективное, качественное измерение, которое поначалу было присуще понятию (либидо).

МЕТАПСИХОЛОГИЯ

Нем.: Metapsychologie. – Франц.: мйтапсихологие. – Англ.: metapsychology. – Исп.:

metapsicologia. – Итал.: metapsicologia. – Португ.: metapsicologia.

- Термин, которым Фрейд обозначает теоретические аспекты основанной им психологии. Метapsихология разрабатывает совокупность концептуальных моделей, более или менее удаленных от опыта, например изобретает идею психического аппарата, подрасчлененного на несколько инстанций, теорию влечений, концепцию процесса вытеснения и т. д.

Метapsихология включает три плана рассмотрения явлений: динамику, топику и экономику.

- Термин «метapsихология» иногда встречается в письмах Фрейда В. Флиссу. Это слово выражает своеобразие фрейдовской попытки построения психологии, ведущей, в отличие от традиционных психологии сознания, «по ту сторону сознания» (1a). Нельзя не отметить аналогию между терминами «метapsихология» и «метафизика» – у Фрейда, по-видимому, преднамеренную. Ведь о своем философском призвании он писал: «Я надеюсь, что ты со вниманием отнесешься к некоторым метapsихологическим проблемам [...]». В молодости я стремился лишь к философскому познанию, и теперь я могу, переходя от медицины к психологии, приблизиться к этой цели» (1b).

Однако размышления Фрейда об отношениях между метафизикой и метapsихологией выходят за рамки простого сходства, поскольку метapsихология, например, определяется как научная попытка перестроить «метафизические» конструкции. Фрейд видел в этих конструкциях (подобно суевериям или паранояльному бреду) проекцию на внешний мир того, что на самом деле присуще бессознательному: «... большая часть мифологической картины мира, вплоть до самых современных религий, есть не что иное, как *проекция психологии на внешний мир*. Неясное осознание (или, иначе, эндопсихическое восприятие) психических факторов и бессознательных процессов отображается [...] в построении *сверхчувственной реальности*, которую наука призвана преобразовать в *психологию бессознательного* [...]». Можно было бы попытаться перестроить *метафизику* в *метapsихологию*» (2).

Впоследствии Фрейд вновь обратился к термину «метapsихология», стремясь дать ему точное определение: «Я называю *метapsихологическим* представлением (Darstellung) [...] описание психического процесса в его *динамических, топических и экономических* отношениях» (3,a). Должны ли мы считать ме-тапсихологическими все теоретические исследования, где используются понятия и гипотезы, относящиеся к этим трем регистрам? Или, быть может, следует называть метapsихологическими те основополагающие тексты, в которых разрабатываются или объясняются главные гипотезы психоаналитической психологии – ее «принципы» (Prinzipien), «основные понятия» (Grundbegriffe), теоретические «модели» (Darstellungen, Fiktionen, Vorbilder)? У Фрейда есть несколько метapsихологических текстов, которые веками размечают все его творчество; прежде всего это «Набросок научной психологии» (Entwurf einer Psychologie, 1895), глава VII из «Толкования сновидений» (Die Traumdeutung, 1900), «О двух принципах функционирования психики» (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychisches Geschehens, 1911), «По ту сторону принципа удовольствия» (Jenseits des Lustprinzips, 1920), «Яи Оно» (Das Ich und das Es, 1923), «Очерк психоанализа» (Abriss der Psychoanalyse, 1938). Наконец, в 1915 г. Фрейд задумал и отчасти написал «Подготовительные материалы к метapsихологии» (Zur Vorbereitung einer Metapsychologie), стремясь «...прояснить и углубить теоретические гипотезы, которые можно было бы положить в основу психоаналитической системы» (4, Я).

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

Нем.: Abwehrmechanismen. – Франц.: mechanismes de defence. – Англ.: mechanisms of defence. – Исп.: mecanismos de defensa. – Итал.: meccanismi di difesa. – Португ.: mecanismos de defesa.

- Различные типы операций, характерные для психологической защиты. Основные механизмы различаются по типу возникающего душевного расстройства, по зависимости от той или иной генетической стадии, по степени обработки защитного конфликта и пр.

Принято считать, что защитными действиями руководит *Я*, однако, с теоретической точки зрения, неясно, всегда ли включение защитных механизмов требует опоры на сформировавшееся *Я*.

- Поначалу понятие механизма обозначало у Фрейда особые сращения психических явлений, способные стать объектом наблюдения и научного исследования – ср. подзаголовки «Предварительного сообщения» (Vorläufige Mitteilung, 1893) Брейера и Фрейда – «О психическом механизме истерических явлений» (Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene).

В период, связанный с разработкой понятия защиты как основы истерических явлений (см.: Истерия защиты), Фрейд пытался одновременно уточнить роль защиты в других психоневротических расстройствах: «...различные невротические расстройства обусловлены действиями *Я*, его стремлением освободиться от [своей] несовместимости [с тем или иным представлением]» (1).

В «Дальнейших замечаниях о психоневрозах защиты» (Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896) Фрейд разграничивает механизмы истерической конверсии, навязчивого замещения, параноидной проекции.

Понятие «механизм» периодически возникает на протяжении всего творчества Фрейда. Например, в метапсихологических сочинениях 1915 г. понятие «защитного механизма» употребляется в двух различных смыслах: оно обозначает либо всю *совокупность* защитных процессов, свойственных тому или иному неврозу (2), либо использование *той или иной* «судьбы влечения» (например, вытеснения, обращения на себя, обращения в свою противоположность (3)) с целью защиты.

В «Торможении, симптоме, страхе» (Hemmung, Symptom und Angst, 1926) «возрождение старого понятия защиты» (4а) обосновывается у Фрейда ссылкой на необходимость более широкого понятия, включающего в себя наряду с вытеснением и другие «методы защиты». При этом подчеркивается возможность установления «тесной внутренней связи между отдельными формами защиты и определенными видами расстройств» и высказывается предположение о том, что «психический аппарат – еще до четкого разграничения между *Я* и *Оно*, до образования *Сверх-Я* – уже использует методы защиты, отличные от тех, что свойственны более высоким стадиям организации» (4б).

Хотя сам Фрейд, по-видимому, недооценивал наличие подобных мыслей в своих ранних сочинениях, несомненно, что после 1926 г. изучение защитных механизмов стало важной темой психоаналитического исследования, особенно в работах Анны Фрейд. На конкретных примерах она показала разнообразие, сложность, пределы применения защитных механизмов, подчеркивая, что для защиты могут использоваться весьма различные виды действий (фантазирование, интеллектуальная деятельность), что защита может направляться не только против влечений, но и против всего того, что вызывает тревогу (эмоции, некоторые особые ситуации, требования *Сверх-Я* и пр.). Не претендуя на исчерпывающий и систематический подход, Анна Фрейд перечисляет следующие защитные механизмы: вытеснение*, регрессия*, реактивное образование*, изоляция*, отмена некогда бывшего*, проекция*, интро-екция*, обращение на себя*, обращение в свою противоположность*, сублимация*.

Существуют и другие приемы защиты. В этой связи Анна Фрейд называла также отрицание посредством фантазирования, идеализацию*, идентификацию с агрессором* и пр. М. Кляйн описывала в качестве простейших видов защиты расщепление объекта*, проективное (само)отождествление*, отказ от психической реальности, претензию на всевластие над объектами и пр.

*

Более широкое употребление понятия защитного механизма порождает ряд проблем.

Можно ли назвать операциональным понятие, которое объединяет столь различные действия, как, скажем, рационализация*, основанная на сложных интеллектуальных механизмах, и обращение на себя* в качестве «судьбы» влечения, которое называют одним и тем же словом, и собственно навязчивое поведение (например, отмена некогда бывшего), и поиск средств «отработки», допускающий некоторые виды сублимации (см.: Механизмы отработки)?

Говоря о «механизмах защиты Я», многие авторы обращают внимание на важные различия: «Наряду с такими приемами, как изоляция, отмена некогда бывшего, мы находим здесь и процессы, связанные с влечениями, такие, как регрессия, обращение в свою противоположность, обращение на себя» (5a). Но тогда необходимо показать, что один и тот же процесс разворачивается на разных уровнях: например, интроекция, которая поначалу выступает как особое отношение влечения к своему объекту, находит свой телесный прообраз в инкорпорации и может *вторично* использоваться Я в процессе защиты (ср. маниакальная защита).

Нельзя упустить из виду и другое важнейшее теоретическое разграничение – то, что выделяет вытеснение среди всех других видов защиты. Фрейд неустанно подчеркивал эту особенность и Даже утверждал, что вытеснение есть лишь разновидность защиты (6). И дело здесь, по мнению Анны Фрейд, не в том, что вытеснение – это, по сути, постоянная противонагрузка, «наиболее эффективный и одновременно наиболее опасный механизм защиты», но в том, что именно вытеснение создает бессознательное как таковое (см.: Вытеснение).

Было бы неверно, положив в основу теории понятие защиты Я, противопоставить ему требования чистого влечения, принципиально чуждого всякой диалектике: «Если бы не давление Я или представляемых им внешних сил с их требованиями, судьба всех влечений сводилась бы лишь к одному – к удовлетворению» (5b).

При таком подходе влечение оказалось бы всецело положительной силой, лишенной каких-либо следов запрета. Но разве механизмы первичного процесса – смещение, сгущение и пр., – предполагающие упорядоченную игру влечений, не противоречат такому пониманию?

НАГРУЗКА

Нем.: Besetzung. – Франц.: investissement. – Англ.: cathexis. – Исп.: catga. – Итал.: carica или investimento. – Португ.: carga или investimento.

- Экономическое понятие: приложение некоторой психической энергии к представлению или группе представлений, к части тела, к предмету и пр.

- На французский язык принято переводить Besetzung как «investissement» (иногда – «ossuration»). По этому поводу необходимо отметить следующее. Немецкий глагол besetzen имеет много значений, среди которых – занятие места или в военном смысле – оккупация города, страны (франц. occuper). По-французски слово investissement означает, с одной стороны, в языке военного дела, факт окружения, оцепления (а вовсе не занятия) места, а в финансовом языке – вложение капитала в предприятие (именно этот последний смысл теперь преобладает в обыденном языковом сознании). Таким образом, немецкий и французский термины не вполне соответствуют друг другу: французский термин побуждает к сопоставлению «экономики» во фрейдовском смысле с тем, о чем идет речь в собственно экономической науке.

Термин Besetzung употреблялся Фрейдом постоянно, хотя его значение и роль менялись на различных этапах фрейдовской мысли.

Он появился в 1895 г. в «Исследованиях истерии» [Studien über Hysterie] и в «Наброске научной психологии» [Entwurf einer Psychologie], однако такие близкие ему понятия, как «сумма возбуждения», «аффективная ценность», употреблялись и раньше (1893, 1894). Так, в предисловии к работе Бернгейма «Внушение и его терапевтическое применение» (Die

Suggestion und ihre Heilwirkung, 1888–1889) Фрейд говорил о перемещении очагов возбудимости в нервной системе (Verschiebungen von Erregbarkeit im Nervensystem). Эта гипотеза имеет одновременно и клинические, и теоретические истоки.

С клинической точки зрения, лечение неврозов, особенно истерии, привело Фрейда к мысли о фундаментальном различии между «представлениями» и «квантом аффекта»* как нагрузкой этих представлений. Именно поэтому воспоминание о важном событии в истории пациента может восприниматься безразлично, а неприятный или даже мучительный опыт может связываться с вполне нейтральным событием, а вовсе не с тем, которое изначально породило неудовольствие (смещение, «ложная связь»). В «Очерках об истерии» Фрейд описывал процесс лечения как процесс восстановления связи между различными представлениями, а тем самым и восстановления отношения между воспоминанием о событии-травме и аффектом – процесс, в результате которого происходит аффективная разрядка (отреагирование). Вместе с тем исчезновение соматических симптомов при истерии совпадает с выявлением вытесненного аффективного опыта, и потому можно предположить, что возникновение симптома связано с превращением психической энергии в «энергию иннервации».

Все эти факты, в особенности связанные с конверсией*, основаны на принципе сохранения нервной энергии, способной принимать различные формы. Эта концепция последовательно проводится в «Наброске научной психологии», где функционирование нервного аппарата представлено через энергетические изменения внутри нейронной системы. В этом тексте слово *Besetzung* обозначает как действие, связанное с нагрузкой или зарядом нейрона (или системы нейронов), так и его результат, т. е. величину этой энергетической нагрузки, в особенности – покоящейся энергии (1).

В дальнейшем Фрейд отказался от неврологических схем, связав понятие энергетической нагрузки с действием «психического аппарата»*. Так, в «Толковании сновидений» (*Die Traumdeutung*, 1900) показано распределение энергетической нагрузки между различными психическими системами. Так, система бессознательного основана на разрядке накопившегося возбуждения; система предсознания нацелена на торможение этого процесса, недопущение непосредственной разрядки и предполагает вложение небольших количеств энергии в деятельность мысли, направленной на изучение внешнего мира: «я утверждаю, что в целях эффективности вторая система удерживает большую часть энергетической нагрузки в состоянии покоя и динамически использует лишь малую ее часть» (2а) (см.: Энергия свободная – Энергия связанная).

Во всяком случае, очевидно, что пересмотр тезисов «Наброска научной психологии» вовсе не означает, что Фрейд полностью отказался от понятия нервной энергии. «При серьезном подходе к этому вопросу, – отмечает Фрейд, – следовало бы искать физические аналогии, пролагая путь представлению движения как процесса возбуждения нейронов» (2b).

Разработка понятия влечения дает ответ на вопрос, не решенный в рамках экономических представлений «Толкования сновидений»: энергетическая нагрузка есть не что иное, как энергия влечений, которая порождается внутренними источниками и постоянно побуждает психику к преобразованиям. Именно поэтому «либидинальная нагрузка» – это не что иное, как нагруженность энергией сексуальных влечений. Во второй теории психического аппарата источником всех нагрузок становится *Оно* – полюс влечений в личности. Из этого источника черпают энергию все другие психические инстанции.

Понятие нагрузки, как, впрочем, и «большинство других экономических понятий, составляет часть концептуального аппарата Фрейда, но не получает строгой теоретической разработки.

Это относится и к тем понятиям, которые были заимствованы „молодым Фрейдом“ у повлиявших на него нейрофизиологов (Брюкке, Мейнерти пр.). Отсюда – затруднения читателя, который ищет у Фрейда ответа на ряд вопросов:

1) в самом употреблении понятия нагрузки есть двусмысленность, которая не устраняется психоаналитической теорией. Чаще всего оно имеет метафорический смысл,

обозначая аналогию между работой психики и функционированием нервного аппарата, рассматриваемым с энергетической точки зрения.

Когда речь идет о нагрузке *представления*, психологические операции определяются в языке, упорно порождающем аналогию между физическим механизмом и психической нагруженностью (нагрузка нейрона или, например, энграммы). Напротив, когда речь идет о нагрузке *объекта* в противоположность нагрузке представления, понятие психического аппарата как закрытой системы, построенной по аналогии с нервной системой, уже не может служить нам опорой. Так, можно говорить о заряде представления, о том, что его судьба зависит от изменения этого заряда, тогда как нагрузка реального объекта, имеющего независимое существование, не может иметь такого „реалистического“ смысла. Неясность обнаруживается и в таком понятии, как „интроверсия“ (переход от нагрузки реального объекта к нагрузке воображаемого, внутриспсихического объекта): помыслить идею сохранения энергии при таком переносе довольно трудно.

Некоторым психоаналитикам кажется, что использование таких понятий, как „нагрузка“, дает им, хотя бы в принципе, объективную гарантию связи между динамической психологией и нейрофизиологией. В самом деле, говоря о „нагрузке органа“, „нагрузке перцептивного аппарата“, мы думаем, будто этот нейрофизиологический язык обеспечивает переход от психоаналитических теорий к нейрофизиологическим. На самом же деле речь идет здесь не о переходе, а всего лишь о переносе нейрофизиологической теории на другую область.

2) Другая сложность возникает при попытках связать понятие нагрузки с понятиями фрейдовской топики. С одной стороны, считается, что любая энергетическая нагрузка порождается влечениями; с другой стороны, однако, говорят о том, что каждая психическая система имеет свою особую нагрузку. Эта трудность проявляется особенно ярко в случае так называемой бессознательной нагрузки. В самом деле, если считать, что эта нагрузка имеет либидинальную природу, она предстанет как сила, подталкивающая нагруженные энергией представления к осознанию и движению. Правда, Фрейд нередко говорит о бессознательной нагрузке как о связующей силе, присущей системе бессознательного и способной притягивать к нему представления: особенно велика роль этой силы в процессе вытеснения. Возникает впечатление, что термин „нагрузка“ обозначает разнородные понятия (3).

3) Можно ли ограничить понятие нагрузки у Фрейда областью экономики? У Фрейда оно означает положительную нагрузку объекта или представления. Однако разве это понятие не имеет более широкого смысла на уровне описания и клинического опыта? В личном мире субъекта вещи и представления обладают *значениями*, упорядочивающими все поле восприятия и поведения. С одной стороны, эти значения могут быть столь различными, что даже помыслить возможность их взаимозаменяемости невозможно. С другой стороны, оказывается, что некоторые объекты, обладающие для субъекта значениями, оказываются носителями не положительной, а отрицательной нагрузки: например, объект страха (фобический объект) вовсе не лишен нагрузки – напротив, он сильно „нагружен“ как то-чего-следует-избегать.

Иногда возникает желание отказаться от этого „экономического“ языка и перевести фрейдовское понятие нагрузки в план феноменологии с ее излюбленными понятиями – интенциональности, объекта-ценности и пр. К тому же научный язык Фрейда подчас подкрепляет такую точку зрения. Например, в написанной по-французски статье „Некоторые соображения к сравнительному изучению двигательных параличей органического и истерического происхождения“ (1893) Фрейд использует в качестве взаимозаменяемых такие выражения, как „квант аффекта“ (Affektbetrag) и „аффективная ценность“ (4). В других текстах „нагрузки“ – это не столько определенные количества доступной измерению либидинальной энергии, сколько качественно различные аффективные побуждения: например, для младенца, лишенного матери, мать несет нагрузку его „томительного влечения“ (Sehnsuchtbesetzung) (5).

*

Каковы бы ни были трудности, связанные с понятием нагрузки, психоаналитикам вряд ли можно без него обойтись при осмыслении клинических данных и оценке динамики анализа. Некоторые расстройства связаны с особым распределением энергии субъекта применительно к объектам и к самому себе. Вследствие этого, например, состояние скорби приводит к явному оскудению отношений субъекта с внешним миром, что, в свою очередь, объясняется сверхнагрузкой утраченного объекта, как если бы между различными нагрузками внешних или воображаемых объектов, собственного тела, *Я* и т. д. существовало подлинное энергетическое равновесие.

НАРЦИССИЗМ

Нем.: Narzissmus. – Франц.: narcissisme. – Англ.: narcissism. – Исп.: narcisis-mo. – Итал.: narcisismo. – Португ.: narcisismo.

• Согласно мифу о Нарциссе, любовь к собственному образу.

• 1) Термин „нарциссизм“ (а) впервые появляется у Фрейда в 1910 г. Для обозначения гомосексуального выбора объекта: гомосексуалисты „...видят сексуальный объект в самих себе; они исходят из нарциссической установки и ищут похожих на себя молодых людей, которых они могли бы любить так же, как мать любила их“ (1a).

Открытие нарциссизма заставляет Фрейда предположить – в случае Шребера (1911) – существование особой *стадии* сексуального развития, промежуточной между автоэротизмом и объектной любовью. „Субъект начинает видеть (объект любви] в самом себе, в своем теле“ (2), что позволяет впервые свести сексуальные влечения воедино. Ту же точку зрения мы находим и в „Тотеме и табу“ (Totem und Tabu, 1913).

2) Мы видим, что Фрейд пользовался понятием нарциссизма еще до того, как посвятил ему отдельное исследование (К введению в нарциссизм (Zur Einführung des Narzissmus, 1914)). В этом тексте понятие нарциссизма вводится в психоаналитическую теорию в целом, прежде всего в область либидинальных влечений. В самом деле, при психозе („нарциссическом неврозе“) либидо способно к перенагрузке *Я* при разгрузке объекта; а это предполагает, что „...по сути, нагрузка *Я* при этом сохраняется и относится к объектным нагрузкам так же, как тело живой протоплазмы – к выпускаемым ею ложноножкам“ (3a). Опираясь на принцип сохранения либидинальной энергии, Фрейд устанавливает равновесие между *Я-либидо* (*Я*, нагруженным либидо) и „объектным либидо“: „Чем больше поглощает одно, тем сильнее истощается другое“ (3b). „*Я* следует рассматривать как большой резервуар, откуда либидо устремляется к объектам, – всегда готовый вновь поглотить либидо, отливающее от объектов“ (4).

В рамках энергетической концепции, признающей постоянство либидинальных нагрузок *Я*, наше определение нарциссизма представляет его не как стадию развития, но как застой либидо, не преодолимый никакой нагрузкой объектов.

3) Этот процесс разгрузки объекта и востребования либидо субъектом уже был описан К.Абрахамом в 1908 г. на примере раннего слабоумия: „Психосексуальная характеристика раннего слабоумия – это возврат пациента к автоэротизму [...]. Больной переносит на себя как на единственный сексуальный объект все то количество либидо, которое нормальный человек распределяет между окружающими его одушевленными и неодушевленными предметами“ (5). Фрейд разделяет эти идеи Абрахама: „...они приняты психоанализом и стали основой нашего отношения к психозам“ (6), добавляя (и это добавление позволяет уточнить суть нарциссизма в сравнении с автоэротизмом*), что *Я* поначалу не представляет собой единства и что для создания целостного *Я* требуется „дополнительное психическое действие“ (3c).

Если мы стремимся сохранить различие между тем состоянием, при котором сексуальные влечения удовлетворяются беспорядочно и независимо друг от друга, и нарциссизмом, при котором объектом любви становится *Я* как целое, приходится предположить, что формирование *Я* начинается уже в период детского нарциссизма.

По этому вопросу в психоаналитической теории не существует единой точки зрения. Можно предположить, что *Я* складывается одновременно и параллельно со становлением схемы тела, причем формирование такого единства ускоряется, если собственное *Я* субъекта складывается по образу другого человека. Тогда нарциссизм – это страстная любовь объекта к этому образу. Жак Лакан обнаружил соответствие между начальным моментом в формировании *Я* и исходным нарциссическим опытом, так называемой стадией зеркала* (7). С этой точки зрения, определяющей *Я* через его самоотождествление с образом другого человека, нарциссизм, даже „первичный“, не есть состояние, лишенное интересубъективного отношения, но, напротив, интериоризация такого отношения. Такова фрейдовская трактовка нарциссизма в „Скорби и меланхолии“ (Trauer und Melancholie, 1916), где речь идет о „нарциссическом (само)отождествлении“ с объектом (8).

Однако во второй теории психического аппарата мы уже не встречаем у Фрейда этих идей. На их место встает противопоставление первичного (необъектного) нарциссического состояния объектным отношениям. Это изначальное состояние, или первичный нарциссизм, отличается полным отсутствием отношения к окружению, слитностью *Я* и *Оно*: его прообразом служит внутриутробная жизнь, более или менее точно отображаемая в снах (9).

Идея более позднего нарциссизма, связанного с формированием *Я* через (само)отождествление с другими людьми, не исчезает, однако это состояние называется уже не „первичным“, а „вторичным“ нарциссизмом (10а). „Нарциссизм *Я* – это вторичный нарциссизм, извлеченный из отношения к объектам“ (10b). Эти глубокие изменения во взглядах Фрейда происходят одновременно с введением понятия *Оно** как отдельной инстанции, из которой путем дифференциации возникают другие инстанции, с пересмотром понятия *Я**, при котором акцент ставится не только на его порождение в результате ряда (само)отождествлений, но и на его особую приспособительную функцию, наконец, со стиранием различий между автоэротизмом* и нарциссизмом. Если понять эти идеи буквально, мы столкнемся с тем, что противоречит опыту, – с утверждением, будто восприятия новорожденного лишены окна во внешний мир, и тем самым с наивной идеалистической апорией, осложненной моментом „биологизма“: а как тогда перейти от самозамкнутой монады к постепенному признанию объекта?

ОБРАБОТКА ПСИХИЧЕСКАЯ

Нем.: psychische Verarbeitung (или Bearbeitung, или Ausarbeitung, или Aufarbeitung). – Франц.: élaboration psychique. – Англ.: psychical working over или out. – Исп.: elaboración psíquica. – Итал.: coaborazione psichica. – Португ.: elaboração psíquica.

• А) Термин Фрейда для обозначения работы психического аппарата по управлению возбуждениями, когда их избыток может привести к возникновению патологий. Цель этой работы – объединить психические возбуждения, установив между ними ассоциативные связи.

Б) Французский термин élaboration нередко используется переводчиками как эквивалент немецкого Durcharbeiten или английского working through. В этом случае мы предпочитаем термин perlaboration (переработка*).

• Arbeit (работа) – составная часть многих фрейдовских выражений: Traumarbeit (работа сновидения), Trauerarbeit (работа скорби), Durcharbeiten (проработка), а также различных слов – Verarbeitung, Bearbeitung, Ausarbeitung, Aufarbeitung, переводимых на русский язык как „обработка“. Новизна такого использования понятия „работа“ – в его применении к внутриспсихическим операциям. Кое-что проясняет здесь фрейдовское понятие психического аппарата*, который преобразует и передает получаемую энергию, и понятие влечения как „количества необходимой психической работы“ (1).

В самом широком смысле психическая обработка может также означать совокупность действий, совершаемых этим аппаратом. Однако Фрейд понимает ее более узко: психическая обработка – это преобразование определенного количества энергии, которое позволяет

управлять ею путем ее развертывания или же связывания*.

Фрейд и Брейер заимствовали это понятие у Шарко, который говорил, в связи с истерией, об определенной стадии психической обработки, приводящей от травмы к появлению симптомов (2). Включив это понятие в свою теорию истерии, Фрейд и Брейер ввели его тем самым в иной контекст, связали с иной трактовкой возникновения болезни и ее лечения. Обычно травматические последствия события устраняются либо отреагированием*, либо коррекцией, путем включения „в более широкую сеть ассоциаций“ (3). В случае истерии (см.: Истерия гипноидная, Истерия защиты) различные факторы препятствуют такому устранению последствий травмы; например, ассоциативной психической обработки (Verarbeitung) при этом не происходит и воспоминание о травме остается „отдельной группой психических явлений“. Действенность лечения заключается в установлении ассоциативных связей, позволяющих постепенно устранить последствия травмы (см.: Катарсис).

Понятие обработки используется и в теории актуальных неврозов: отсутствие психической обработки соматического сексуального напряжения приводит к прямому преобразованию этого напряжения в симптомы. Этот механизм похож на механизм истерии (4), однако недостаток обработки здесь проявляется ярче: „...сексуальное напряжение порождает страх во всех тех случаях, когда оно достаточно сильно, и при отсутствии психической обработки прямо преобразуется в аффект“ (5).

В работе „К введению в нарциссизм“ (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд развивает мысль о том, что отсутствие или недостаточность психической обработки порождает либидинальный застой*, а в конечном счете вызывает невроз или психоз.

Сопоставляя различные случаи фрейдовского использования понятия психической обработки в теории истерии и в теории актуальных неврозов, мы можем вычленировать два главных аспекта: 1) преобразование физических величин в психические; 2) установление ассоциативных связей на основе этого преобразования.

Подобное разграничение фактически подразумевается и в работе „К введению в нарциссизм“. Фрейд считал актуальный невроз основой любого психоневроза, исходя из наличия двух последовательных стадий: либидинального застоя и психической обработки.

Таким образом, психическая обработка – это пограничное понятие между экономическим и символическим уровнями теории Фрейда. О дискуссиях по этим вопросам см.: Связывание (Bindung).

Заметим, наконец, что обработка и проработка, безусловно, сходны, поскольку работа психоаналитика аналогична спонтанному функционированию психического аппарата.

ОБЪЕКТ

Нем.: Objekt. – Франц.: objet. – Англ.: object. – Исп.: objeto. – Итал.: oggetto. – Португ.: objeto.

- Понятие объекта рассматривается в психоанализе с трех основных точек зрения:

А) В связи с влечением: ведь именно в объекте или посредством объекта влечение может достичь своей цели или удовлетворения. Это может быть человек в целом или частичный объект, объект реальный или фантазматический.

Б) В связи с любовью (или ненавистью): речь здесь идет об отношении к личности в целом, к какой-то инстанции *Я* или же к объекту в целом (личность, сущность, идеал и пр.) (соответствующим прилагательным здесь будет „объектный“).

В) При традиционном использовании в философии или психологии познания – в связи с воспринимающим и познающим субъектом: объект есть то, что имеет устойчивые и постоянные признаки, которые в принципе могут быть восприняты всем сообществом субъектов независимо от их индивидуальных желаний и мнений (соответствующее прилагательное „объективный“).

- В психоаналитических трудах термин „объект“ встречается также в различных

сочетаниях, таких, как „выбор объекта“*, „любовь к объекту“*, „утрата объекта“*, „объектное отношение“* и пр., которые могут вызвать затруднения у читателя-непрофессионала. Объект понимается здесь близко к тому, как он трактуется в языке литературы „объект моей страсти“, „объект моей ненависти“ и пр. В данном случае слово „объект“ не предполагает понятия вещи как неодушевленного, доступного любым манипуляциям предмета, который обычно противопоставлен понятиям одушевленного существа или личности.

I. Все эти смыслы понятия „объект“ в психоанализе опираются на фрейдовскую концепцию влечения. Анализируя понятие влечения, Фрейд проводит различие между его объектом и целью*: „Введем два термина. Назовем сексуальным объектом лицо, обладающее сексуальной привлекательностью, а сексуальной целью – действие, к которому подталкивает влечение“ (1). Это противопоставление навсегда сохранилось у Фрейда; оно явно присутствует у него и в самом развернутом определении влечения: „... объект влечения есть то, в чем или посредством чего влечение может достичь своей цели“ (2а); однако объект определяется и как возможное средство удовлетворения: „Это наиболее переменчивый аспект влечения, связанный с ним не изначально, но лишь впоследствии – благодаря его способности обеспечивать удовлетворение“ (2б). Этот опорный тезис Фрейда о случайности объекта вовсе не означал, что влечение может удовлетвориться любым объектом: речь шла лишь о том, что объект влечения, подчас весьма своеобразный, определяется индивидуальной историей конкретного субъекта, особенно историей его детства. Объект есть тот момент влечения, который менее всего обусловлен врожденным телесным и душевным складом субъекта.

Подобный подход вызвал ряд возражений. Суть проблемы подытожил Фэрберн [Fairbairn] (3): чего, собственно, ищет либидо – удовольствия (pleasure-seeking) или объект (object-seeking)? Для Фрейда несомненно, что либидо, даже изначально нацеленное на конкретный объект (см.: Опыт удовлетворения), есть прежде всего нечто, направленное на удовлетворение и на скорейшее ослабление напряжения, – теми способами, которые доступны той или иной эрогенной зоне. Однако мысль о взаимосвязи между природой и „судьбой“ целей и объектов влечения (она подчеркнута в самом понятии объектного отношения) вовсе не чужда Фрейду (о дискуссиях по этому вопросу см.: Объектное отношение).

Фрейдовское понятие объекта влечений было выдвинуто в „Трех очерках по теории сексуальности“ (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) на основе анализа сексуальных влечений. Что же представляет собой – в рамках первого фрейдовского дуализма – объект других влечений, особенно влечений к самосохранению? Этот объект (например, пища) конечно же более жестко обусловлен непосредственными жизненными потребностями.

Однако различие между сексуальными влечениями и влечениями к самосохранению не должно приводить к слишком резкому противопоставлению их объектов: в одном случае условного, в другом – детерминированного биологическими факторами. По Фрейду, сексуальные влечения поначалу примыкали к влечениям, направленным на самосохранение: именно они указывали сексуальным влечениям путь к объекту.

Понятие примыкания* дает ключ к разгадке запутанной проблемы объекта влечений. Возьмем, к примеру, оральную стадию: на языке влечений к самосохранению объект здесь – пища; на языке орального влечения – то, что поглощает, инкорпорирует, включая и все то, что привносится в этот процесс воображением. Психоанализ оральных фантазмов показывает, что деятельность поглощения может относиться и к любым другим объектам, не связанным с пищей, и в этом суть „орального объектного отношения“.

II. Понятие объекта в психоанализе следует связывать не только с влечением – если оно вообще может быть схвачено в чистом виде. Это понятие обозначает также все то, что служит объектом притяжения, объектом любви, – обычно конкретное лицо. Лишь психоаналитическое исследование позволяет нам обнаружить – за пределами общего отношения Я к объектам любви – игру влечений во всем их многообразии, изменчивости,

фантазматичности. При анализе понятия сексуальности и влечения проблема связи между объектом влечения и объектом любви в явной форме у Фрейда не возникала. Да иначе и быть не могло, поскольку в первом издании „Трех очерков“ (1905) главным было противопоставление между детской и постпубертатной сексуальностью. Детская сексуальность выступала, по сути, как автоэротическая*, поскольку на этой стадии фрейдовской мысли внимание почти не уделялось отношению сексуальности к объекту, отличному от собственного тела (хотя бы в воображении). Тем самым влечение у ребенка оказывается *частичным* скорее по способу удовлетворения (локальное удовольствие*), нежели по типу объекта, на который оно направлено. Лишь в период половой зрелости происходит *выбор объекта*. Прообразы и первые наброски этого этапа относятся к детскому периоду, однако оказывается, что лишь теперь человеческая сексуальность объединена в нечто цельное и направлена на другого человека.

Как известно, в период между 1904 и 1924 г. противопоставление между детским автоэротизмом и постпубертатным выбором объекта постепенно сглаживается. Описание различных догенитальных стадий либидинального развития показало различия в способах „объектного отношения“. Двусмысленность понятия автоэротизма (ведь его можно было понять так, что субъект поначалу вовсе отказывает в существовании любому внешнему объекту – реальному или фантазматическому) развеивается. Влечения, взаимодействие которых лежит в основе автоэротизма, называются *частичными* потому, что их удовлетворение связано не только с отдельной эрогенной зоной, но и с так называемыми *частичными объектами**. Между этими объектами устанавливаются отношения символической равнозначности, показанные Фрейдом в работе „О смещении влечений, особенно в области анального эротизма“ (Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik, 1917), а также отношения взаимодействия и обмена, в силу которых влечения претерпевают ряд превращений. Проблематика частичных объектов разрушает все то общее, что было присуще относительно цельному и нерасчлененному понятию сексуального объекта на ранних стадиях фрейдовской мысли. При этом возникает потребность отделить объект влечения в собственном смысле слова от объекта любви. Первый определяется главным образом своей способностью удовлетворять данное влечение. Речь может идти о человеке, что, однако, не обязательно, поскольку к получению удовольствия способен тот или иной участок тела. Тем самым подчеркивается условность объекта, его подчиненность удовольствию. Что же касается объекта любви, то он вводит в действие, наряду с ненавистью, еще одну пару понятий: „...понятия любви и ненависти должны обозначать не отношения влечений к их объектам, но лишь отношения целостного Я к объектам“ (2с). С точки зрения терминологической, здесь важно отметить следующее: хотя Фрейд выявил специфику отношения к частичным объектам, он тем не менее называл „выбором объекта“ лишь отношения человека в целом к объектам любви, выступающим также как целостные субъекты.

Это противопоставление между частичным объектом (объект влечения и особенно догенитальный объект) и целостным объектом (объект любви и особенно генитальный объект) свидетельствует о том, что в психогенетической перспективе психосексуальное развитие субъекта предстает как переход с одной стадии на другую посредством постепенного подчинения частичных влечений генитальной организации. С этой точки зрения, генитальная стадия требует усиленного внимания к объекту во всем разнообразии и богатстве его качеств, во всей его независимости. Объект любви – это не просто место, куда устремляются влечения, не просто нечто предназначенное к поглощению.

Несмотря на всю важность разграничения между частичным объектом и объектом любви, оно не обязывает нас именно к такой трактовке проблемы. С одной стороны, частичный объект можно считать одним из неустраняемых и неуничтожимых полюсов сексуального влечения. С другой стороны, как показывает психоаналитическое исследование, целостный объект не представляет собой чего-то окончательно сложившегося, более того – он никогда полностью не освобождается от моментов нарциссизма: его склад

определен не столько более или менее удачным синтезом различных частичных влечений, сколько их соединением в форме, созданной по образу *Я* (*a*,).

В работе „К введению в нарциссизм“ (*Zur Einführung des Narzissmus*, 1914) нелегко определить собственный статус объекта любви: с одной стороны, перед нами выбор объекта по примыканию*, при котором сексуальность ступшевывается в пользу функции самосохранения, с другой – нарциссический выбор объекта* по образу *Я*, вклинивающегося где-то между „матерью-кормилицей“, „отцом-защитником“ и тем, „каков я есмь, каким я был и каким я хотел бы быть“.

III. Наконец, психоаналитическая теория обращается к понятию объекта и в его традиционном философском смысле, т. е. в паре с воспринимающим и познающим субъектом. Конечно, при этом возникает проблема отношения между объектом в таком понимании и сексуальным объектом. Помыслить становление объекта влечений и тем более построить генитальный объект любви во всей его полноте, независимости, цельности невозможно, если не связывать этот процесс с постепенным становлением объекта восприятия: „объектное“ и „объективное“ взаимосвязаны. Делалось немало попыток согласовать психоаналитические представления о возникновении объектного отношения с данными генетической психологии познания и даже построить „психоаналитическую теорию познания“ (о подходе Фрейда к этому вопросу см.: *Я* – удовольствие – *Я* – реальность, Испытание реальности).

ОБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Нем.: Objektbeziehung. – Франц.: relation d'objet. – Англ.: object-relationship или object-relation. – Исп.: relación de objeto или objetal. – Итал.: relazione oggetale. – Португ.: relação de objeto или objetal.

• В современном психоанализе – отношение субъекта к миру как сложный и цельный итог определенной организации личности, как результат определенного восприятия объектов, в той или иной мере связанного с фантазированием, и выбираемых способов защиты.

Можно говорить об объектных отношениях применительно к тому или иному субъекту, к тем или иным стадиям развития (например, объектные отношения орального типа) или к психопатологическим явлениям (например, объектное отношение меланхолического типа).

• Понятие „объектное отношение“ изредка встречается у Фрейда (1), и потому нельзя считать, будто Фрейду оно неизвестно, но можно с уверенностью сказать, что частью его концептуального аппарата оно не является.

В 30-е годы роль понятия объектного отношения в психоаналитической литературе возрастает: в наши дни оно служит основой многих теорий. Как неоднократно подчеркивал Д. Лагаш, этот сдвиг затрагивает всю историю идей, а не один только психоанализ: речь идет о том, чтобы изучать не организм сам по себе, но его взаимодействия со средой (2). М.Балинт утверждал, что между совокупностью приемов психоанализа, основанных на общении, на межличностных отношениях, и его теорией, по-прежнему остающейся, по Рикману, „психологией индивидуального организма“, существует разрыв. Согласно Балинту, который уже в 1935 г. требовал уделять больше внимания становлению объектных отношений, все термины и понятия психоанализа, за исключением понятий объекта и объектного отношения относятся к отдельному изолированному индивиду (3). В русле того же подхода Р.Шпитц отметил, что, за исключением отрывка из „Трех очерков по теории сексуальности“ (*Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, 1905), где обсуждаются взаимоотношения между матерью и ребенком, Фрейд всегда рассматривает либидинальный объект лишь с точки зрения субъекта (нагрузки, выбор объекта и т. д.) (4).

Возрастание роли понятия «объектное отношение» привело к значительным переменам в области психоаналитической клиники, техники и генетики. Здесь мы не сможем подвести даже краткие итоги происшедших изменений. Ограничимся уточнением значения терминов, а

также попыткой определить, хотя бы в общих чертах, чем отличается современное употребление понятия «объектное отношение» от его фрейдовского применения.

I. Само выражение «объектное отношение» может сбить с толку читателя, не знакомого с психоаналитическими текстами. Слово «объект» здесь следует понимать особым образом – так, как оно понимается в психоанализе (ср. такие выражения, как «выбор объекта», «любовь к объекту»; впрочем, как мы увидим далее, предлог «к», отрывающий субъект от объекта, здесь не подходит). Человек, на которого направлены влечения, рассматривается здесь как объект, и в этом нет ничего уничижительного: это не означает отрицания его субъектных качеств.

«Отношение» здесь понимается скорее как взаимозависимость, т. е. речь идет не только о том, как субъект строит свои объекты, но и о том, как эти объекты формируют его деятельность. Концепция М.Кляйн и ее сторонников усиливают эту мысль: объекты (проецируемые, интроецируемые) в буквальном смысле воздействуют на субъекта как его преследователи, благодетели и т. п. (см.: «Хороший» объект, «плохой» объект).

Говоря об «объектном отношении», а не об отношении к объекту, мы стремимся подчеркнуть этот момент взаимодействия. В противном случае окажется, что объект или объекты существуют еще до того, как субъект вступает с ними в отношения, или же что субъект существует до того, как начинают существовать объекты.

II. Как соотносится теория Фрейда с современным понятием объектного отношения?

Анализируя понятие влечения, Фрейд, как известно, выделял его отдельные моменты – *источник, объект и цель, источник* – это та область или орган, в котором возникает сексуальное возбуждение. При этом Фрейд подчеркивал значение источника влечения, называя различные стадии либидинальной эволюции именем преобладающей в данный момент развития эрогенной зоны. Что же касается *цели и объекта*, то их разграничение сохранилось на протяжении всего творчества Фрейда. Так, в «Трех очерках» он исследовал отклонения от цели (например, садизм) и отклонения от объекта (например, гомосексуальность), а во «Влечениях и судьбах влечений» (Triebe und Triebschicksale, 1915) отличал преобразования влечений в связи с изменением цели от соответствующих преобразований в связи с изменением объекта.

В основе этого различия – представление о том, что цель влечений обусловлена определенным типом частичного влечения и в конечном счете его телесным источником. Например, инкорпорация, поглощение – это способ поведения, обусловленный оральным влечением, которое может смещаться (со рта на другие части тела), превращаться в свою противоположность (пожирать – быть пожираемым), подвергаться сублимации и т. д., однако его пластичность неограничена. Что же касается объекта, то тут Фрейд нередко подчеркивает его случайность, причем в двух взаимодополняющих смыслах:

а) в первом случае от объекта требуется лишь быть средством удовлетворения желания. В этом смысле такие объекты относительно взаимозаменяемы: например, на оральной стадии значимость любого объекта определяется тем, можно ли его съесть;

б) во втором случае, однако, история субъекта приводит к столь сильной индивидуализации объекта, что лишь один-единственный объект или его замена, обладающая качествами оригинала, могут принести удовлетворение.

Таким образом, становится понятно, как Фрейд может одновременно утверждать, что объект есть «самый переменчивый момент влечения» (5а) и что «... найти объект собственно говоря, значит: найти его заново» (б).

Разграничения между источником, объектом и целью, которые определяют для Фрейда общие рамки мыслительной работы, становятся более гибкими, когда речь идет о жизни влечений.

Когда мы говорим, что на определенном этапе общее отношение человека к объектам обусловлено особенностями функционирования какого-либо органа тела (например, рта), что означает, что данное отношение (поглощение) становится прообразом всех других видов деятельности субъекта – телесных или иных, которые отныне могут приобретать оральное

значение. Между объектом и целью также существуют многообразные отношения. Изменения цели влечений обусловлены диалектикой, в которой объект играет важную роль; в особенности при садомазохизме и вуайеризме – эксгибиционизме: «...обращение субъекта на себя [изменение объекта] и перемена отношения с активного на пассивное [изменение цели] соединяются или сливаются» (5б). Сублимация* – еще один пример такой соотношенности между объектом и целью.

Наконец, Фрейду удалось связать типы характера с типами отношения к объекту (7) и показать в своих клинических работах, каким образом одна и та же проблематика может раскрываться во внешне различных видах деятельности одного и того же индивида.

III. А теперь спросим себя: что нового дают постфрейдовские концепции объектного отношения? Ответить на этот вопрос нелегко, так как эти концепции весьма различны и их обобщение было бы натяжкой. Ограничимся здесь следующими замечаниями по этому поводу.

1) Хотя понятие объектного отношения в наши дни используется, казалось бы, независимо от фрейдовской теории влечений, оно все же предполагает некоторые внутренние изменения и в самой этой теории.

Источник влечения – если понимать его как органический субстрат – явно отходит на задний план; напротив, его значение прообраза, признаваемое уже Фрейдом, усиливается. Следовательно, сексуальное удовлетворение в определенной эрогенной зоне перестает быть целью: само это понятие уничтожается понятием отношения. Например, при «оральном объектном отношении» основной интерес вызывают различные перипетии поглощения, а также те пути и способы, посредством которых оно приобретает особый смысл и становится главным стимулом к фантазированию среди всех других возможных отношений субъекта к миру. Что же касается объекта, то многие современные аналитики не признают ни его многообразия в связи с искомым удовлетворением, ни его единственности – в связи с его включением в индивидуальную историю субъекта: они скорее склонны строить концепции *типичного* объекта для каждого вида отношений (ср. оральный, анальный и другие объекты).

2) Поиск типического на этом не заканчивается. По сути, в объектном отношении этого типа представлена не только жизнь влечений, но и соответствующие механизмы защиты, степень развития *Я*, его структура и т. д., поскольку все это также характеризует данное объектное отношение (а). Таким образом, понятие объектного отношения есть одновременно и нечто объемлющее («холистское») и нечто типическое в эволюции личности.

Кстати, термин «стадия» все чаще заменяется теперь понятием объектного отношения. Такой сдвиг свидетельствует о том, что в любом субъекте соединяются или чередуются различные типы объектного отношения. Напротив, говорить о сосуществовании различных *этапов* было бы нелогично.

3) Поскольку понятие объектного отношения, по определению, выделяет те отношения, из которых сплетается жизнь субъекта, то возникает опасность увидеть существенное лишь в реальных отношениях субъекта с его окружением. Психопсихолог обязан отказаться от этой ложной трактовки: ведь он должен изучать объектное отношение прежде всего на уровне фантазий, хотя, конечно, и фантазии могут менять наше восприятие реальности и направленные на нее действия.

ОНО

Нем.: es. – Франц.: за. – Англ.: id. – Исп.: ello. – Итал.: es. – Португ.: id.

• Одна из трех инстанций, выделяемых Фрейдом в его второй теории психического аппарата. *Оно* – это полюс влечений в личности; его содержания, связанные с психическим выражением влечений, бессознательны: они являются, с одной стороны, врожденными и наследуемыми, с другой – вытесненными и приобретенными.

С точки зрения экономики, *Оно* – это первичный резервуар психической энергии; с

точки зрения динамики, *Оно* находится в конфликте с *Я* и *Сверх-Я*, которые, с точки зрения генетической, возникают, отпочковываясь из него.

• Это понятие используется Фрейдом в «*Я и Оно*» (а) (Das Ich und das Es, 1923). Фрейд заимствовал его у Георга Гроддека (*Я*) и ссылаясь на Ницше, который видел в *Оно* «...все, что есть в человеческом существе безличного и, так сказать, природно-необ-ходимого» (1а).

Само слово «*Оно*» привлекало внимание Фрейда как иллюстрация мысли Гроддека: «...то, что мы называем нашим *Я*, ведет себя в жизни совершенно пассивно, а зато внутри нас живут неизвестные и неподвластные нам силы» (1б, у); это видно из обычных выражений пациентов: «это было сильнее меня» или «это внезапно пришло мне в голову» и пр. (2).

Слово *Оно* появляется при пересмотре фрейдовской топик* в 1920–1923 гг. Позиция *Оно* во второй топике примерно соответствует бессознательному* (Без) в первой, однако здесь есть и ряд различий.

1) Если оставить в стороне ряд филогенетически приобретаемых схем и содержаний, бессознательное из первой топик совпадает с «вытесненным».

В «*Я и Оно*» (глава I), напротив, Фрейд подчеркивает, что *вытесняющая инстанция* (*Я*) и его защитные действия тоже большей частью бессознательны. Следовательно, понятие *Оно* отныне обозначает те самые содержания, которые ранее обозначались понятием Без, хотя и не все бессознательное психическое целиком.

2) Переосмысление теории влечений и развитие понятия *Я* потребовали нового различия. Невротический конфликт поначалу определялся через противопоставление сексуальных влечений влечениям *Я*, причем именно последние были главной силой, побуждающей к защите (см.: Конфликт). С 1920–1923 гг. группа влечений *Я* потеряла свою независимую роль и была включена в более широкое противопоставление – влечения к жизни – влечения к смерти. Тем самым *Я* перестало определяться особым типом энергии влечений, а новая инстанция *Оно* предстала как изначальное вместилище двух типов влечений.

Короче говоря, та инстанция, против которой направлена защита, определяется уже не как полюс бессознательного, но как полюс влечений в личности.

Именно в этом смысле *Оно* выступает как «большой резервуар» либидо (8) и шире – энергии влечений (1с, Id). Используемая *Я* энергия черпается из этого общего источника и используется прежде всего в виде «десексуализованной и сублимированной» энергии.

3) Границы между этой новой инстанцией и другими инстанциями, а также областью биологии определяются иначе, причем в целом менее строго, чем в первой топике:

а) граница с *Я* проведена менее четко, чем бывшая граница между Без и Псз – Сз, представленная цензурой: «*Я* не отделено четко от *Оно* и соединяется с ним изнутри. Однако вытесненное также сливается с *Оно*, будучи его частью. Вытесненное отделяется от *Я* лишь вследствие связанных с вытеснением сопротивлений и может общаться с *Я* через *Оно*» (1е). Это совпадение *Оно* с инстанцией вытеснения связано у Фрейда прежде всего с представлением о возникновении этой инстанции, а именно: *Я* – это «...часть *Оно*, изменившаяся в результате прямого воздействия внешнего мира, проникающего внутрь через систему „восприятие – сознание“» (1ф);

б) точно так же и *Сверх-Я* нельзя считать вполне самостоятельной инстанцией: большая его часть бессознательна и «погружена в *Оно*» (3а);

в) наконец, граница между *Оно* и биологическим субстратом влечения менее ясна, чем его граница с бессознательным и с источником влечения: дальняя граница *Оно* «открыта телесным воздействиям» (3б). Мысль о «записи» влечения, удостоверяемой самим понятием «репрезентатора», явно не отвергается, но и не подтверждается вновь.

4) Следует ли считать *Оно* особым способом организации или своего рода внутренней структурой? Фрейд считал, что *Оно* – это «хаос»: «но наполняется энергией, получая ее из влечений, но лишено организации и не порождает единой воли...» (3с). Оно

определяется чисто отрицательными признаками – как то, что противостоит способу организации, свойственному Я.

Однако Фрейд переносит на *Оно* большинство признаков, определявших в первой топике систему бессознательного: этот особый способ организации характеризуется воздействием первичного процесса, структурой, основанной на комплексах, многоуровневым наложением одновременно возникших влечений и пр. Подобно этому, и новое противопоставление влечений к жизни* и влечений к смерти* показывает, что влечения образуют диалектические оппозиции. Отсутствие внутренней организации в *Оно*, однако, лишь относительно: речь идет об отсутствии отношений, свойственных Я. Это отсутствие организации выражается прежде всего в том, что «противонаправленные влечения существуют бок-о-бок, не упраздняя и не ослабляя друг друга» (3d). Как подчеркивал Д. Лагаш, более всего характерно для *Оно* отсутствие единого субъекта, обозначаемое у Фрейда местоимением среднего рода (4).

5) В конечном счете лучше всего помогает понять переход от бессознательного первой топике к *Оно* второй топике различие обстоятельств и условий их возникновения.

Бессознательное происходит из вытесненного, которое в обоих смыслах – историческом и мифическом – вводит в психику радикальный разрыв между системами бессознательного и предсознательного – сознания.

Введение второй топике лишает этот момент разделения инстанций основополагающего характера. Происхождение различных инстанций рассматривается скорее как постепенно нарастающее расчленение, как возникновение различных систем. Отсюда – забота Фрейда о преемственности на том пути, который ведет от биологической потребности к *Оно* и от *Оно* к Я, а также к *Сверх-Я*. Именно в этом смысле новая фрейдовская концепция психического аппарата столь легко (во всяком случае, легче, чем первая) допускает «биологические» и «натуралистические» истолкования.

ОСУЖДЕНИЕ

Нем.: Verurteilung или Urteilsverwerrung. – Франц.: jugement de condamnation. – Англ.: judgement of condemnation. – Исп.: juicio de condenación. – Итал.: rifiuto da parte del giudizio; condanna. – Португ.: julgamento de condenação.

- Операция или установка, при которой субъект, осознавая свое желание, в принципе запрещает себе его исполнение – в соответствии с моральными причинами или общепринятыми нормами. Фрейд видел в этом способ защиты, более проработанный и утонченный, чем вытеснение. Д. Лагаш предлагал считать это процессом «высвобождения» Я, который осуществляется в курсе психоаналитического лечения.

- Фрейд неоднократно употреблял термины Verurteilung и Urteilsverwerfung как синонимы (1a). Он включал осуждение в общий перечень защит (от простейших и до самых сложных), куда входят рефлекс защиты посредством бегства (внешняя опасность), вытеснение (внутренняя опасность), осуждение (1b). Каково отношение осуждения к вытеснению? Подчас кажется, что цели их одинаковы: осуждение выступает как «...наилучшее средство от влечения» (1c). Иногда осуждение оказывается удачной заменой вытеснения: «В Прошлом индивид, слабый и несовершенный, мог лишь вытеснять влечение как нечто бесполезное. Теперь, когда он стал взрослым и сильным, он способен, ничем не рискуя, справиться с тем, что кажется ему опасным» (2).

Именно эту положительную сторону осуждения Фрейд подчеркивал в конце «Анализа фобии пятилетнего мальчика» (Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben, 1909), где речь идет о возможных следствиях осознания Маленьким Гансом своих эдиповских, инцестуозных и агрессивных желаний. Психоанализ не подтолкнул Ганса к непосредственному исполнению желаний, «...заменив процесс вытеснения, самопроизвольный и бурный, умеренным и продуманным контролем высших психических инстанций. Словом, анализ заменяет вытеснение осуждением» (3).

Осуждение представляется Фрейдом тем более ценным, что оно связано на этом этапе жизни Ганса со структурирующей функцией *запрещения* инцеста и вступлением в латентный период.

Как бы то ни было, осуждение остается для Фрейда одной из разновидностей отрицания*, сохраняя на себе мету прежнего вытеснения: «Осуждение – это интеллектуальная замена вытеснения: содержащееся в нем отрицание несет на себе мету вытеснения, свидетельство о своем происхождении, как, например, *Made in Germany*» (4a). По Фрейду, осуждение выражает внутреннее противоречие всякого суждения: оно «...становится возможно лишь благодаря символу отрицания, позволяющего мысли хотя бы в какой-то мере освободиться от последствий вытеснения, а тем самым и от навязчивости принципа удовольствия» (4b). При этом суждение, в особенности отрицательное, играет также защитную роль: «...отрицание следует за выталкиванием из сознания» (4b).

Д. Лагаш считал, что исследование осуждения могло бы прояснить внутреннюю сложность фрейдовского понятия защиты, Четче показав различие между навязчивой защитой и механизмами обработки*, посредством которых выражается осуждение. Маленький Ганс стремился стать взрослым, полагая, что его пенис вырастет, «если его посадить в землю», и это – действие конкретных механизмов, посредством которых Л?освобождается от эдипов-ского конфликта и от страха кастрации. Д. Лагаш видел во всем этом один из результатов психоаналитической терапии, связанный с отсрочкой удовлетворения, изменением целей и объектов, учетом тех возможностей, которые реальность предоставляет субъекту, взаимодействием различных ценностей, совместимостью различных требований субъекта.

ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ, ПОДСОЗНАНИЕ

Нем.: *Unterbewusste, Unterbewußtsein*. – Франц.: *subconscient* или *subconscience*. – Англ.: *subconscious, subconsciousness*. – Исп.: *subconsciente, subconsciencia*. – Итал.: *subconscio*. – Португ.: *subconsciente, subconsciencia*.

- Психологический термин, обозначающий то, что слабо осознается, ибо лежит за порогом актуального сознания или вообще ему недо – ступно. В своих ранних сочинениях Фрейд употреблял этот термин как синоним бессознательного, но вскоре отказался от него во избежание двусмысленностей.

- Тексты, в которых «молодой Фрейд» использовал термин •«подсознательное» (довольно распространенный в психологии и Психопатологии конца XIX в., особенно в связи с явлениями «раздвоения личности»), встречаются редко (а). Это понятие употребляется в статье, опубликованной Фрейдом по-французски «Не-Яоторые соображения к сравнительному изучению двигательных параличей органического и истерического происхождения» (1893), И в отрывке из «Исследований истерии» (*Studien über Hysterie*, 1895) (I, β). Судя по контексту, Фрейд в этот период не проводил различия между «подсознательным» и тем, что уже встречалось под именем бессознательного.

Вскоре термин «подсознательное» выходит из употребления, а его использование подвергается критике. «Нам следует избегать, – пишет Фрейд в „Толковании сновидений“ (*Die Traumdeutung*, 1900), – разграничения между сверхсознанием и подсознанием, столь распространенного в современной литературе о психоневрозах, поскольку это разграничение предполагает равнозначность психики и сознания» (2).

Эта критика повторяется неоднократно, резче всего – в отрывке из «Вопроса о непрофессиональном анализе» (*Die Frage der Laienanalyse*, 1926): «Когда говорят о подсознании, неясно, имеется ли в виду подсознание как один из уровней топки – душевные содержания, лежащие ниже уровня сознания, – или же подсознание в качественном смысле – другое сознание или подземное сознание» (3, γ).

Фрейд отвергает понятие «подсознание», предполагающее, как ему кажется, «второе сознание», качественно совместимое, хотя бы отчасти, с сознательными явлениями. По

Фрейду, лишь понятие бессознательного, несущее в себе отрицание, способно выразить одновременно разрыв между двумя областями психики на уровне топики и качественное различие между происходящими в них процессами (5). Наиболее сильный довод против понятия второго сознания определяется своеобразием психоаналитического исследования: «Часть процессов обладает рядом особенностей, которые представляются нам чуждыми, невероятными и прямо противоположны известным нам свойствам сознания» (4).

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Нем.: Vorstellung. – Франц.: repräsentation. – Англ.: idea or presentation. – Исп.: representaci3n. – Итал.: rappresentazione. – Португ.: representaa3o.

- Классический термин философии и психологии: «То, что человек представляет, то, что образует конкретное содержание мыслительного акта», «в особенности воспроизводство прежних восприятий» (1). Фрейд противопоставляет представление и аффект*; у каждого из этих двух видов психических явлений – своя судьба.

- Термин Vorstellung по традиции входит в Словарь немецкой классической философии. Поначалу Фрейд понимал его вполне традиционно, а использовал – необычно (а). Нижеследующие соображения поясняют, в чем именно состоит это своеобразие.

1) Первые теоретические модели психоневрозов основаны на различении «кванта аффекта»* и представления. При неврозе навязчивости квант аффекта смещается с патогенного представления, связанного с травмирующим событием, на другое представление, которое кажется субъекту малозначимым. При истерии квант аффекта преобразуется в соматическую энергию, а вытесненное представление символизируется той или иной областью тела и телесной активности. Этот тезис, согласно которому разделение аффекта и представления лежит в основе вытеснения, заставляет по-разному описывать их судьбу и особенно связанные с ними процессы: так, представление подвергается «вытеснению», а аффект – «подавлению».

2) Когда Фрейд говорил о «бессознательных представлениях», он отдавал себе отчет в парадоксальности совмещения этих двух терминов. И потому в этом выражении традиционный философский смысл термина Vorstellung, а именно акт субъективного представления объекта сознанием отходит на задний план. По Фрейду, представление определяется объектом, но вписывается в «мнесические системы».

3) Как известно, память для Фрейда – это не простое вместилище образов в строго эмпирическом смысле слова, но скорее совокупность мнесических систем; он расчленяет воспоминание на различные ассоциативные ряды и в конечном счете обозначает термином «мнесический след»* не столько «слабое впечатление», сохраняющее сходство с объектом, сколько знак, который постоянно соотносен с другими знаками, но не связан с тем или иным чувственным качеством. И потому у нас есть основания связывать фрейдовское Vorstellung с лингвистическим понятием означающего.

4) Здесь уместно вспомнить о том, что Фрейд разграничивал два Уровня представлений: «словесные представления»* и «предметные представления»*. При этом в основу кладется различие, Которому Фрейд приписывал важнейшее значение в своей топике: предметные представления, характеризующие систему бессознательного, теснее связаны с предметами, а потому в случае «первичных галлюцинаций», например, представление об отсутствующем предмете становится для ребенка равнозначным непосредственно воспринимаемому и энергетически нагруженному предмету (см.: «Опыт удовлетворения»).

И потому, когда Фрейд (ср. его первые описания психоаналитической терапии в 1894–1896 гг.) стремился обнаружить в конце ассоциативных цепочек «патогенные бессознательные представления», конечной целью его поиска выступала та точка, где объект и его следы неразрывны, а означаемое неотделимо от означающего.

5) Хотя различие между мнесическим следом и представлением как его нагрузкой всегда неявно присутствовало у Фрейда, оно нигде четко не определялось (4). Причина

этого, конечно, в том, что Фрейд трудно было помыслить чис/ишмнесический *след*, т. е. такое представление, которое было бы полностью лишено нагрузки как в системе сознания, так и системе бессознательного.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ [-top] [ВЛЕЧЕНИЯ]

Нем.: *Vorstellungsrepräsentanz* или – *tant*. – Франц.: *Repräsentant-repräsentation*. – Англ.: *ideational representative*. – Исп.: *representante ideativo*. – Итал.: *rap-presentanza data da una rappresentazione*. – Португ.: *representante ideativo*.

- Представление или группа представлений, на которых фиксируется влечение в ходе истории субъекта и посредством которых это влечение вписывается в его психику.

- Французское выражение «*représentant-représentation*» двусмысленно, поскольку немецкое слово, составленное из двух разных существительных, переводится здесь двумя однокоренными словами. К сожалению, избежать этой двусмысленности и найти точный перевод фрейдовского термина, по-видимому, невозможно.

«Репрезентатор» – это перевод немецкого термина латинского происхождения *Repräsentanz* (Я), который означает «представительство» (§947;). *Vorstellung* – это философский термин, для которого традиционный русский эквивалент – «представление». *Vorstellungsrepräsentanz* означает то, что репрезентирует влечения в области представления (5). Этот смысл мы и пытались передать термином «представление как репрезентатор».

Понятие «представление как репрезентатор» встречается в тех текстах Фрейда, где он определяет отношение соматического к психическому как отношение влечения к тому, что его представляет. Это понятие определяется и используется прежде всего в работах 1915 г. по метапсихологии [*Die Verdrängung, Das Unbewusste*], причем оно яснее всего выступает у Фрейда при разработке теории вытеснения.

Напомним, что влечение в той мере, в какой оно является соматическим, не подлежит прямому вытеснению в бессознательное. Вытесняются лишь психические репрезентаторы влечения или представления как репрезентаторы влечения.

Фактически Фрейд четко различает в психической репрезентации влечения два элемента, представление и аффект, и указывает на различие их судеб: лишь первый элемент (представление как репрезентатор) может без всяких изменений войти в систему бессознательного (об этом различии см.: Репрезентатор психический; Аффект; Вытеснение).

Что значит представление как репрезентатор? Фрейд нигде не дает ясного определения этого понятия. О значении термина «репрезентатор» и об отношении «представительства» между репрезентатором и влечением см. нашу статью «Репрезентатор психический». О термине «представление», означающем мыслительный элемент в противоположность аффективному элементу, можно прочесть в статьях «Представление» (*Vorstellung*), «Представление предметное» (*Sachvorstellung* или *Dingvorstellung*) и «Представление словесное» (*Wortvorstellung*).

В своей теории бессознательного, изложенной в статье 1915 г., Фрейд трактовал представления-репрезентаторы не только как «содержания» бессознательного, но и как самую основу его организации. Фактически фиксация влечения на отдельном репрезентаторе и становление бессознательного происходят в едином процессе первовытеснения*: «У нас есть основания предположить наличие *первовытеснения*, или, иначе, первого этапа вытеснения, на котором психический репрезентатор влечения получает доступ в сознание. Это вызывает *фиксацию*: отныне данный репрезентатор остается неизменным, а влечение сохраняет свою связь с ним» (Ia).

В приведенном отрывке понятие «фиксация»* связано одновременно с двумя различными идеями: той, что лежит в основе генетического подхода, предполагающего фиксацию влечения на определенной стадии или объекте, и той, что требует записи влечения в бессознательном. Эта последняя мысль (или образ) появляется у Фрейда не впервые. Она присутствует уже в письмах Флиссу, где изложена одна из первых схем психического

аппарата, использующая многослойные записи знаков (Niederschriften) (2), и вновь встречается в «Толковании сновидений» (Die Traumdeutung, 1900), особенно там, где обсуждается гипотеза об изменении записи представления при переходе из одной системы в другую (3).

Эта аналогия между отношением влечения к своему репрезентатору и знаковой записью (или, в терминах лингвистики, означающим) позволяет прояснить природу представления как репрезентатора.

ПРИНЦИП НИРВАНЫ

Нем.: Nirwaiuprinzip. – Франц.: principe de nirvana. – Англ. Nirvana principle. – Иен.: principio de pil-ana. – Итал.: principio del Nirvana. – Португ.: principio de nirvana.

- Термин Барбары Лоу, который используется Фрейдом для обозначения тенденции психического аппарата к полному устранению или по крайней мере к предельно возможному уменьшению внутреннего или внешнего возбуждения.

- Слово «Нирвана», распространившееся на Западе благодаря Шопенгауэру, взято из буддистской религии, где оно означает «угасание» человеческого желания, стирание индивидуальности в коллективной душе, состояние спокойствия и совершенного счастья.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Jenseits des Lustprinzip, 1920) Фрейд, вслед за английским психоаналитиком Барбарой Лоу, формулирует принцип Нирваны следующим образом: это «...тенденция к ослаблению, постоянству, подавлению внутреннего напряжения, связанного с возбуждением» (1). Точно так же Фрейд определяет в этом тексте принцип постоянства, в связи с чем возникает двусмысленность: тенденция к сохранению постоянного энергетического уровня отождествляется с тенденцией к полному уничтожению возбуждения (см.: Принцип постоянства).

Существенно, что Фрейд вводит понятие Нирваны в его философском значении в той работе, где он далеко продвигается по пути умозрения; в индуистском или шопенгауэровском понятии Нирваны Фрейд находит соответствие принципу влечения к смерти*. Это соответствие подчеркивается в работе «Экономическая проблема мазохизма» (Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924): «Принцип Нирваны выражает ту же направленность, что и влечение к смерти» (2). И в этом смысле принцип Нирваны означает нечто большее, нежели ... закон постоянства или гомеостазиса: это глубинная направленность на полное устранение возбуждения, которая у Фрейда ранее называлась «принципом инерции»*.

Вместе с тем понятие Нирваны означает опорную связь между удовольствием и самоустраниением – связь, навсегда оставшуюся для Фрейда проблемой (см.: Принцип удовольствия).

ПРИНЦИП ПОСТОЯНСТВА

Нем.: Konstanzprinzip. – Франц.: principe de constance. – Англ.: principle constance. – Исп.: principio de constancia. – Итал.: principio di costanza. – Португ.: principio de constancia.

- Выдвинутый Фрейдом принцип, согласно которому психический аппарат стремится поддерживать имеющееся в нем количество возбуждения на возможно более низком и устойчивом уровне. Постоянство достигается, с одной стороны, разрядкой уже имеющейся энергии, с другой – избеганием всего того, что могло бы усилить возбуждение и вызвать защитную реакцию.

- Принцип постоянства – это основа экономической теории Фрейда. Он присутствует у Фрейда с самого начала, будучи скрытой предпосылкой функционирования психического аппарата, стремящегося поддержать постоянный уровень внутреннего возбуждения.

В случае внешних возбуждений это достигается посредством особых механизмов,

позволяющих избегать этих возбуждений. В случае увеличения внутреннего напряжения это достигается посредством механизмов защиты и разрядки (отреагирования). Различные проявления психической жизни суть не что иное, как более или менее удачные попытки сохранить или восстановить это постоянство.

Принцип постоянства тесно связан с принципом удовольствия, поскольку неудовольствие, с точки зрения экономической, – это субъективное восприятие возрастающего напряжения, а удовольствие – восприятие убывающего напряжения. Однако отношения между субъективными ощущениями удовольствия и неудовольствия и лежащими в их основе экономическими процессами, по Фрейду, весьма сложны: например, возрастание напряжения иногда может вызывать чувство удовольствия. Из этого следует, что принцип постоянства не тождествен принципу удовольствия (см.: Принцип удовольствия).

*

Положив в основу психологии закон постоянства, Фрейд и Брейер следовали широко распространенному в научных кругах конца XIX в. требованию, согласно которому психология и психофизиология, как и любая другая наука, подчиняются общим принципам физики. Как предшественники Фрейда (например, Фехнер, придававший своему «принципу устойчивости» универсальное значение) (1), так и его современники неоднократно пытались обнаружить в психофизиологии закон постоянства.

Однако, как отмечал и сам Фрейд, простота понятия постоянства – это лишь видимость, поскольку «под ним можно понимать совершенно различные вещи» (2а).

В психологии, заимствовавшей идею постоянства из физики, принцип постоянства понимается в весьма различных смыслах:

1) некоторые авторы ограничиваются применением в психологии принципа сохранения энергии, согласно которому количество энергии в замкнутой системе остается постоянным. При таком подходе психические факты зависят от наличия психической или нервной энергии, количество которой остается неизменным при различных ее преобразованиях и перемещениях. Этот закон обосновывает саму возможность перевода психологических фактов на язык энергетики. Отметим, что данный принцип, лежащий в основе экономической теории психоанализа, относится к иному уровню, нежели тот фундаментальный принцип, который у Фрейда называется принципом постоянства.

2) Принцип постоянства иногда понимается как нечто сходное со вторым законом термодинамики: различия энергетического уровня внутри замкнутой системы стремятся к равновесию как к идеальному конечному состоянию. Фехнеровский «принцип устойчивости» весьма близок ему по смыслу. Однако при подобных сопоставлениях нужно четко определить, о чем собственно идет речь, применим ли этот закон к психическому аппарату или же к заключенной в нем энергии, к цельной системе психика – организм или же к системе организм – окружающая среда? В зависимости от конкретных случаев само понятие тенденции к энергетическому равновесию может иметь прямо противоположную направленность. Если это предположение верно, внутренняя энергия организма оказывается сводимой к неорганическому состоянию (см.: Принцип Нирваны).

3) Наконец, принцип постоянства может пониматься в смысле саморегуляции: функционирование той или иной психической системы направлено на сохранение постоянства различий между собственным энергетическим уровнем и энергетическим уровнем окружения. Принцип постоянства утверждает тогда существование относительно замкнутых систем (будь то психика или же организм в целом), стремящихся сохранить или восстановить своеобразие своего облика и своего энергетического уровня при всех своих обменах с окружающей средой. И потому есть смысл сопоставить понятие постоянства с понятием гомеостаза у физиолога Кэннона (а).

Из-за такого разнообразия значений точно определить, как Фрейд понимал принцип постоянства, нелегко. Фактически его формулировки (которыми, впрочем, и сам он не был доволен (3а)) нередко двусмысленны и даже противоречивы: «...психика имеет тенденцию к поддержанию возможно более низкого или хотя бы постоянного уровня возбуждения» (3б),

Именно с этой тенденцией Фрейд связывает «...ослабление, сохранение, подавление внутреннего напряжения» (Зс). Иначе говоря, тенденцию к полному устранению внутренней энергии системы вряд ли можно уподобить тенденции живых организмов к сохранению постоянного (пусть даже высокого) энергетического уровня при взаимодействии с окружением. По сути, эта вторая тенденция может выражаться как в стремлении к возбуждению, так и в стремлении к разрядке.

Противоречия, неточности, смысловые сдвиги в высказываниях Фрейда по этому поводу можно понять, только если выявить – четче, чем это сделано у Фрейда, – тот опыт и те теоретические задачи, которые лежат в основе всех его попыток определить смысл закона постоянства в психоанализе.

Принцип постоянства – это часть теоретической концепции, совместно разработанной Брейером и Фрейдом в 1892–1895 гг. для объяснения феномена истерии: симптомы связываются ими с недостатком отреагирования, а опора лечения ищется в адекватной разрядке аффектов. Однако, сопоставив две теоретические работы, написанные этими авторами порознь, мы замечаем, что сходство между ними лишь внешнее, что их подходы весьма различны.

В теоретическом разделе «Исследований по истерии» (Theoretisches. In: Studien über Hysterie, 1895) Брейер рассматривал условия функционирования центральной нервной системы как относительно независимой системы в организме. Он видел в ней два типа энергии. С одной стороны, это потенциальная энергия или же «внутриголовное тоническое напряжение», с другой – кинетическая энергия, функционирующая в психическом аппарате. Принцип постоянства управляет именно тоническим возбуждением: «В организме существует тенденция к поддержанию постоянного уровня внутриголовного возбуждения» (4). Здесь следует отметить три важных момента:

1) закон постоянства рассматривается как закон оптимального уровня возбуждения. Существует благоприятный для организма энергетический уровень, который должен быть восстановлен посредством разрядки, если уровень возбуждения повышается, но также и посредством подзарядки (особенно во сне), если этот уровень слишком понижается.

2) Постоянству могут угрожать либо однообразное состояние общего возбуждения (например, состояние напряженного ожидания), либо неравномерность распределения возбуждения в психике (*аффекты*).

3) Поддержание или восстановление оптимального уровня возбуждения необходимо для свободного обращения кинетической энергии. Беспрепятственное функционирование мышления, нормальный процесс ассоциации идей означают, что психическая саморегулировка не нарушена.

Фрейд в «Наброске научной психологии» (Entwurf einer Psychologie, 1895) также исследовал условия функционирования нейронного аппарата. Однако на первый план у него выходит не принцип постоянства (поддержание определенного энергетического уровня), но принцип нейронной инерции*, согласно которому нейроны стремятся полностью освободиться от какого бы то ни было возбуждения. Вводя затем тенденцию к поддержанию постоянства энергии, Фрейд трактовал ее как «вторичную функцию, затребованную самой жизнью», или, иначе, как видоизмененный принцип инерции: «Нейронная система вынуждена отказаться от своей изначальной тенденции к инерции, к достижению нулевого энергетического уровня. Для обеспечения специфического действия она должна иметь определенный энергетический запас. Однако способ осуществления всего этого оказывается продолжением первой тенденции, лишь слегка видоизмененной усилием, направленным на сохранение предельно низкого энергетического уровня и защиту от его возрастания, или, иначе, на поддержание его постоянства» (2b). По Фрейду, принцип инерции управляет первичными функциями психического аппарата, обращением в нем свободной энергии. Закон постоянства, даже если он и не формулируется как независимый принцип, соотнесен со вторичными процессами, в которых связанная энергия поддерживается на определенном уровне.

Теперь становится очевидно, что хотя внешне Брейер и Фрейд используют одни и те же понятия, их теоретические модели совершенно различны. Мысль Брейера развивается в сторону биологии и превосходит современные идеи гомеостазиса и саморегулирующихся систем (Я). Напротив, идеи Фрейда кажутся с точки зрения наук о жизни ложными: ведь он стремится *дедуктивно вывести* функционирование живого организма со всеми его приспособительными навыками, с его энергетическим постоянством из принципа, отрицающего любое устойчивое различие уровней.

Это различие между Брейером и Фрейдом (впрочем, нигде явно не сформулированное (у)) имеет важное значение. Ведь действие принципа инерции – это особый процесс, обнаруженный Фрейдом благодаря сделанному им незадолго до этого открытию бессознательного. Это первичный процесс*, описанный в «Наброске научной психологии» на примерах сновидений и симптомов, особенно истерических. Для первичных процессов характерно беспрепятственное распространение, или «свободное перемещение», энергии (2с). На уровне психологического анализа обнаруживается, что при этом одно представление может полностью замещаться другим, заимствуя все его качества и самую силу его воздействия: «истерик, который плачет из-за А, и не подозревает, что виной тому – ассоциация между А и В, причем В, быть может, и не играет никакой роли в его психической жизни. Символ здесь полностью подменил собою *вещи*» (2d). Этот сдвиг значения с одного представления на другое, клинический опыт, свидетельствующий о силе воздействия замещающих представлений, естественным образом объясняются у Фрейда «экономикой» принципа инерции. Свободные сдвиги смысла и полная разрядка психической энергии для Фрейда одно и то же, при том что этот процесс совершенно противоположен сохранению энергетического постоянства.

Конечно, и в «Наброске» речь идет о принципе постоянства, но лишь как о силе, противодействующей полной разрядке и тормозящей ее. Задача связывания психической энергии и поддержания ее на предельно высоком уровне возлагается на Я, которое способно выполнять эту функцию, поскольку и само оно является совокупностью представлений или нейронов с постоянным уровнем энергетической нагрузки (см.: Я).

Таким образом, родство между первичным и вторичным процессами не означает, что в общем процессе развития жизни одно следовало за другим или что в истории живого организма принцип инерции сменился принципом постоянства: это лишь родство двух разных психических процессов, двух принципов функционирования психики (о).

Напомним, что на различии этих принципов построена глава VII из «Толкования сновидений» (die Traumdeutung, 1900). Здесь Фрейд выдвинул предположение о том, что «...в основе работы психического аппарата лежит тенденция к предотвращению накопления возбуждений и, насколько возможно, к избеганию возбуждений» (5a). Этот принцип с характерным для него «свободным перемещением количеств возбуждения» Фрейд называл «принципом неудовольствия». Он лежит в основе функционирования бессознательного. Система Предсознание-Сознание функционирует иначе – «посредством энергетических нагрузок она вызывает *торможение* этого (свободного) потока, преобразует нагрузки в потенциальную энергию и повышает ее уровень» (5b). В дальнейшем противоположность двух систем функционирования психики связывается у Фрейда с противопоставлением принципа удовольствия* принципу реальности*. Ради понятийной ясности следует, однако, сохранить различие между тенденцией к понижению – вплоть до нуля – уровня возбуждения и тенденцией к поддержанию постоянного уровня возбуждения: очевидно, что принцип удовольствия соотнесен с первой тенденцией, а принцип реальности – со второй.

*

Лишь в 1920 г., в работе «по ту сторону принципа удовольствия» (Jenseits des Lustprinzips) Фрейд четко сформулировал принцип постоянства. В этой связи следует особо отметить следующие моменты:

1) принцип постоянства выступает как экономическое обоснование принципа удовольствия (3d),

2) В определениях этого принципа сохраняется двусмысленность: тенденция к ослаблению напряжения и тенденция к поддержанию постоянного энергетического уровня выступают как тождественные.

3) Вместе с тем тенденция к полному устранению возбуждения (или принцип Нирваны*) считается основной, а другие принципы выступают как ее разновидности.

4) Хотя Фрейд видел «в душевной жизни, а быть может, и в нервной системе в целом» (Зе) лишь одну тенденцию (какие бы причудливые формы она ни принимала), на уровне влечений он ввел фундаментальный и неустрашимый дуализм влечений к смерти*, или к полному устранению напряжений, и влечений к жизни*, или сохранению и созданию живых организмов, что предполагает более высокий уровень энергетического напряжения. Этот дуализм влечений многие авторы считают дуализмом *принципов*: он раскрывается в последовательности главных фрейдовских противопоставлений, таких, как свободная энергия – связанная энергия*, высвобождение – связывание* (Entbindung-Bindung), первичный процесс – вторичный процесс* (см.: Влечение к смерти).

Фрейду не удалось обнаружить антитезу, которая соответствовала бы вышеперечисленным противоположностям на уровне психической экономики. В «Наброске научной психологии» разграничиваются принцип инерции и принцип постоянства, однако в дальнейшем это разграничение не внесло ясности в общую путаницу вокруг принципа постоянства.

ПРИНЦИП РЕАЛЬНОСТИ

Один из двух принципов, управляющих, по Фрейду, функционированием психики. Он образует пару с принципом удовольствия и видоизменяет его действие: как только принцип реальности утверждает свое господство, поиск прямых и непосредственных удовлетворений прекращается, удовлетворение ищется на обходных путях, а достижение результата может отсрочиваться в зависимости от внешних условий.

С точки зрения энергетики, принцип реальности предполагает преобразование свободной энергии в связанную*; с точки зрения топики, он характеризует главным образом систему Предсознание-Сознание; с точки зрения динамики, принцип реальности воздействует на определенный тип энергии влечений, подвластных Я (см.: Влечения Я).

• Это понятие появляется в 1911 г. в «Двух принципах функционирования психики» (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens), хотя подспудно оно присутствовало уже в ранних метапсихологических разработках Фрейда. Принцип реальности возникает, по Фрейду, позже принципа удовольствия и в связи с ним. Поначалу младенец стремится к непосредственной галлюцинаторной разрядке напряжений, связанных с влечениями (см.: Опыт удовлетворения): «...лишь постоянная неудача, отсутствие ожидаемого удовлетворения, разочарование приводят к отказу от попыток удовлетворения посредством галлюцинации. Волей-неволей психический аппарат вынужден научиться представлять себе реальное положение вещей во внешнем мире и производить в нем реальные изменения. Для этого в действие вводится новый принцип психической деятельности: психическое представление перестает подстраиваться под то, что приятно, и начинает соответствовать тому, что реально, даже если оно и неприятно» (Ia). Принцип реальности как регулятивный принцип функционирования психики возникает вследствие изменения принципа удовольствия, прежде царившего безраздельно, и в результате ряда приспособительных изменений в психике, таких, как развитие функций сознания (внимание, суждение, память); замена двигательной разрядки действием, направленным на преобразование реальности; появление мысли как «испытания», при котором происходит перемещение небольших нагрузок и преобразование свободной энергии*, беспрепятственно перетекающей от представления к представлению, в связанную энергию* (см.: Тождество восприятия – Тождество мысли). Переход от принципа удовольствия к принципу реальности не уничтожает первого принципа. Если принцип реальности обеспечивает реальное

удовлетворение, то принцип удовольствия сохраняет свое господство в одной из областей психической деятельности, где по-прежнему властвуют фантазии и законы первичных процессов*, т.е. в области бессознательного*.

Этот общий подход был разработан Фрейдом в рамках так называемой «генетической психологии» (1b). Он подчеркивал, что эта общая схема в разной мере применима к развитию сексуальных влечений и влечений к самосохранению*. Так, влечения к самосохранению постепенно все более подчиняются принципу реальности, тогда как сексуальные влечения «обучаются» лишь с опозданием, да и то не полностью. В результате сексуальные влечения навсегда остаются во власти принципа удовольствия, а влечения к самосохранению довольно быстро научаются представлять в психике требования реальности. С этой точки зрения, психический конфликт между *Я* и вытесненными содержаниями психики укореняется на уровне дуализма влечений, связанного, в свою очередь, с дуализмом принципов.

Несмотря на свою очевидную простоту, эта концепция порождает трудности, которые заметил и подчеркнул сам Фрейд.

1) Мысль о том, что сексуальные влечения и влечения к самосохранению развиваются одинаково, представляется неверной. Неясно, как определить тот первоначальный момент, когда влечения к самосохранению подчинялись одному лишь принципу удовольствия: разве, по Фрейду, они не были сразу же нацелены на реальный объект удовлетворения желаний, отличаясь этим от сексуальных влечений? (2). Вместе с тем тесная связь между сексуальностью* и фантазированием* делает весьма сомнительной саму мысль о постепенном постижении реальности, как это показывает, впрочем, и психоаналитическая практика.

В самом деле, что заставляет ребенка искать реальный объект, если он спрособен вволю удовлетворяться собственными галлюцинациями? Эту трудность можно разрешить так: сексуальное влечение возникло на основе влечения к самосохранению – путем примыкания* и одновременно обособления. В общем, функции самосохранения вводят в действие такие способы поведения и восприятия, которые, пусть и неумело, направлены на реальный объект, способный к адекватному удовлетворению потребностей (грудь, пища). Сексуальное влечение рождается на обочине процесса, связанного с выполнением этой естественной функции; оно приобретает самостоятельность, отделяясь и от этой функции, и от объекта, воспроизводя удовольствие автоэротически* и особым образом организуя избранные представления в фантазмы. С этой точки зрения, связь между двумя типами влечений и двумя принципами – это не вторичное приобретение: связь между самосохранением и реальностью прочна изначально, а возникновение сексуальности совпадает с появлением фантазмов и галлюцинаторным осуществлением желания.

2) Фрейдовская идея насчет некоего вымышленного изначально состояния, при котором человек сперва всецело предается *нарциссическим** удовольствиям, а затем неизвестно каким путем выходит навстречу реальности, подвергалась критике. Такую картину опровергают и собственные утверждения Фрейда: ведь доступ к реальности существует, по крайней мере в отдельных областях (например, в области восприятия), изначально. Нельзя ли связать это противоречие с тем, что в области психоаналитического исследования проблема реальности ставится иначе, чем, например, в психологии, изучающей поведение ребенка? По-видимому, то, что Фрейд необоснованно считает значимым для развития субъекта в целом, на самом деле относится только к области бессознательного желания, изначально далекой от реальности. Фрейд искал предпосылки доступа к «окончательной форме любви к объекту» в эволюции человеческой сексуальности – на пути, структурированном Эдиповым комплексом*. Без ссылок на эту Эдипову диалектику и на связанные с ней (само)отождествления* нельзя понять значение принципа реальности и его способность изменять направление сексуального желания (см.: Объект).

3) Фрейд приписывал важное значение понятию «испытание реальности»*, хотя и не дал связного теоретического объяснения этого процесса и не уточнил своего отношения к

принципу реальности. Фактически это понятие используется в рамках двух совершенно различных подходов: с одной стороны, это генетическая теория обучения реальности, испытания влечения реальностью (методом проб и ошибок); с другой стороны, квази-трансцендентальная теория становления объекта в ряду антитез: внутреннее – внешнее, приятное – неприятное, интроекция – проекция (см.: Испытание реальности, *Я* – удовольствие, *Я* – реальность).

4) В своей второй топике Фрейд трактует *Я* как результат отделения от *Оно* при прямом контакте с внешней реальностью, и потому Остановится инстанцией, обязанной обеспечивать ведущее положение принципа реальности. *Я* «...внедряет – между требованиями влечений и действиями, направленными на удовлетворение, – работу мысли, которая, понимая настоящий момент и используя прошлый опыт, стремится с помощью испытаний предугадать результат предпринимаемых действий. Тем самым *Я* удается определить, стоит ли предпринять или же отсрочить попытку удовлетворения, не нужно ли просто-напросто счесть требования влечений опасными и подавить их (*принцип реальности*)» (3). В этом утверждении виден размах стремлений Фрейда подчинить приспособительные функции индивида – *Я* (см.: *Я*, Комментарий VI). Такая трактовка вызывает возражения двоякого рода. С одной стороны, неясно, можно ли передоверить обучение требованиям реальности такой психической инстанции, которая и сама в своем возникновении и функционировании отмечена следом (само)отождествлений и конфликтов. С другой стороны, разве понятие реальности в самом психоанализе не было полностью обновлено такими важнейшими открытиями, как Эдипов комплекс или развитие либидинального объекта? То, что в психоанализе понимается под «доступом к реальности», не сводится к способности отделить ирреальное от реального или же испытать фантазмы и бессознательные желания, столкнув их с единовластными законами внешнего мира.

ПРИНЦИП УДОВОЛЬСТВИЯ

Нем.: Lustprinzip. – Франц.: principe de plaisir. – Англ.: pleasure principle. – Исп.: principio de placer. – Итал.: principio di piacere. – Португ.: principio de prazer.

- Один из двух принципов, управляющих, по Фрейду, функционированием психики. Цель психической деятельности в целом – избежать неудовольствия и достигнуть удовольствия. Поскольку неудовольствие связано с возрастанием количества возбуждения, а удовольствие – с его ослаблением, постольку принцип удовольствия – это экономический принцип.

- Мысль о том, что удовольствие – регулятивный принцип функционирования психики, принадлежит не Фрейду. Фехнер, чьи идеи, как известно, сильно повлияли на Фрейда, выдвинул «принцип удовольствия от действия» (1a). В отличие от обычных гедонистических учений, он имел в виду не удовольствие как цель человеческого действия, а обусловленность наших поступков *в данный момент* удовольствием или неудовольствием от представления о совершаемом действии или его последствиях. Фехнер отмечал также, что эти побуждения могут и не улавливаться сознанием: «Вполне естественно, что если наши побуждения скрыты в бессознательном, то это относится также к удовольствию и неудовольствию» (1b, a).

Эта актуальность побуждений лежит и в центре фрейдовской концепции: психический аппарат* стремится избегать неприятного напряжения или устранять его. Стоит отметить, что поначалу этот принцип именовался «принципом неудовольствия» (2a): побуждением к действию служит испытываемое в данный момент неудовольствие, а вовсе не перспектива будущего удовольствия. Речь идет о механизме «автоматического» регулирования (2b).

Идея принципа удовольствия почти не изменялась на протяжении всего творчества Фрейда. А вот место этого принципа среди других теоретических положений было для Фрейда проблемой, и он предложил несколько вариантов ее решения.

Первая сложность, которая чувствуется уже в самой формулировке этого принципа,

связана с определением удовольствия и неудовольствия. Размышляя о строении психического аппарата, Фрейд настаивал на том, что система Предсознание-Сознание чувствительна к любому качественному различию впечатлений от внешнего мира, но что изнутри она воспринимает лишь нарастание и ослабление напряжения, которые на шкале удовольствие – неудовольствие выражаются целой гаммой качеств (2с) (Я). Можем ли мы удовлетвориться чисто экономическим определением удовольствия и неудовольствия, считая их качественным выражением количественных изменений? Каково точное соотношение между этими двумя моментами: качественным и количественным? В итоге Фрейд осознал сложность, с которой он столкнулся в поисках простого ответа на этот вопрос. Поначалу он ставил знак равенства между удовольствием и ослаблением напряжения, между неудовольствием и его возрастанием, но вскоре это отношение перестало быть для него простым и очевидным: «... обратим внимание на то, что гипотеза эта страдает неопределенностью, поскольку нам не удалось определить суть отношений между удовольствием и неудовольствием через изменение силы психических возбуждений. Ясно одно: эти отношения могут быть весьма различными и уж в любом случае не могут быть простыми» (3).

Что же касается действующего здесь механизма, то у Фрейда мы находим несколько подходов к этой проблеме. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (*Jenseits des Lustprinzips*, 1920) Фрейд призывал различать неудовольствие и чувство напряжения, поскольку существуют и приятные напряжения: «Не следует ли соотнести чувство напряжения с абсолютной величиной нагрузки, а подчас и с ее уровнем, тогда как шкала удовольствие – неудовольствие укажет нам на изменение нагрузки в единицу времени» (4а). В следующей его работе во внимание принимался также и временной фактор, ритм этого процесса, причем вновь подчеркивается качественный аспект удовольствия (5а).

Несмотря на все сложности, связанные с поиском эквивалентов между количественными и качественными аспектами удовольствия-неудовольствия, очевиден интерес психоаналитической теории к экономическому истолкованию этих состояний, позволяющий определить основу как бессознательных инстанций личности, так и ее сознательных сторон. Говорить о бессознательном удовольствии, связанном с явно болезненным симптомом, вряд ли имеет смысл с психологической точки зрения. Фрейд исходит из психического аппарата и происходящих в нем энергетических изменений. Тем самым в его распоряжении оказывается модель, позволяющая ему рассматривать каждую подструктуру как управляемую тем же самым принципом, что и психический аппарат в целом. Он оставляет в стороне трудный вопрос об определении для каждой из этих подструктур путей и случаев возрастания напряжения как причины чувства неудовольствия. Однако эта проблема прямо ставится – применительно к Я – в «Торможении, симптоме, страхе» (*Hemmung, Symptom und Angst*, 1926) (концепция сигнала тревоги* как побуждения к защите).

Другая проблема, связанная с предыдущей, – это проблема отношения между удовольствием и постоянством. В самом деле, даже если согласиться с существованием экономического, количественного аспекта удовольствия, вопрос остается открытым: обусловлено ли то, что Фрейд называет удовольствием, постоянством энергетического уровня или сведением напряжений к минимуму? Подчас кажется, что, уподобляя принцип удовольствия принципу постоянства, Фрейд выбирал первый подход. Однако, если учесть все теоретические утверждения Фрейда, особенно в «Наброске научной психологии» (*Entwurf einer Psychologie*, 1895) и в «По ту сторону принципа удовольствия», нельзя не заметить, что принцип удовольствия скорее противоположен сохранению постоянного энергетического уровня, независимо от того, идет ли речь о свободной энергии, об энергии связанной* или же о поднятой самим Фрейдом проблеме: не находится ли принцип удовольствия во власти влечения к смерти? (4b,5b). Подробнее эта проблема обсуждается в статье «Принцип постоянства».

Спорный вопрос психоанализа – что же собственно находится «по ту сторону

принципа удовольствия» – не может быть осмысленно поставлен, покуда не выявлена проблематика, требующая ввода таких понятий, как удовольствие, постоянство, связывание, полное устранение напряжений. Фактически Фрейд вводит принципы или силы влечения, выходящие за рамки принципа удовольствия, лишь тогда, когда принцип удовольствия в его трактовке сближается с принципом постоянства. Если же принцип удовольствия толковался как полное устранение напряжения (принцип Нирваны), то тогда Фрейд подчеркивает основополагающее значение принципа удовольствия (см. особенно: Влечение к смерти).

Принцип удовольствия возникает в психоаналитической теории, как правило, вместе с принципом реальности. Так, выявляя два принципа функционирования психики, Фрейд исходит прежде всего именно из этих двух опорных моментов. Поначалу влечения стремятся лишь к разрядке, к удовлетворению кратчайшим возможным путем. Постепенно они постигают природу реальности, ибо лишь этот процесс «обучения» помогает им, несмотря на все окольные пути и отсрочки, достичь желаемого удовлетворения. По этой несколько упрощенной картине можно судить о том, как проблема отношения между удовольствием и реальностью обусловлена пониманием удовольствия в психоанализе. Если под удовольствием понимать удовлетворение потребности (образец здесь – удовлетворение влечений к самосохранению), тогда противопоставление принципа удовольствия принципу реальности не дает ничего существенно нового, особенно если признать, что живой организм обладает естественным равновесием и установками, в силу которых удовольствие, подчиненное, правда, адаптивным функциям, становится направляющим принципом жизни. Однако психоанализ придает принципу удовольствия решающее значение в ином контексте – в связи с такими процессами (опыт удовлетворения) и явлениями (сновидение), «нереалистичность» которых очевидна. И тогда эти два принципа предстают как полностью антагонистичные: выполнение бессознательного желания (*Wunschbefriedigung*) отвечает иным требованиям и соответствует иным законам, нежели удовлетворение (*Befriedigung*) жизненных потребностей (см.: Влечения к самосохранению).

(5) Freud (S.). Das ökonomische Problem des Masochismus, 1924. – а) G.W., XIII, 372–373; S.E., XIX, 160–161; франц., 212. – б) oV., XIII, 372; S.E., XIX, 160; франц., 212.

ПРОЕКЦИЯ

Нем.: Projektion. – Франц.: projection. – Англ.: projection. – Исп.: proyección. – Итал.: proiezione. – Португ.: projeção.

- А) В широком смысле слова – смешение неврологического или психологического явления вовне, переход либо от центра к периферии, либо от субъекта к объекту. Эта процедура может пониматься по-разному (см. комментарий).

Б) В собственно психоаналитическом смысле – операция выделения и локализации в другом лице или вещи тех качеств, чувств, желаний – короче, тех «объектов», которые субъект не признает или отвергает в самом себе. Речь здесь идет об очень древнем по происхождению механизме защиты, который обнаруживается, в частности, при паранойе, но также и при «нормальном» мышлении (суеверия).

- I. Слово «проекция» широко используется в наши дни как в психологии, так и в психоанализе. Оно используется в различных и, как часто отмечают, нечетко разграниченных значениях. Стоит, по-видимому, охарактеризовать различные трактовки понятия «проекция» – сначала на уровне семантики.

а) В *неврологии* слово «проекция» употребляется в смысле, производном от геометрического, где оно означает соответствие каждой точки фигуры в пространстве каждой точке фигуры на чертеже. В этом смысле тот или иной участок мозга представляет собой проекцию определенного (рецепторного или эффекторного) участка телесного аппарата: соответствие между тем и другим устанавливается по особым законам – либо между отдельными точками, либо между отдельными структурами, причем оно может осуществляться и в центробежном, и в центростремительном направлении.

б) Второе значение производно от первого, но затрагивает лишь движение от центра к периферии. На языке психофизиологии, например, говорят о том, что обонятельные ощущения локализуются в органе-рецепторе благодаря проекции. Именно в этом смысле Фрейд говорит об «ощущении щекотки как о таком возбуждении *центральной* нервной системы, которое проецируется на периферическую эрогенную зону» (1). В этом же смысле можно, вслед за Г.Б. и А.С. Инглиш, определять «эксцентрическую» проекцию как «локализацию чувственных данных в том месте пространства, где находится воздействующий объект, а не в той точке тела, где возникает ощущение» (2а).

В *психологии* проекцией называются следующие процессы: в) субъект воспринимает окружающий мир и отвечает на возбуждения сообразно со своими интересами, способностями, привычками, длительными или мимолетными аффективными состояниями, ожиданиями, желаниями и пр. Подобная соотнесенность внутреннего и внешнего мира (Innenwelt и Umwelt) – это одно из открытий современной биологии и психологии, сделанное прежде всего под воздействием гештальтпсихологии. Это открытие подтверждается на всех уровнях поведения: животное выборочно реагирует в поле своего восприятия на некоторые особые стимулы, управляющие его поведением; деловой человек рассматривает все предметы с точки зрения купли-продажи («профессиональная деформация восприятия»); человек в хорошем настроении склонен видеть мир «сквозь розовые очки» и пр. Однако существенные структуры и характеристики личности могут обнаружиться и в его явном поведении. Этот факт лежит в основе так называемых проективных методов: детский рисунок раскрывает личность ребенка; при некоторых стандартных тестах, например при проективных тестах в собственном смысле слова (ср. тесты Роршаха – Т.А. Т. – thematic apperception test, тест тематической апперцепции), субъект сталкивается со слабоструктурированными ситуациями и неясными стимулами, что позволяет «... определять, по особым правилам расшифровки и в соответствии с особенностями материала и заданного вида творческой деятельности, определенные черты характера' испытуемого, равно как и организацию его поведения и его эмоциональной жизни» (3).

г) Субъект показывает своим отношением, что он уподобляет одного человека другому: говорят, например, что он «проецирует» образ отца на своего начальника. В таком случае слово «проекция» – это малоудачное обозначение психоаналитического открытия, называемого «трансфером».

д) Субъект отождествляет себя с другими людьми или, напротив, отождествляет других людей, одушевленные или неодушевленные существа с самим собой. Как известно, читатель может проецировать на себя героя романа и наоборот: в своих «Баснях» Лафонтен, например, проецировал антропоморфные чувства и рассуждения на животных. Подобный процесс уместнее было бы считать «(само)отождествлением» в психоаналитическом смысле.

е) Субъект приписывает другим людям побуждения, желания и пр., которых он не замечает в самом себе: так, расист проецирует на тех людей, которых он ненавидит, свои собственные недостатки и склонности. Этот феномен, названный у Г.Б. и А.С. Инглиш «отчуждающей проекцией» (disowning projection) (2b), наиболее сходен с проекцией у Фрейда.

И. Фрейд говорил о проекции применительно к различным явлениям нормальной психологии и патопсихологии.

1) проекция была поначалу обнаружена в паранойе. Фрейд – посвятил этому психическому расстройству два небольших текста, написанных в 1895–1896 гг. (4а), а также главу III из «Дальнейших соображений о психоневрозах защиты» (Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen, 1896). В этих работах проекция предстает как первичная защита, связанная с неправильным использованием обычного психического механизма, например, вынесением вовне источника неудовольствия. Параноик проецирует вовне мучительные представления, а они возвращаются к нему в виде самоупреков: «... действительные содержания остаются теми же самыми, меняется лишь их место внутри общего целого» (4b).

В дальнейшем, размышляя о паранойе, Фрейд каждый раз (особенно в случае Шребера)

говорил и о проекции. Однако в данном случае проекция понимается ограниченно: она представляет собой лишь часть параноидного защитного механизма и присутствует не во всех видах паранойи (5а).

2) В 1915 г. Фрейд описывал *фобическую* организацию психики как настоящую «проекцию» влечения, ощущаемого как нечто опасное, на реальность: «введет себя так, словно опасность нарастания тревожного страха обусловлена не динамикой влечений, а внешним восприятием, и, стало быть, можно реагировать на эту внешнюю опасность попытками бегства, фобическим уклонением от опасности» (6).

3) Фрейд видел тот же механизм в так называемой «проективной ревности», которую он отличал как от «нормальной» ревности, так и от параноидного бреда ревности (7). Субъект защищается от собственных желаний неверности, вменяя неверность в вину супругу; тем самым он переносит внимание с собственного бессознательного на бессознательное другого человека, подчас достигая глубокого понимания этого человека одновременно с полным непониманием самого себя. И потому иногда невозможно (и всегда * безрезультатно) опровергать проекцию как ошибку восприятия. t; 4) Фрейд неоднократно подчеркивал *нормальность* проективного механизма. И потому он видел проекцию в предрассудках, мифах, анимизме: «Неясное осознание (так сказать, эндopsихическое восприятие) психических факторов и отношений в бессознательном выражается [...] в построении *сверхъестественной реальности*, которая должна быть вновь преобразована наукой в *психологию бессознательного*» (8).

5) Наконец, лишь в редких случаях Фрейд говорил о проекции применительно к психоаналитической ситуации. Например, он никогда не называл трансфер в целом проекцией: словом «проекция» он обозначал лишь один момент трансфера – когда субъект приписывает аналитику те слова и мысли, которые, по сути, принадлежат ему самому (например: «Вы подумаете, что... но у меня нет такого намерения») (9а).

Из этого перечня видно, что, обнаруживая проекцию в различных областях, Фрейд понимал ее достаточно узко. Проекция всегда выступает как защита, как приписывание другому – человеку или вещи – качеств, чувств, желаний, которые субъект отрицает или просто не замечает в самом себе. На примере анимизма видно, что Фрейд не считал проекцию простым уподоблением другого самому себе. Анимистские верования нередко объясняли неспособностью первобытных людей помыслить природу иначе как по образу человека; то же относится и к мифологии: нередко утверждают, что древние «проецировали» на природу человеческие качества и страсти. По Фрейду – в этом и состоит его вклад в решение проблемы – такое уподобление опирается на *отказ признать нечто*: демоны и духи воплощают не что иное, как дурные человеческие желания.

III. В большинстве случаев, говоря о проекции, Фрейд не рассматривал проблему в целом. В описании случая Шребера он объясняет это так: «... понимание проекции предполагает исследование более общей психологической проблемы, которое нам придется отложить до другого случая, а вместе с нею – изучение образования параноидных симптомов как таковых» (5б). Даже если такое исследование и было проведено, оно никогда не было опубликовано. При этом Фрейд неоднократно высказывал свои соображения о метапсихологии проекции. Попробуем обобщить здесь элементы его теории и возникающие в ней проблемы:

1) общую основу механизма проекции мы обнаруживаем во фрейдовской трактовке влечения. Как известно, Фрейд считал, что в организме возможны два вида возбуждений, порождающих напряжение: те, от которых можно уберечься и защититься, и те, которых невозможно избежать, поскольку необходимого механизма (или слоя*) защиты не существует, – и это первый критерий различения между внутренним и внешним. Проекция выступает, таким образом, как первоначальное средство защиты от внутренних возбуждений, которые могут быть слишком сильными и потому неприятными, и тогда субъект проецирует их вовне, чтобы уклониться (фобическое избегание), защититься от них. Возникает «...побуждение видеть в них не внутреннее, а внешнее воздействие, так как в

последнем случае можно ввести в действие особый слой защиты от возбуждения. Так и возникает проекция» (10). У этого решения есть, однако, свой изъян: отныне субъект вынужден безраздельно верить в нечто, подчиненное законам реального мира (4с).

2) Фрейд считал, что проекция (вместе с интроекцией*) играет важную роль в возникновении противоположности между субъектом (*Я*) и внешним миром. Субъект «...принимает в себя или, по Ференци, „интроецирует“ те объекты, которые служат источниками удовольствия; он отторгает все то, что становится внутренним источником неудовольствия (механизм проекции)» (11). Этот процесс интроекции – проекции выражается «в языке орального влечения» (9b) как противоположность присвоения – отторжения. Именно этот этап Фрейд считал периодом «*Я-удовольствия в чистом виде*» (см.: *Я-удовольствие, Я-реальность*). Авторы, которых интересовал временной аспект фрейдовской концепции, ставили вопрос: предполагает ли проекция – интроекция уже существующее различие внутреннего и внешнего или же сама создает его? Анна Фрейд писала: «Мы полагаем, что интроекция и проекция возникают вслед за обособлением *Я* от внешнего мира» (12). Она спорила по этому вопросу с М. Кляйн, у которой на первом плане была диалектика интроекции – проекции «хороших» и «плохих» объектов* как основа дальнейшего различия внутреннего и внешнего.

IV. Таким образом, Фрейд указал на тот механизм, в котором он видел метапсихологическую пружину проекции. Однако такое понимание породило ряд проблем, не нашедших ясного ответа в его работах.

1) Первая трудность связана с вопросом о том, что именно проецируется, выносится вовне. Нередко Фрейд описывал проекцию как деформацию нормального процесса, побуждающего нас искать *причину* наших аффектов во внешнем мире: именно так выглядит проекция при фобиях. Напротив, в исследованиях паранойи – скажем, в случае Шребера – ссылки на причины предстают как апостериорные обоснования проекции. «... высказывание „я его ненавижу“ преобразуется посредством проекции в другое высказывание: „он меня ненавидит“ (он меня преследует), что дает мне право его ненавидеть» (5с). В этом случае проецируется, выносится вовне *аффект* ненависти (или, иначе говоря, само влечение). Наконец, в таких метапсихологических текстах, как «Влечения и судьбы влечений» (*Triebe und Tribschicksale*, 1915) и

«Отрицание» (*Die Verneinung*, 1925), проецируется «плохое», то, что составляет объект ненависти. Такая трактовка близка «реалистическому» пониманию проекции у М.Кляйн: с ее точки зрения, проекции подвергается «плохой» (фантазматический) объект, причем возникает впечатление, будто не воплощенное в каком-либо *объекте* влечение или аффект вообще невозможно отвергнуть.

2) Вторая важная трудность возникает в связи с фрейдовской концепцией паранойи. Дело в том, что, обсуждая общие защитные механизмы, действующие при этом психическом расстройстве, Фрейд по-разному определял место проекции. В своих первых текстах он трактовал проекцию при паранойе как первичный защитный механизм, по сути своей противоположный вытеснению при неврозе навязчивости. При этом неврозе первичная защита представляет собой вытеснение в бессознательное всей совокупности патогенных воспоминаний и замещение их «первичным симптомом защиты» – недоверием самому себе. При паранойе же первичная защита действует иначе: вытеснение здесь также имеет место, однако оно направлено во внешний мир, а первичный симптом защиты выступает как недоверие другим людям. Состояние бреда выглядит тогда как неудачная защита и «возврат» того, что было вытеснено вовне (4d).

В случае Шребера проекция возникает иначе, сопровождая процесс «образования симптома»*. Этот подход сближает механизм возникновения паранойи с механизмом возникновения неврозов: поначалу невыносимое чувство (гомосексуальная любовь) вытесняется внутрь, в бессознательное, преобразуясь в свою противоположность, а затем оно проецируется во внешний мир; в данном случае проекция выступает как способ возврата того, что было вытеснено в бессознательное.

Это различие в понимании механизма паранойи позволяет вычленить два смысла проекции:

а) смысл, сходный с пониманием проекции в кинематографии: субъект выносит вовне образ того, что бессознательно существует в нем самом. Здесь проекция определяется как особый способ непонимания, нежелания знать, парадоксальным образом предполагающий понимание в других именно того, что субъект отказывается видеть в себе;

б) обозначение квазиреального процесса отторжения: субъект выбрасывает вовне то, чего не хочет иметь, и затем вновь обнаруживает выброшенное во внешнем мире. В данном случае проекция выступает не как «нежелание знать», но как «нежелание быть».

При первом подходе проекция сводится к иллюзии, при втором – укореняется в месте первоначального раздвоения на субъект и внешний мир (см.: Отвержение).

Этот второй подход отчасти присутствует и в изучении случая Шребера: «Неверно думать, будто подавленное внутреннее чувство проецируется вовне, скорее то, что устранено (aufgehobene) внутри, вновь приходит извне» (5d). В этом отрывке Фрейд, по сути, называет проекцией вышеописанное «нежелание знать», уточняя, правда, что ссылок на проекцию недостаточно для понимания психоза.

3) Еще одна сложность касается фрейдовской теории галлюцинации и сновидения как разновидностей проекции. Если Фрейд прав и вовне проецируется именно неприятное, то как понять проекцию исполненного желания? Фрейд предложил такой ответ на этот вопрос: даже если в сновидении удовлетворяется приятное желание, сон при этом не перестает выполнять свою первичную функцию защиты, устраняя любые помехи этому удовлетворению: «...на месте внутреннего побуждения, всецело поглощающего сновидца, воцаряется внешний опыт, запрос которого спящий отвергает. Таким образом, сновидение, помимо прочего, выступает как проекция внутреннего процесса» (13).

V. 1) Несмотря на все эти сложности, смысл проекции, как мы видим, показан у Фрейда достаточно четко. Всякий раз речь идет о выбросе вовне, об отказе принять нечто в себя или быть чем-то. Представляется, что этот смысл, связанный с отказом, выбросом, отсутствовал в дофрейдовском использовании слова «проекция» – об этом свидетельствует, например, такое высказывание Ренана: «Ребенок проецирует на все вещи то чудо, которое он носит в самом себе». Такое употребление слова «проекция» встречается и в после-фрейдовскую эпоху, порождая ряд трудностей, связанных с этим понятием, в психологии, а иногда и в психоанализе (а).

2) Наши попытки сохранить фрейдовское понимание проекции не означают отрицания всех тех трудностей, о которых речь шла выше (см. I). К тому же психоанализ показывает, что проекция, как отказ от понимания и выброс вовне, имеет место во всех этих разнородных процессах.

Ведь уже проекция как перенос на какой-то определенный орган тела неясного, разлитого напряжения и страдания, позволяет фиксировать его, даже при отказе от понимания его подлинного источника (см. выше: I, б).

Кроме того, несложно показать, что при проективных тестах (см. выше: I, в) речь идет не только об упорядочении внешних раздражителей сообразно со складом личности: рассматривая и истолковывая предъявляемые ему картинки, субъект, конечно же, проецирует вовне не только то, что он есть, но и то, чем он отказывается быть. Возникает даже вопрос: не побуждает ли сам проективный метод к вынесению «плохого» вовне?

Отметим также, что психоаналитики не уподобляют трансфер проекции (см. выше: I, г); признавая, однако, что механизм проекции играет свою роль в трансфере. Например, считается, что проекция собственного *Сверх-Я* на аналитика облегчает для субъекта мучительную ситуацию внутренней борьбы.

Наконец, весьма запутанными представляются отношения между (само)отождествлением и проекцией – отчасти из-за нечеткости в определении этих понятий. Подчас такие выражения, как «истерик *проецирует себя*» или «истерик *отождествляет себя*» с каким-то персонажем, используют как синонимичные. Возникающая при этом

путаница столь велика, что Ференци, например, умудрялся говорить в подобных случаях даже об интроекции. Не углубляясь сейчас в вопрос о сорасчленении понятий и механизмов (само)отождествления и проекции, заметим, что термин «проекция» • в подобных случаях вообще неуместен, так как здесь отсутствуют необходимые для проекции в психоаналитическом смысле условия – расчленение внутреннего мира личности и отбрасывание на другого человека отторгаемой части самого себя.

ПРОТИВОНАГРУЗКА

- Экономический процесс, в котором Фрейд видит опору для многообразных защитных действий *Я*. Этот процесс предполагает осуществляемую *Я* нагрузку представлений, систем представлений, установок и т. д., способных препятствовать доступу бессознательных представлений и желаний в сознание и действие.

Этим термином может также обозначаться более или менее устойчивый результат этого процесса.

- Понятие противонагрузки употреблялось Фрейдом преимущественно в рамках «экономической» теории вытеснения. Подлежащие вытеснению представления, постоянно нагруженные влечениями и непрестанно стремящиеся прорваться в сознание, могут удерживаться в бессознательном лишь силой, неустанно действующей в противоположном направлении. В общем вытеснение предполагает два взаимообусловленных экономических процесса:

- 1) осуществляемое системой Псз снятие нагрузки, ранее связанной с тем или иным неприятным представлением (разгрузка);

- 2) противонагрузка энергией, высвобожденной в результате предыдущей операции.

И здесь возникает вопрос об объекте противонагрузки. Заметим, что в результате противонагрузки представление удерживается в системе, снабжающей влечения энергией. Это нагрузка какого-то элемента в системе Предсознание-Сознание, не позволяющая вытесненному представлению занять его место. Противонагруженные элементы различны по своей природе: это может быть отросток* бессознательного представления (подмены, например, животные, которые в фобиях приковывают к себе внимание, обеспечивая устойчивое вытеснение бессознательного желания и связанных с ним фантазий) или же нечто, прямо ему противоположное (ср. реактивные образования – скажем, повышенное внимание матери к детям, за которым скрываются ее агрессивные желания, или же забота о чистоте, свидетельствующая лишь о борьбе с анальными тенденциями).

Противонагруженным может оказаться не только представление, но и ситуация, поступок, черта характера и пр., – в любом случае цель противонагрузки в том, чтобы как можно дольше сохранить вытеснение. И в этом смысле понятие противонагрузки обозначает экономический аспект динамического понятия защиты *Я*, позволяя учесть устойчивость симптома, поддерживаемого, по выражению Фрейда, «одновременно с двух сторон». Неустранимости бессознательного желания противопоставлена относительная прочность защитных механизмов *Я*, предполагающих постоянные энергетические затраты.

Понятие противонагрузки относится не только к пограничной области между бессознательным и предсознательным. Фрейд впервые ввел понятие противонагрузки в свою теории вытеснения* (1), однако противонагрузка обнаруживается и в различных защитных механизмах, таких, как изоляция, ретроспективная ликвидация, защита со стороны реальности и пр. При подобных защитных действиях, а также в механизмах внимания и аналитического мышления противонагрузка осуществляется также внутри самой системы Предсознание-Сознание.

Фрейд обращается к понятию противонагрузки также при изучении связи организма со своим окружением (например, при учете защитных реакций на внешнее поступление энергии, прорывающей слой защиты от возбуждений*, – боль, травма). Организм вводит в действие внутреннюю энергию за счет ослабления других видов деятельности, чтобы

построить внутреннюю преграду, не пропускающую внутрь внешние возбуждения или хотя бы ослабляющую их натиск (2).

ПРОЦЕСС ПЕРВИЧНЫЙ, ПРОЦЕСС ВТОРИЧНЫЙ

Нем.: Primärvorgang, Sekundärvorgang. – Франц.: processus primaire, processus secondaire. – Англ.: primary process, secondary process. – Нен.: proceso primario, proceso secundario. – Итал.: processo primario, processo secundario. – Португ.: processo primario, processo secundario.

• Два способа функционирования психического аппарата, выделенные Фрейдом. Главные их различия:

а) с точки зрения топики: первичный процесс – принадлежность бессознательного, вторичный процесс – системы «Предсознание-Сознание»;

б) с точки зрения энергетики и динамики: в ходе первичного процесса психическая энергия течет свободно, переливаясь из представления в представление посредством механизмов смещения и сгущения; при этом она стремится до отказа нагрузить представления, связанные с тем опытом удовлетворения, который порождает желание как таковое (первичная галлюцинация). А в случае вторичного процесса энергия «связана» с самого начала, поток ее подконтролен, представления устойчиво нагружены, удовлетворение отложено, открывая дорогу мысленной проверке и сопоставлению различных способов удовлетворения.

Противоположность между первичным и вторичным процессами соответствует противоположности между принципом удовольствия и принципом реальности.

• Фрейдовское разграничение между первичным и вторичным процессами относится к тому же периоду, что и открытие бессознательных процессов, будучи его первым теоретическим выражением. Оно присутствует в «Наброске научной психологии» (Entwurf einer Psychologie, 1895), получает дальнейшее развитие в главе VII «Толкования сновидений» (Die Traumdeutung, 1900) и в дальнейшем остается неизменной опорой фрейдовской мысли.

Исследование симптомообразования и анализ сновидений приводят Фрейда к признанию особого типа функционирования психики, управляемого законами, отличными от тех, что лежат в основе мыслительных процессов как традиционного объекта психологического наблюдения. Для этого способа функционирования психики, особенно ярко проявляющегося в снах, характерно не отсутствие смысла, как утверждала традиционная психология, но скорее непрерывное его скольжение. При этом действуют механизмы смещения*, посредством которых представление, даже, казалось бы, несущественное, может приобрести большую психологическую ценность, значение и силу, изначально приписываемую другому представлению, и механизмы сгущения*, посредством которых в одном-единственном представлении совпадают все значения, образуемые пересекающимися ассоциативными цепочками. Еще один способ функционирования бессознательного связан со сверхдетерминацией* симптома.

Особенности сновидения привели Фрейда к мысли о том, что цель бессознательного процесса – как можно скорее привести к тождеству восприятия* путем галлюцинаторного воспроизводства тех представлений, особая значимость которых обусловлена первоначальным опытом удовлетворения*.

Контрастны такого рода функционированию психики вторичные процессы или такие традиционно изучаемые психологией функции, как бодрствующая мысль, внимание, суждение, рассуждение, контролируемое действие. Вторичный процесс нацелен на обретение тождества мысли*: «Мысль должна интересоваться связью между представлениями, не пасуя перед их силой» (1). С этой точки зрения вторичный процесс представляет собой изменение первичного процесса. Его управляющая роль становится возможной благодаря возникновению Я, способного прежде всего тормозить первичный

процесс (см.: Я). Однако не все процессы с участием Я можно описать как вторичные процессы. Фрейд сразу же обратил внимание на то, что Я может оказаться во власти первичного процесса, особенно при патологических способах защиты. Связь защиты с первичными процессами клинически выражается в навязчивости, а экономически – в стремлении к полной, непосредственной и быстрой разрядке энергии (а): «Нагрузка желания вплоть до галлюцинаторного состояния, высокая степень неудовольствия и, стало быть, полнота обращаемых против этого защит – все это мы называем *первичными психическими процессами*; напротив, процессы, обеспечивающие должную нагрузку Я в более мягких формах, мы называем *вторичными психическими процессами*» (2а).

Противоположность между первичным и вторичным процессами соответствует противоположности между двумя видами психической энергии: свободной* и связанной*, а также противоположности принципа удовольствия и принципа реальности*.

*

Слова «первичный» и «вторичный» предполагают временной или генетический смысл. Эти смыслы усиливаются у Фрейда во второй теории психического аппарата, где Я выступает как результат постепенного обособления от Оно*.

Эти понятийные моменты присутствуют уже в первой теоретической модели Фрейда. В «Наброске», например, эти два процесса трактуются не только как соответствия двум различным способам функционирования представлений, но также двум *этанам* развития и специализации нейронного аппарата и даже эволюции всего организма. Так, Фрейд различает «первичную функцию», когда весь организм или отдельная его часть – нейронная система – функционирует по модели «рефлекторной дуги», т. е. путем незамедлительной и полной разгрузки внутреннего органического возбуждения, и «вторичную функцию» – бегство от внешних возбуждений и одновременно накопление энергии для специфического действия, единственно способного положить конец внутреннему напряжению: «...все функции нервной системы могут быть поняты либо с точки зрения первичной функции, либо с точки зрения вторичной функции, порождаемой жизненной потребностью (Not des Lebens)» (2b). Фрейд не мог не стремиться к соблюдению важнейших научных требований, вписав свое открытие первичного и вторичного психических процессов в рамки биологических идей, предполагавших различные типы ответа организма на прилив возбуждений. Однако в результате этих усилий формулировались идеи, которые трудно было бы защищать доводами биологии. Один из примеров здесь – рефлекторная дуга, призванная передать на полюс моторики все то количество возбуждения, какое было получено организмом на полюсе чувственного восприятия. А вот еще один, более глубокий пример: речь идет о представлении, согласно которому организм проходит в своем развитии этап полной разгрузки получаемой им энергии; парадоксальное следствие этой гипотезы в том, что лишь «жизненная потребность» сделала возможным возникновение живого существа (см.: Принцип постоянства).

Однако даже там, где Фрейд, казалось бы, ближе всего подходит к биологическим моделям, он вовсе не отождествляет первичную и вторичную «функции» организма с первичным и вторичным процессами, в которых он видит два способа функционирования психики, или системы ч/(2с).

РАБОТА СКОРБИ

Нем.: Trauerarbeit. – Франц.: travail du deuil. – Англ.: work of mourning. – Исп.: trabajo del duelo. – Итал.: lavoro del lutto (или del cordoglio). – Португ.: trabalho или labor do luto.

- Внутриспсихический процесс, наступающий вслед за утратой объекта привязанности; в ходе этого процесса субъекту удается постепенно отстраниться от своего объекта.

- Выражение «работа скорби», ставшее нынче общепринятым, впервые появилось у Фрейда в «Скорби и меланхолии» (Trauer und Melancholie, 1915). Уже и само по себе оно свидетельствовало о том новом подходе к пониманию психических явлений, которое дает

психоанализ. Там, где раньше видели постепенное и как бы само собой происходящее ослабление страдания, Фрейд увидел конечный результат целостного внутреннего процесса, предполагающего деятельность субъекта, которая, как показывает клиника патологических видов скорби, не всегда приводит к успеху.

Понятие работы скорби близко по смыслу понятию психической обработки* или связывания травмирующих впечатлений в психике. Уже в «Исследованиях истерии» (Studien über Hysterie, 1895) Фрейд обращает внимание на то, что в случае скорби психическая обработка принимает особую форму: «Вскоре после смерти больного в ней [речь идет об истеричке, наблюдаемой Фрейдом] началась работа, вызывающая воочию сцены болезни и смерти [...] Всякий день она заново переживает каждое впечатление, оплакивает их, утешается и все – для собственного развлечения» (1).

О внутрипсихической работе скорби свидетельствует, по Фрейду, отсутствие интереса к внешнему миру и одновременно утрата объекта: вся энергия субъекта отдана скорби и воспоминаниям, покуда, наконец, «Я, столкнувшись с вопросом о том, желает ли оно разделить судьбу утраченного объекта, не убеждается с помощью всевозможных нарциссических удовлетворений, примиряющих с жизнью, в необходимости порвать свою связь с утраченным объектом» (2а). Однако прежде чем произойдет такое отстранение и станут возможными новые нагрузки, психика должна выполнить свою задачу: «Каждое воспоминание, каждое ожидание, связывающие либидо с объектом, должны быть выявлены и сверх-нагружены, чтобы либидо могло отделиться от них» (2б). В этом смысле можно сказать, что работа скорби заключается в том, чтобы «убить смерть» (3а).

Фрейд выявил шкалу различий между нормальной скорбью, патологическими разновидностями скорби (когда субъект считает себя виновным в смерти близкого человека, отрицает смерть, ощущает воздействие покойного и его власть над собой, полагает, что болен той же болезнью, которая привела близкого человека к смерти и т. д.) и меланхолией. В общем, по Фрейду, этот амбивалентный конфликт выходит на первый план при патологической форме скорби, а при меланхолии делается еще и следующий шаг: Я начинает отождествлять себя с утраченным объектом.

Послефрейдовский психоанализ стремился прояснить феномен нормальной скорби на основе ее патологических форм, связанных с депрессией и меланхолией, а также маниакальными состояниями, подчеркивая как раз значение этой амбивалентности* и роль агрессивности по отношению к покойному, позволяющей отстраниться от него.

Эти данные психопатологии были плодотворно сопоставлены с данными культурной антропологии относительно скорби и сопровождающих ее коллективных верований и ритуалов в различных примитивных обществах (3, 4б).

РАСЩЕПЛЕНИЕ Я

Нем.: Ichspaltung. – Франц.: clivage du moi. – Англ.: Splitting of the ego. – Исп. escisión del yo. – Итал.: scissione dell' io. – Португ.: clivagem do ego. – Итал.: scissione dell' io.

- Термин Фрейда для обозначения своеобразного явления при фетишизме и психозах: внутри Я сосуществуют две психические установки по отношению к внешней реальности, противоречащей влечениям: первая учитывает реальность, вторая – игнорирует ее, выдвигая на первый план желания. Эти установки сосуществуют, не оказывая друг на друга никакого воздействия.

- I. Термин Spaltung (расщепление) применяется в психоанализе и в психиатрии издавна и по-разному. Многие авторы, включая Фрейда, понимали его так: каждый человек находится в разладе с самим собой. В работах по психопатологии конца XIX в. (особенно по истерии и гипнозу) часто встречаются такие понятия, как «раздвоение личности», «раздвоенное сознание», «диссоциация психических явлений» и пр.

У Брейера и Фрейда такие выражения, как «расщепление сознания»

(Bewusstseinsspaltung), «расщепление содержания сознания», «расщепление психики» и другие, обозначали одну и ту же реальность: на основе чередования раздвоенных личностей или сознаний в некоторых случаях истерии или гипнотического воздействия Жана, Брейер и Фрейд пришли к мысли о существовании двух групп психических явлений или двух личностей, которые могут ничего не знать друг о друге. «После прекрасных работ П.Жана, И.Брейера и других стало общепризнанным, что комплекс истерических симптомов служит обоснованием гипотезы о расщеплении сознания и формировании отдельных групп психических явлений. Менее четки позиции по вопросу о происхождении расщепления сознания и о его роли в общей структуре истерического невроза» (1). Именно на основе этого различия мнений и возникло фрейдовское понятие бессознательного, обособившегося от области сознания в результате вытеснения. Эта концепция была противоположна взглядам Жана, исходившего из «слабости психического синтеза», причем Фрейд довольно быстро отказался от брейеровских понятий «гипноидное состояние»* и «гипноидная истерия»*.

Для Фрейда расщепление – результат конфликта; это понятие имеет для него описательное, а не объяснительное значение. Напротив, оно само порождает вопрос: как и почему сознательный субъект оказался оторванным от какой-то части своих представлений?

Пересматривая историю того периода, когда было сделано открытие бессознательного, Фрейд уверенно пользовался понятием Spaltung и близкими ему терминами, обозначающими фундаментальный факт – внутреннюю расчлененность психики. Однако в собственных исследованиях Фрейда понятие Spaltung встречается лишь изредка и не становится понятийным орудием. Фрейд обозначал этим термином прежде всего расчлененность психического аппарата на системы (бессознательное и Предсознание-Сознание) и на инстанции (*Оно*, *Я* и *Сверх-Я*), а также раздвоение *Я* на наблюдателя и наблюдаемое.

Как известно, Блейлер обозначал термином Spaltung основной симптом ряда расстройств, обобщенно называемых им шизофренией* (α). Слово Spaltung у Блейлера не только обозначало наблюдаемый факт, но и предполагало определенную гипотезу о функционировании психики (см.: Шизофрения).

Поражает сходство между объяснением расщепления при шизофрении у Блейлера и у Жана: оба они видели в расщеплении психики на отдельные совокупности ассоциаций вторичную внутриспсихическую перегруппировку, обусловленную слабостью первичных ассоциаций.

Фрейд, возражая против гипотезы Блейлера, подверг критике его понятие шизофрении; в самом конце жизни он вновь обратился к понятию расщепления, но уже с совершенно иных позиций.

II. Понятие расщепления разрабатывалось Фрейдом преимущественно в статьях «Фетишизм» (Fetischismus, 1927), «Расщепление *Я* в процессе защиты» (Die Ichspaltung im Abwehrvorgang, 1938) и в «Очерке психоанализа» (Abriss der Psychoanalyse, 1938) в связи с размышлениями о психозе и фетишизме. По Фрейду, эти расстройства затрагивают главным образом отношения *Я* к «реальности». Их изучение позволило Фрейду выявить – чем дальше, чем четче – особые механизмы отказа от реальности* (Verleugnung), прообразом которого выступает отказ от кастрации.

Однако этот отказ сам по себе не позволяет должным образом осмыслить данные клинического наблюдения над психозами и фетишизмом. В самом деле, замечает Фрейд: «Проблема психоза была бы ясной и простой, если бы Смогло полностью отделиться от реальности, однако это случается крайне редко, а быть может, и никогда не случается» (2а). Во всех разновидностях психоза присутствуют две психические установки: «...одна из них, нормальная, предполагает учет реальности, другая под воздействием влечений отрывает *Я* от реальности» (2б). Именно эта вторая установка приводит к порождению бредовой реальности. В случае фетишизма Фрейд вновь обнаружил – применительно к вопросу о «реальности» кастрации – сосуществование внутри *Я* двух взаимно-противоречивых установок: «С одной стороны, [фетишисты] отказываются признавать то, что они воспринимают, а именно отсутствие пениса в женских половых органах», причем этот отказ

выражается в создании фетиша – подмены пениса; однако, «...с другой стороны, они признают отсутствие пениса у женщины и делают из этого соответствующие выводы. Обе эти установки сосуществуют в течение всей жизни, не оказывая друг на друга никакого воздействия. Именно это и можно назвать расщеплением „Я“» (2с).

Итак, расщепление является не столько защитой Я, сколько способом сосуществования двух защитных механизмов: один из них предполагает защиту от реальности (отказ), а другой – от влечений, причем именно второй может приводить к образованию невротических симптомов (например, фобического симптома).

Вводя понятие расщепления Я, Фрейд поставил вопрос: следует ли рассматривать эту мысль «как нечто издавна известное и самоподразумеваемое или же как нечто новое и удивительное»? (3). Ведь сосуществование внутри одного и того же субъекта «...двух противоположных и независимых друг от друга психических установок» (2d) – это одно из основных положений психоаналитической теории личности. Однако, описывая скорее расщепление Я (внутрисистемное расщепление), нежели расщепление *между различными инстанциями* (между Я и Оно), Фрейд стремился выявить процесс, отличный от вытеснения и возврата вытесненного. Одной из особенностей этого процесса является запрет на компромиссы между основными установками и одновременно сохранение их обеих без какого-либо диалектического опосредования.

Небезынтересно отметить, что Фрейд построил концепцию расщепления Я именно в области психоза (где Блейлер также говорит о Spaltung'e, хотя и с совершенно других позиций). Мы сочли полезным представить здесь эту концепцию, хотя многие психоаналитики ее и не разделяют: ее достоинство в том, что она позволяет вычленить типическое явление, хотя и не дает его удовлетворительного теоретического объяснения.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Нем.: Rationalisierung. – Франц.: rationalisation. – Англ.: rationalization. – Исп.: racionalización. – Итал.: razionalizzazione. – Португ.: racionalização.

- Процедура, посредством которой субъект стремится дать логически связанное и морально приемлемое объяснение той или иной установки, поступка, идеи, чувства и пр., подлинные мотивы которых остаются в тени. Так, может идти речь о рационализации симптома, навязчивой защиты, той или иной реакции. Состояние бреда тоже характеризуется рационализацией, приводящей к более или менее отчетливо выраженному системостроительству.

- Этот термин был введен в повседневную психоаналитическую практику Э.Джонсом в статье «Рационализация в повседневной жизни» (Rationalization in everyday life, 1908).

Рационализация – это весьма обычный прием, распространенный в очень широкой области – от различных видов бреда до нормального мышления. Поскольку любое поведение допускает рациональное объяснение, подчас нелегко бывает решить, верно ли это объяснение. В частности, при психоаналитическом лечении обнаруживаются все промежуточные стадии между двумя крайностями. В некоторых случаях бывает несложно доказать пациенту искусственность приводимых им мотивов и убедить его отказаться от них. В других же случаях рациональные мотивировки оказываются весьма прочно обоснованными (психоаналитикам хорошо известны случаи, при которых сопротивления маскируются «ссылкой на факты»), однако и тут оказывается полезно «заклучить их в скобки», чтобы обнаружить бессознательные удовлетворения или защиты, которые наслаиваются на эти мотивировки.

Примеры первого типа встречаются при рационализациях симптомов, невротических или перверсных (так, мужская гомосексуальность объясняется интеллектуальным и эстетическим превосходством мужчин), навязчивых защит (особые ритуалы, связанные с принятием пищи, объясняются, например, требованиями гигиены).

Гораздо труднее показать субъекту роль рационализации на примере черт характера или поведения, тесно связанных с Я.

Обычно рационализация не считается защитным механизмом, несмотря на свою неявную защитную функцию. Дело в том, что она нацелена не прямо на осуществление влечений, но скорее на вторичную маскировку различных элементов защитного конфликта. Таким образом, и защиты, и сопротивления анализу, и реакции разного рода сами, в свою очередь, могут стать предметом рационализации. Рационализация находит себе прочную опору в готовых идеологических схемах, общепринятой морали, религиях, Политических убеждениях и т. д., причем во всех этих случаях *Сверх-Я* усиливает защиты Я.

Рационализацию можно сравнить с вторичной обработкой*, которая строит из образов сновидений связный сценарий.

Именно в этом ограниченном смысле Фрейд считает возможным использовать рационализацию для объяснения бреда. С точки зрения Фрейда, рационализация не может порождать тематику бреда (1): это мнение противоположно традиционным представлениям, согласно которым мегаломания – это рационализация бреда преследования («я, должно быть, великая личность, раз меня преследуют столь влиятельные люди»).

Понятие «интеллектуализация» близко по смыслу рационализации; однако их следует разграничивать.

РЕАЛЬНОСТЬ ПСИХИЧЕСКАЯ

Нем.: psychische Realitdt. – Франц.: rйalitй psychique. – Англ.: psychical reality. – Исп.: realidad psiquica. – Итал.: realta psichica. – Португ.: realidade psiquica.

• Термин Фрейда, обозначающий в психике субъекта то, что обладает такой же связностью и сопротивляемостью, как и материальная действительность; таковы преимущественно бессознательные желания и связанные с ними фантазии.

• Психическая реальность для Фрейда – это не просто область психологии, упорядоченная как особого рода реальность и доступная научному исследованию: речь идет обо всем том, что представляется реальностью психике субъекта.

Идея психической реальности возникает в истории психоанализа вместе с отказом от теории соблазнения* и патогенной роли реальных детских травм или по крайней мере одновременно с ослаблением их значения. Даже фантазии, не основанные на реальных событиях, могут приводить к патогенным для субъекта последствиям, которые Фрейд поначалу связывал с «воспоминаниями»: «Эти фантазии обладают *психической* реальностью, которая противоположна *материальной* реальности; в мире *неврозов* именно *психическая реальность* играет главную роль» (1а).

Отношение между фантазией и событиями, которые могли стать его основой, требует теоретического объяснения (см.: Фантазия, фантазм), однако, замечает Фрейд, «вплоть до настоящего момента мы так и не можем сказать, судя по последствиям и результатам, какие события жизни ребенка порождены фантазиями, а какие – реальностью» (1б). Таким образом, психоаналитическое лечение исходит из предпосылки, что невротические симптомы основаны по меньшей мере на психической реальности и что в этом смысле невротик «хотя бы в каком-то смысле должен быть прав» (2). Фрейд неоднократно подчеркивал, что даже те аффекты, которые кажутся совершенно немотивированными (например, чувство вины при неврозе навязчивости), на самом деле находят опору в психической реальности.

В общей форме невроз и тем более психоз характеризуются преобладанием психической реальности в жизни субъекта.

Идея психической реальности связана с фрейдовской гипотезой о бессознательных процессах, которые не только не позволяют дать отчет о внешней реальности, но замещают ее реальностью психической (3). В строгом смысле слова выражение «психическая

реальность» обозначает бессознательное желание и связанные с ним фантазии. По поводу анализа сновидений Фрейд ставит вопрос: следует ли признать реальность бессознательных желаний? «Конечно, в отношении проходных мыслей или мыслей-связок ответ будет отрицательным. Однако относительно бессознательных желаний в собственном смысле слова приходится признать, что *психическая реальность* – это особая форма существования, которую не следует путать с *материальной реальностью*» (4, а).

РЕГРЕССИЯ

Нем.: Regression. – Франц.: r gression. – Англ.: regression. – Исп.: regresi n. – Итал.: regressione. – Португ.: tegr ss o.

- Если представить психический процесс как движение или развитие, то рецессией называется возврат от уже достигнутой точки к одной из предыдущих.

С точки зрения топики, по Фрейду, регрессия осуществляется в ходе смены психических систем, через которые обычно возбуждение движется в определенном направлении.

С точки зрения времени, регрессия предполагает определенную генетическую последовательность и обозначает возврат субъекта к уже пройденным этапам развития (либидинальные стадии, объектные отношения, (само)отождествления и пр.).

С точки зрения формальной, это переход к менее сложным, менее структурно упорядоченным и менее расчлененным способам выражения и поведения.

- Регрессия – это понятие, которое часто используется в психоанализе и современной психологии; обычно оно означает возврат к предыдущим формам развития мысли, объектных отношений, структуры поведения.

Поначалу Фрейд не интересовался возникновением регрессии. Впрочем, «регрессировать» – значит идти вспять, возвращаться назад, что можно себе представить как в логическом и пространственном, так и во временном смысле.

В «Толковании сновидений» (Die Traumdeutung, 1900) Фрейд ввел понятие регрессии для объяснения сущности сна: сновидные мысли предстают прежде всего в форме чувственных образов, которые преследуют субъекта почти как галлюцинация. Для объяснения этого феномена требуется подойти к нему с точки зрения топики*, чтобы психический аппарат имел вид ориентированной последовательности систем. В состоянии бодрствования возбуждения проходят сквозь эти системы, двигаясь вперед (т. е. от восприятия к движениям), тогда как во время сна мысли не способны разряжаться в движении и устремляются вспять, к системе восприятия (1а). Таким образом, вводя понятие «регрессия», Фрейд понимал его прежде всего как понятие *топики* (а).

Временное значение регрессии, поначалу неявное, стало усиливаться в концепции Фрейда одновременно с выявлением новых моментов в психосексуальном развитии индивида.

В «Трех очерках по теории сексуальности» (Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905) термин «регрессия» не встречается, однако здесь мы уже видим указания на возможность возврата либидо на обходные пути удовлетворения (2а) и к прежним его объектам (2b). Заметим в этой связи, что те места текста, где речь идет о регрессии, были добавлены лишь в 1915 г. По сути, и сам Фрейд признавал, что мысль о регрессии либидо к предыдущему способу организации возникла лишь в более поздний период (3а). В самом деле, для выработки понятия временной регрессии потребовалось (в 1910–1912 г.) прояснить последовательность *стадий* детского психосексуального развития. В «Предрасположенности к неврозу навязчивости» (Die Disposition zur Zwangsneurose, 1913), например, Фрейд противопоставлял те случаи, когда «...сексуальная организация, предрасположенная к неврозу навязчивости, раз возникнув, сохраняется до конца», и те случаи, когда «она поначалу замещается организацией более высокого уровня, а затем

приходит в регрессивное движение – вниз от этой стадии» (4).

Таким образом, судя по отрывку, добавленному к «Толкованию сновидений» в 1914 г., Фрейду пришлось провести в понятии регрессии внутренние разграничения: «Мы различаем регрессию трех видов: а) *топическую*, обусловленную функционированием психического аппарата; б) *временную*, при которой вновь вступают в действие прежние способы психической организации; в) *формальную*, заменяющую обычные способы выражения и образного представления более примитивными. Эти три формы регрессии в основе своей едины, поскольку более давнее во времени оказывается одновременно и более простым по форме, располагаясь в психической топике вблизи восприятия» (1b).

Топическая регрессия особенно ярко проявляет себя в сновидениях, где она осуществляется до конца. Однако ее можно обнаружить и в патологических процессах, где она распространяется не столь широко (галлюцинация), или в нормальных процессах, где она идет не столь далеко (память).

Понятие *формальной* регрессии реже использовалось Фрейдом, хотя оно охватывает многие явления, при которых происходит возврат от вторичных процессов к первичным (переход от тождества мысли* к функционированию сообразно с принципом тождества восприятия*). Здесь напрашивается сравнение того, что Фрейд называл формальной регрессией, с нейрофизиологическим «разложением» (поведения, сознания и т. д.) джексоновского типа. Предполагаемый при этом порядок связан не с последовательностью этапов развития индивида, но скорее с иерархией функций и структур.

В рамках *временной* регрессии Фрейд различает несколько линий: регрессию по отношению к объекту, регрессию по отношению к либидинальной стадии и регрессию по отношению к эволюции Я (3b).

Все эти различия связаны не только с заботой о строгости классификации. Дело в том, что в некоторых нормальных или патологических структурах различные типы регрессии не совпадают друг с другом; Фрейд отмечал, например, что «...при истерии систематически наблюдается регрессия либидо к первичным сексуальным объектам инцестуозного типа, хотя регрессии к предыдущим стадиям сексуальной организации при этом не происходит» (3c).

Фрейд настаивал на том, что прошлое ребенка – индивида, а тем самым и всего человечества – навсегда остается в нас: «Первичные состояния всегда могут возникнуть вновь. Первичная психика в собственном смысле слова неуничтожима» (5). Фрейд повторяет эту мысль о возврате к прошлому применительно к самым различным областям – психопатологии, сновидениям, истории культуры, биологии и пр. На обновление прошлого в настоящем указывает также и понятие *навязчивого повторения*. Для выражения этой мысли Фрейд использует не только термин Regression, но и смежные по смыслу термины – Rьckbildung, Rьckwendung, Rьckgreifen и т. д.

Понятие регрессии прежде всего описательное, как считал и сам Фрейд. И потому его недостаточно для понимания того, каким именно образом субъект осуществляет возврат к прошлому. Некоторые разительные психопатологические состояния подталкивают нас к реалистическому пониманию регрессии: иногда говорят, что шизофреник становится грудным младенцем, кататоник возвращается в зародышевое состояние и т. д. Однако, когда применительно к человеку, страдающему неврозом навязчивости, говорят о регрессии к анальной стадии, это понимается не так, как в предыдущих примерах. В еще более ограниченном смысле можно говорить о регрессии при трансфере, когда речь идет о поведении субъекта в целом.

Хотя все эти фрейдовские разграничения и не позволяют дать понятию регрессии строгое теоретическое обоснование, они по крайней мере запрещают нам мыслить ее как нечто всеобъемлющее. В результате мы видим, что понятие регрессии связано с понятием фиксации, вовсе не сводимым к закреплению поведенческих схем. Если понимать фиксацию как «запись» (см.: Фиксация; Представление как репрезентатор влечения), регрессия может быть истолкована как повторный ввод в действие того, что уже было «записано». Тогда,

скажем, «оральную регрессию» (в особенности при прохождении психоанализа) стоило бы понимать так: в своих высказываниях и установках субъект заново открывает то, что Фрейд некогда называл «языком орального влечения» (6).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (-ТОР) ПСИХИЧЕСКАЯ (-ИЙ) (a)

Нем.: psychische Repräsentanz или psychischer Repräsentant. – Франц.: représentant psychique. – Англ.: psychical representative. – Исп.: representante psíquico. – Итал.: rappresentanza psichica. – Португ.: representante psíquico.

- В теории влечений Фрейда – психическое выражение эндосоматических возбуждений.
- Этот термин невозможно понять без ссылки на влечение, которое у Фрейда находится на границе между соматическим и психическим. С точки зрения соматической, источник влечения – это органические явления, создающие внутренние напряжения, от которых субъект не в состоянии избавиться; однако по своей цели и объектам «судьба» влечения (Tribschicksal), по сути, определяется областью психического.

Именно эта пограничная ситуация, несомненно, обуславливает обращение Фрейда к понятию репрезентатора или представителя соматического в психическом. Однако эта идея представительства формулируется двумя различными способами.

Иногда само влечение оказывается чем-то вроде «... психического репрезентатора возбуждений, которые возникают в глубине тела и достигают души» (1,2); иногда влечение уподобляется процессу телесного возбуждения, и тогда его представляют в психике двоякого рода «репрезентаторы влечения»: представление как репрезентатор* и квант аффекта* (3).

В противоположность составителям Standard Edition нам вовсе не кажется, что взгляды Фрейда по этому вопросу как-то существенно менялись: мы встречаем в одном и том же 1915 г. обе формулировки. Мнение о том, что в последних своих работах Фрейд стал склоняться ко второй точке зрения, представляется нам неверным, ибо в работе «Очерк психоанализа» [Abriss der Psychanalyse, 1938] мы обнаруживаем скорее первую точку зрения. Должны ли мы, вслед за составителями Standard Edition, устранить это противоречие, обратившись к далекому от ясности понятию влечения как границы между соматическим и психическим (4)? Возможно, однако в любом случае мысль Фрейда по этому поводу следует уточнить.

1) Хотя эти две точки зрения, на первый взгляд, противоречат друг другу, между ними есть и нечто общее: это мысль о том, что в *отношении* между соматическим и психическим нет ни параллелизма, ни причинной зависимости – скорее оно похоже на отношение между уполномоченным и уполномочивающим (Я).

Это отношение часто присутствует во фрейдовских высказываниях, причем внешние различия между ними чисто словесные, а именно: соматическое изменение обозначается в одном случае термином «влечение» (Trieb), в другом – термином «возбуждение» (Reiz), а психический репрезентатор называется в одном случае «представление как репрезентатор», а в другом – «влечение».

2) Однако между этими обозначениями все же существует различие. То решение, согласно которому влечение (соматическое) имеет представительство в психике, кажется нам одновременно и более строгим (поскольку оно не ограничивается общим указанием на то, что соматическое *выражается* в психическом), и более последовательным (поскольку идея *записи представлений* неразрывно связана с фрейдовской концепцией бессознательного*).

(САМО)ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ

Нем.: Identifizierung. – Франц.: identification. – Англ.: identification, – Исп.: identificaci6n. – Итал.: identificazione. – Португ.: identificacao.

- Психологический процесс, посредством которого субъект присваивает себе свойства,

качества, атрибуты другого человека и преобразует себя – целиком или частично – по его образу. Построение и обособление личности осуществляется посредством (само)отождествлений.

• 1) Понятие (само)отождествления принадлежит как обыденному, так и философскому языку, и потому было бы полезно прежде всего уточнить его смысл и место в психоаналитическом словаре.

Существительное «отождествление» может быть понято двояким образом: либо в переходном смысле, как в глаголе «отождествлять», либо в возвратном смысле, как в глаголе «самоотождествляться». Это различие учтено в определениях данного понятия в словаре Лаланда:

А) «Отождествление, т. е. установление тождества либо путем учета признаков (например, „опознание преступника“), либо путем определения сущности, а значит и принадлежности предмета определенному классу [...], либо путем сопоставления одной группы фактов с другими [...]».

Б) «Действие (само)отождествления одного индивида с другим или двух индивидов друг с другом (в мыслях или на деле, целиком или с ограничениями)» (1).

Фрейд использует оба эти значения. Отождествление как процесс, при котором частичное подобие превращается в полную замену одного образа другим, характеризует, с точки зрения Фрейда, работу сновидения (2а). Это и есть смысл А по Лаланду, хотя отождествление в данном случае не имеет узкопознавательного значения: это активный процесс замены частичного тождества или скрытого сходства полным тождеством.

В психоанализе, однако, это понятие прежде всего означает «(само)отождествление с чем-то».

2) Отождествление во втором смысле, т. е. (само)отождествление, подразумевается в целом ряде общераспространенных психологических понятий, таких, как подражание, вчувствование (*Einbühlung*), симпатия, психологическая заразительность, проекция и пр.

Ради ясности предлагалось вычленив в зависимости от направленности процесса, гетеропатическое (Шелер), или центростремительное (Валлон), отождествление, при котором субъект отождествляет себя с другим человеком, и идеопатическое, или центробежное, отождествление, при котором субъект отождествляет другого человека с собой. Наконец, в тех случаях, когда проявляются обе эти тенденции, возникает более сложная форма отождествления, которой обычно приписывают особую роль в образовании инстанции «мы».

*

Со временем понятие (само)отождествления заняло в работах Фрейда ведущее положение: оно стало обозначать не один из психологических механизмов наряду с другими, но сам процесс образования человеческой субъективности. Этот процесс был связан поначалу с выходом на первый план Эдипова комплекса и всех его упорядочивающих последствий, а позже с теоретическими реконструкциями во второй теории психического аппарата, где различные инстанции, отделившиеся от *Оно*, выступают во всем своем своеобразии как следствия ряда отождествлений.

Однако Фрейд говорил о (само)отождествлении уже в самый ранний период, преимущественно в связи с истерическими симптомами. Факты, связанные с подражанием, с психической заразительностью, были известны издавна, однако Фрейд сделал шаг вперед, объясняя эти явления существованием общего для всех людей бессознательного: «...(само)отождествление – это не просто подражание, но присвоение, основанное на очевидном единстве происхождения; оно выражает сходство явлений через их общность на уровне бессознательного» (2б). Эта общность проявляется на уровне фантазмов; так, пациентка, страдающая агорафобией, бессознательно отождествляет себя с «уличной девкой», причем симптом проявляется в защите от такого (само)отождествления и выражаемого им сексуального желания (3а). Наконец, Фрейд уже очень рано подметил возможность сосуществования в одном субъекте различных (само)отождествлений: «... сам

факт (само)отождествления, пожалуй, предоставляет нам возможность понять *буквально* это выражение – множественное воплощение психических личностей» (3b).

Впоследствии ряд теоретических нововведений позволил уточнить понятие (само)отождествления.

1) В 1912–1915 гг. («Тотем и табу» [Totem und Tabu], «Скорбь и меланхолия» [Trauer und Melancholie]) появилось само понятие орального поглощения. Фрейд показал прежде всего роль орального поглощения при меланхолии, когда субъект (само)отождествляется с утраченным объектом, возвращаясь в своем развитии к более ранним объектным отношениям, характерным для оральной стадии (см.: Инкорпорация; Каннибалический).

2) Было выявлено также понятие нарциссизма*. В работе «К введению в нарциссизм» (Zur Einführung des Narzissmus, 1914) Фрейд говорил о диалектике взаимосвязей между нарциссическим выбором объекта* (объект выбирается по собственному образу и подобию) и (само)отождествлением (субъект или какая-то из его инстанций строится по образу объектов, формировавшихся на более ранних стадиях – родителей, близких и т. д.).

3) Воздействия Эдипова комплекса* на внутреннюю структуру субъекта были описаны в терминах (само)отождествления: нагрузки родительских персонажей устраняются и заменяются (само)отождествлениями (4).

В обобщенном описании Эдипова комплекса Фрейд показал, что эти (само)отождествления образуют сложную структуру, поскольку отец и мать выступают одновременно и как объекты любви, и как объекты соперничества. Возможно, впрочем, что амбивалентное отношение к объекту характерно для любого (само)отождествления.

4) Вторая теория психического аппарата обогатила понятие (само)отождествления и одновременно привела к возрастанию его роли. Отныне различные личностные инстанции описываются уже не как самостоятельные системы, в которых хранятся образы, воспоминания, психические «содержания», но как совокупности разнородных остатков прежних объектных отношений.

Такое развитие понятия (само)отождествления не привело ни самого Фрейда, ни психоаналитический подход в целом к систематизации различных способов (само)отождествления. По сути, Фрейд и сам был недоволен своей трактовкой этой проблемы (5a). Наиболее развернуто она излагается в главе VII «Психологии масс и анализа Я» (Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921). В этой работе Фрейд вычленил три способа (само)отождествления:

а) первичная форма аффективной связи с объектом. Речь здесь идет о доэдиповском (само)отождествлении, изначально связанном с амбивалентным каннибалическим отношением (см.: Первичное (само)отождествление);

б) регрессивная замена прежнего выбора объекта;

в) даже если другой человек не несет сексуальной нагрузки, субъект все равно может с ним (само)отождествляться, если у них есть нечто общее (например, желание быть любимым): в результате такого смещения происходит (само)отождествление по какому-нибудь другому признаку (истерическое (само)отождествление).

В ряде случаев, считал Фрейд, (само)отождествление относится не к объекту в целом, а к «одному-единственному признаку» этого объекта (6).

Наконец, изучение гипноза, любовной страсти и психологии масс приводит к противопоставлению (само)отождествления, связанного со становлением или обогащением личности, тому процессу, при котором та или иная инстанция личности замещается объектом (например, при подмене *Идеал-Я* членов единого сообщества образом вождя). В подобных случаях именно такая «подмена» становится условием взаимоотождествления индивидов. Здесь мы воочию видим весь порядок различий между центростремительным, центробежным и взаимным (само)отождествлением, о которых речь шла выше.

Понятие (само)отождествления следует отличать от таких близких понятий, как «инкорпорация (поглощение)*», «интроекция*», «интериоризация*».

Инкорпорация и интроекция – это прообразы (само)отождествления или по крайней

мере некоторых его разновидностей: психический процесс переживается и символизируется при этом в качестве телесного процесса (внутри-себя-приятие, поглощение, сохранение в организме и пр.).

Разграничить (само)отождествление и интериоризацию сложнее, поскольку картина меняется в зависимости от теоретического осмысления *того, чему* уподобляется субъект. Различие подходов связано с тем, что (само)отождествление подразумевает *объекты*: людей («уподобление моего Я чужому Я») (5b) или же какие-то их качества, частичные объекты, тогда как интериоризация выступает как межсубъектное *отношение*. Остается выяснить, какой из этих двух процессов первичен. Заметим, что (само)отождествление субъекта А с субъектом В обычно бывает не полным, но лишь частичным: Я (само)отождествляюсь с моим начальником не целиком, но лишь отчасти – в связи с той его чертой, которая важна в моем садомазохистском отношении к нему. Однако (само)отождествление навсегда сохраняет признаки изначальных прообразов: инкорпорация относится к *вещам*, отношение воплощается в объекте; объект, на который было направлено агрессивное отношение ребенка, становится в конечном счете «плохим» объектом, который подлежит поглощению. При этом вся совокупность (само)отождествлений субъекта складывается в связную систему отношений. Например, такая (личностная) инстанция, как *Сверх-Я*, обнаруживает различные, разнородные, конфликтные требования, а *Идеал-Я* складывается в результате (само)отождествлений с различными культурными идеалами, которые не всегда согласованы друг с другом.

СВЕРХ-Я

Нем.: Ober-Ich, – т– Франц.: surmoi (или sur-moi). – Англ.: super-ego – Исп.:superyf. – Итал.: super-io. – Португ.: superego.

• Одна из инстанций личности во второй фрейдовской теории психического аппарата: по отношению к Я *Сверх-Я играет* роль судьи или цензора. *Сверх-Я*, по Фрейду, ответственно за нравственное сознание, самонаблюдение и формирование идеалов.

Обычно *Сверх-Я* трактуют как наследника Эдипова комплекса; оно образуется в результате интериоризации родительских требований и запретов.

Некоторые психоаналитики относят формирование *Сверх-Я* к ранним доэдиповским стадиям (М. Кляйн) или по крайней мере ищут предшественников *Сверх-Я* в очень ранних психических механизмах и формах поведения (например, Гловер, Шпитц).

• Термин *Сверх-Я* был введен Фрейдом в «Я и Оно» (Das Ich und das Es, 1923) (а). Обозначаемая им критическая функция представляет инстанцию, которая обособилась от Я, но, по-видимому, властвует над ним, судя по состоянию патологической скорби и меланхолии, когда субъект становится объектом критики и упреков: «Мы видим, как одна часть Я противопоставляется другой, подвергая ее критике и превращая в объект» (1).

Понятие *Сверх-Я* относится ко второй фрейдовской топике. Однако еще до ее вычленения психоаналитическая клиника и теория уже признавали (например, в понятии цензуры* сновидения) особую роль в психическом конфликте той инстанции, которая запрещает осознание желаний. Более того, Фрейд изначально признавал (и это отличает его концепцию от традиционных представлений о нравственном сознании), что эта цензура может действовать бессознательно. Он отмечал также, что при неврозе навязчивых состояний самоупреки не всегда осознанны: «Субъект, страдающий от принуждений и запретов, ведет себя так, словно он испытывает *чувство вины*, которое можно назвать безотчетным или неосознанным, несмотря на очевидное противоречие в терминах» (2).

Однако именно изучение бреда преследования, меланхолии и патологической скорби привело Фрейда к вычленению в личности одной части Я, направленной против другой – *Сверх-Я*, играющего для субъекта роль образца и судьи. Впервые Фрейд выявил эту инстанцию в 1914–1915 г., обнаружив в ней две подструктуры: собственно *Идеал-Я* и критическую инстанцию (см.: *Идеал-Я*).

Понятие *Сверх-Я* в широком и общем смысле слова (ср. «Я и Оно», где, напомним, этот термин используется впервые) обозначает и запрет, и идеал. При сохранении *Идеал-Я* в виде отдельной подструктуры *Сверх-Я* становится воплощением одновременно и закона, и запрета на его нарушение.

По Фрейду, *формирование Сверх-Я* связано с угасанием Эдипова комплекса*: отказываясь от исполнения запретных желаний, ребенок преобразует нагрузку родительских персонажей в (само)отождествление с родителями и интериоризует запрет.

При этом Фрейд подчеркивал различие между мальчиком и девочкой: у мальчика комплекс Эдипа неизбежно сталкивается с угрозой кастрации, вследствие чего возникает «строгое *Сверх-Я*» (3а). У девочки, напротив, «...комплекс кастрации не только не устраняет Эдипова комплекса, но напротив, подготавливает его появление [...]. Эдипов комплекс у девочки сохраняется надолго и затем устраняется, хотя и не полностью. При таких условиях страдает процесс образования *Сверх-Я*. оно не достигает той мощи и той независимости, которых требует его роль в культуре» (3б).

Таким образом, именно отказ от любовных и враждебных эдиповских желаний лежит в основе формирования *Сверх-Я*, которое, по Фрейду, впоследствии обогащается также социальными и культурными требованиями (образование, религия, мораль). Впрочем, еще и до формирования *Сверх-Я* в традиционном смысле слова уже возникают либо ранние формы *Сверх-Я*, либо непосредственно приводящие к нему стадии. Так, ряд авторов считают, что интериоризация запретов происходит гораздо раньше угасания Эдипова комплекса: в частности, раньше усваиваются некоторые педагогические требования и среди них, как отметил Ференци в 1925 г., определенные требования к работе сфинктера [Zur Psychoanalyse von Sexualgewohnheiten]. Для последователей М.Кляйн *Сверх-Я* существует уже на оральной стадии: оно складывается в результате интроекции «хороших» и «плохих» объектов, причем жестокость его объясняется детским садизмом, наиболее сильно развитым именно в этот период (4). Другие авторы, не признающие доэдипова *Сверх-Я*, тем не менее показывают, что формирование *Сверх-Я* начинается очень рано. Р.Шпитц, например, вычленил три главные предпосылки этого процесса: навязанные извне физические действия, овладение жестикуляцией через (само)отождествление с другими людьми и, что всего важнее, идентификация с агрессором (5).

*

Довольно трудно определить, какую роль играют в образовании *Сверх-Я* *Идеал-Я**, *Я-идеальное** и просто *Я**.

«Установление *Сверх-Я* может рассматриваться как случай успешного (само)отождествления с родительской инстанцией», – пишет Фрейд в «Новых лекциях по введению в психоанализ» (Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932) (3с). Выражение «родительская инстанция» означает, что механизм образования *Сверх-Я* не следует понимать как (само)отождествление с конкретными лицами. Вот одно из разъяснений этой мысли: *Сверх-Я* ребенка складывается не по образу родителей, но по образу *Сверх-Я* родителей: оно наполнено теми содержаниями, традициями и ценностными суждениями, которые передаются из поколения в поколение (3d).

Чаще всего антропоморфизм второй фрейдовской топики подвергался критике именно в связи со *Сверх-Я*. Однако Д.Лагаш, напротив, считал заслугой психоанализа выделение роли антропоморфизма в возникновении и функционировании психики с ее «анимистическими вкраплениями» (6). Клинический опыт психоанализа показывает, что *Сверх-Я* действует в «реалистической» манере и как независимая инстанция («плохой» внутренний объект, «грубый голос» (Я) и т. д.). Вслед за Фрейдом ряд авторов подчеркивали, что *Сверх-Я* весьма далеко отстоит от действительных запретов и наставлений родителей и воспитателей, так что «строгое» *Сверх-Я* может даже противоречить их установкам.

СВЯЗЫВАНИЕ, СВЯЗАННОСТЬ

Нем.: Bindung. – Франц.: liaison. – Англ.: binding. – Исп.: ligazón – Итал.: legame. – Португ.: ligação.

• Термин, которым Фрейд обобщенно обозначает (в различных областях – биологии, психологии и пр.) операцию, которая направлена на ограничение свободного движения возбуждений, на связывание представлений друг с другом, на создание и сохранение относительно устойчивых форм.

• Хотя понятие связывания соотнесено с противопоставлением свободной и связанной энергии, его смысл не ограничивается этой экономической стороной дела: это часто встречающееся у Фрейда понятие отвечает как конкретным потребностям психоаналитической техники, так и устойчивым теоретическим задачам. Не пытаясь перечислить здесь все ситуации его использования, мы покажем здесь его значение на трех этапах развития фрейдовской метапсихологии, где оно играет важнейшую роль.

I. В «Наброске научной психологии» (Entwurf einer Psychologie, 1895) Bindung – это прежде всего переход энергии нейронного аппарата из свободного состояния в связанное или же ее пребывание в связанном состоянии. По Фрейду, это требует наличия целой массы взаимосвязанных нейронов и пролагания путей* между ними, или, иначе, образования *Я'*. «*Я* – это масса таких нейронов, сохраняющих свою энергетическую нагрузку и потому находящихся в связанном состоянии, что может быть лишь результатом их взаимодействия» (1a).

Эта масса сама оказывает воздействие на другие процессы, вызывая торможение или связывание. Размышляя о судьбах воспоминаний, связанных с мучительным опытом (Schmerzserlebnisse), – воспоминаний, «...порождающих одновременно и аффект, и чувство неудовольствия», Фрейд называл их «неукротенными» (Ungezügelt): «Если мысль упирается в один из таких *еще неукротенных мнестических образов*, всплывают их качественные признаки и чувственные ощущения, нередко неудовольствие, побуждение к разрядке – словом, все то, что в совокупности своей определяет своеобразие возникающего при этом аффекта, и ход мысли тем самым прерывается. Для «укротения» подобного воспоминания необходимо, чтобы установилось «...определенное отношение к *Я* или к его нагрузкам ...»; необходима «...сильная и устойчивая связь, порождаемая *Я*, с тем чтобы уже продолженный путь, ведущий к неудовольствию, был чем-то уравновешен» (1b). Здесь следует подчеркнуть две мысли:

1) условием энергетического связывания выступает установление отношений, пролагание путей совместно с уже нагруженной и цельной системой; речь идет о «...включении в *Я* новых нейронов» (1c).

2) В «Наброске» при Bindung постоянно присутствует противоположный ему полюс – Entbindung (буквально – «развязывание»); это понятие обозначает пусковой механизм внезапного высвобождения энергии, например энергии мышц или желез, так что результирующая энергия, доступная количественным измерениям, намного превышает первоначальную энергию, порождаемую этим процессом. Это понятие употребляется преимущественно в следующих формах: Unlustentbindung (высвобождение неудовольствия), Lustentbindung (высвобождение удовольствия), Sexualentbindung (высвобождение сексуального возбуждения), Affektentbindung (высвобождение аффекта), а в других текстах также Angstentbindung (высвобождение страха). Во всех этих случаях имеется в виду внезапное появление свободной энергии, неумолимо тяготеющей к разрядке.

В рамках экономических представлений сходство всех этих понятий не может не удивлять нас. И в самом деле, обозначая одним и тем же словом и высвобождение удовольствия, и высвобождение неудовольствия, мы вступаем в противоречие с мыслью о том, что удовольствие и неудовольствие – это два противоположных процесса (хотя бы и относящиеся к одной и той же энергии: ее ослабление в первом случае и возрастание – во втором); однако если бы мы решили считать удовольствие и неудовольствие двумя качественно различными видами энергии, это противоречило бы фрейдовской гипотезе.

Противопоставление Entbindung – Bindung представляется весьма полезным для

разрешения этой трудности. В противоположность связанному состоянию *Я* всякое высвобождение первичного процесса (не важно, увеличивающего или уменьшающего *абсолютный* уровень напряжения) несет в себе угрозу нарушения устойчивости *Я*. У Фрейда именно высвобождение сексуального возбуждения приводит к нарушению связующей функции *Я* (см.: Последствие, Соблазнение).

II. В «По ту сторону принципа удовольствия» (*Jenseits des Lustprinzips*, 1920) проблема связывания не только выходит на первый план в размышлениях Фрейда, но и выглядит гораздо сложнее. Фрейд применяет здесь понятие связывания, изучая повторение травмы как прообраза повторения любого неприятного опыта. При этом он вновь обратился к идеям «Наброска»: лишь сильно нагруженная психическая система способна к связыванию потока энергии. На примере травмы как обширного нарушения границ *Я* можно лучше понять эту способность к связыванию, причем как раз в тот момент, когда она оказывается под угрозой. В результате взаимодействие между принципом удовольствия и первичным процессом предстает в неожиданном свете. Обычно связывание выступает как воздействие *Я* на первичный процесс и тем самым как торможение, вызванное вторичным процессом и принципом реальности. В данном случае Фрейд ставит вопрос иначе: не требует ли подчас [само] господство принципа реальности «...овладения возбуждением, его связывания, причем выполнение этой задачи во всей ее значимости не противопоставлено принципу удовольствия: оно осуществляется независимо от этого принципа и даже почти не требует его учета» (2).

Однако даже если это связывание в итоге осуществляется на благо *Я*, Фрейд тем не менее признавал и его собственную роль как основы навязчивых повторов, свидетельствующих, в свою очередь, о наличии влечения. Остается открытым вопрос о двух разновидностях связывания: одна, издавна признанная, соотносена с понятием *Я*, другая более близка к законам, которые управляют бессознательным желанием и упорядочивают фантазии, или, иначе, к законам первичного процесса: свободная энергия в психоанализе – это не мощная разрядка возбуждений, но обмен энергией, распространяющейся по цепям представлений вследствие ассоциативных связей между ними.

III. Наконец, в последней теории влечений связывание становится главным признаком влечений к жизни в противоположность влечениям к смерти: «Эрос – это связь; цель его – создавать и сохранять все более крупные единства, тогда как цель влечения к смерти, наоборот, в том, чтобы разрывать связи и тем самым разрушать предметы» (3).

В последнем изложении фрейдовской теории инстанция *Я* и подвластная ей энергия влечений располагаются на стороне влечений к жизни: эта энергия «по-прежнему выполняет главную задачу Эроса – объединение и связывание – и тем самым помогает установлению единств или содействует стремлению к единству, характерному для *Я*» (4).

Таким образом, психоаналитическая проблематика связывания может быть развита в трех подсказанных смыслом данного понятия направлениях: это мысль об отношении между несколькими терминами, связанными ассоциативной цепью (*Verbindung*); это мысль о внутренне цельной совокупности, о форме, определяемой границами, рубежами (ср, англ. слово *boundary*, корень которого – *bind*), наконец, мысль о фиксации в определенном месте некоторого количества энергии, теряющего в результате свою способность к свободному перемещению.

СОЗНАНИЕ (В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ)

А) Нем.: *Bewusstheit*. – Франц.: *conscience* (*psychologique*). – Англ.: the attribute (или the fact) of being conscious. – Исп.: *el estar consciente*. – Итал.: *consapevolezza*. – Португ.: *o estar consciente*.

В) Нем.: *Bewusstsein*. – Англ.: *consciousness*. – Исп.: *conciencia psicológica*. – Итал.: *coscienza*. – Португ.: *consciência psicológica*.

• А) В описательном смысле слова: качество актуальности, характеризующее наличные

восприятия (внешние и внутренние) в общей совокупности психических явлений.

Б) Согласно метапсихологической теории Фрейда, сознание есть функция определенной системы – Восприятие-Сознание (Вс-Сз).

С точки зрения топикки, система Восприятие-Сознание находится на периферии психического аппарата и принимает информацию одновременно из внешнего и внутреннего мира, а это, в свою очередь, означает, что удовольствие – неудовольствие возникает одновременно с оживлением мнесических следов. Восприятие-Сознание Фрейд часто считал функцией системы предсознательного, или, точнее, Предсознания-Сознания (Псз-Сз).

С точки зрения функциональной, система Восприятие-Сознание противоположна бессознательному и предсознательному как системам мнесических следов: в Восприятии-Сознании следы возбуждений остаются ненадолго.

С точки зрения экономического, система Восприятие-Сознание отличается тем, что располагает свободно перемещающейся энергией и может нагружать ею тот или иной элемент (механизм внимания).

Сознание играет важную роль в динамике конфликтов (сознательное избегание неприятного, более тонкое регулирование принципа удовольствия) и в динамике лечения (границы и функции осознания); однако в ходе защитного конфликта не может считаться одним из еп» полюсов (а).

- Хотя психоаналитическая теория и отказалась от определения психики через сознание, из этого не следует, что сознание стало в ней несущественным феноменом. Фрейд высмеивал такие попытки принизить сознание, иногда делавшиеся в психологии: «Крайняя тенденция, представленная, например, американским бихевиоризмом, исходит из возможности построить психологию, пренебрегши этим фундаментальным фактом!» (1a).

Фрейд считал сознание фактом индивидуального опыта, доступным непосредственной интуиции, и не пытался дать ему какое-то другое определение. Речь идет об «уникальном факте, не поддающемся никакому объяснению и описанию [...]». Однако, когда говорят о сознании, каждый по собственному опыту знает, о чем идет речь» (1b).

В этом утверждении два смысла: сознание дает нам лишь неполную картину наших психических процессов, большей частью бессознательных; однако нам вовсе не безразлично, сознательно или бессознательно то или иное явление, – нам нужна теория, которая бы определяла место и роль сознания.

Уже в первой метапсихологической теории Фрейда содержатся два важных утверждения: с одной стороны, Фрейд уподобляет сознание восприятию и видит его сущность в способности воспринимать чувственные *качества*. С другой стороны, он доверяет эту функцию Восприятия-Сознания отдельной системе (системе *ш* или *W*), независимой от других психических механизмов и управляемой чисто количественными принципами: «Сознание дает нам то, что мы называем *качествами*, т. е. разнообразные ощущения *различия*, причем само *различие* этих ощущений определяется отношениями с внешним миром. Внутри этой области различия находятся ряды сходных явлений, но в ней нет качеств в собственном смысле слова» (2a).

Первое из этих утверждений сохраняет свою силу для всего творчества Фрейда: «Сознание – это субъективный аспект той части физических процессов в нервной системе, которая связана с восприятием...» (2b). Согласно этому утверждению, именно *восприятие*, точнее – восприятие внешнего мира, играет главную роль в сознании: «Доступ к сознанию связан прежде всего с восприятием внешнего мира нашими органами чувств» (1c). В теории испытания реальности* важно отметить синонимичность выражений: признак качества, признак восприятия и признак реальности (2c). Поначалу «между восприятием и внешней реальностью существовало равенство» (Id). *Сознание психических явлений* неотделимо от восприятия качеств: сознание есть не что иное, как «... чувственный орган восприятия психических качеств» (3a). Сознание воспринимает состояния напряжения, связанные с влечениями, и состояния разрядки возбуждения, выступающие в виде качеств удовольствия – неудовольствия. Однако наиболее сложно осознание того, что Фрейд называл

«мыслительными процессами», понимая под этим как оживление воспоминаний, так и рассуждение, а в более общем смысле слова – любой процесс, предполагающий игру «представлений»*. На протяжении всего своего творчества Фрейд придерживался теории, утверждающей зависимость осознания мыслительных процессов от их ассоциаций со «словесными остатками» (Wortreste) (см.: Представление предметное и представление словесное). Поскольку ввод в действие этих остатков предполагает новое восприятие, вспоминаемые слова, по крайней мере поначалу, произносятся вновь (2d) и сознание укореняется в той точке, из которой энергетическая сверхнагрузка* может распространяться во все стороны: «Для того чтобы обладать качественной определенностью, мыслительные процессы у человека должны быть связаны со словесными воспоминаниями, качественные остатки которых достаточны для привлечения сознательного внимания, в результате чего мысль получает новую нагрузку, способную к перемещениям» (3b).

Эта связь между сознанием и восприятием побуждает Фрейда соединить их, чаще всего в рамках одной системы, которую в «Наброске научной психологии» (Entwurf einer Psychologie, 1885) он называл системой ω, а начиная с метапсихологических работ 1915 г. стал называть системой Восприятие-Сознание (Вс – Сз). Выделение одной системы среди других систем, в которых записаны мnesические следы* (Псз и Сз), логически выводится из идеи, ранее развитой Брейером в «Теоретических размышлениях» (Theoretisches, 1895): «Один и тот же орган не может выполнять взаимопротиворечивые функции», а именно быстро восстанавливать предыдущее состояние (*statu ante*), для того чтобы можно было воспринимать новые впечатления, и накапливать впечатления, для того чтобы можно было воспроизводить их (4). Позже Фрейд дополнит эту мысль формулой, направленной на объяснение «не-умопостигаемости» появления сознания: «... оно возникает в системе восприятия *на месте* устойчивых следов» (5a).

Определить *топику** сознания нелегко: хотя в «Наброске» Фрейд помещал ее на «верхних этажах системы», однако вскоре тесная связь сознания с восприятием заставила Фрейда сдвинуть ее на границу между внешним миром и мnesическими системами: «Психический аппарат восприятия включает в себя два уровня: внешний, или слой защиты от избытка внешних возбуждений, и внутренний – поверхность, принимающую возбуждения или систему Вс – Сз» (5b) (см.: Защитный слой от возбуждений). Это пограничное положение задает будущее место *Я*; в «*Я и Оно*» (Das Ich und das Es, 1923) Фрейд трактовал систему Вс – Сз как «ядро» (6a): «*Я* это часть *Оно*, измененная прямым воздействием внешнего мира при посредстве Вс – Сз, а в некотором смысле – продолжение процесса поверхностной дифференциации» (6b) (см.: *Я**).

С точки зрения *экономической*, сознание непрестанно ставило перед Фрейдом проблему. В самом деле, сознание – это явление, порожденное восприятием чувственных качеств, но ведь и количественные феномены – напряжения и расслабления – могут быть осознаны лишь в виде тех или иных качеств. С другой стороны, однако, такая неразрывно связанная с сознанием функция, как внимание (*большее* или *меньшее* сосредоточение) или же процесс осознания (Bewusstwerden), столь важный в психоаналитическом лечении, требуют истолкования в понятиях экономики. Фрейд высказал предположение, что энергия внимания, которая может стать, к примеру, «сверхнагрузкой» восприятия, – это энергия, порождаемая *Я* («Набросок») или же системой Вс («Толкование сновидений») и направляемая определенными качественными признаками сознания: «Биологический механизм внимания действует и применительно к *Я*: как только реальность знаком обнаруживает себя, так нагрузка присутствующего в данный момент восприятия должна превратиться в сверхнагрузку» (2e).

Сосредоточив внимание на мыслительных процессах, можно управлять ими более тонко, нежели это способен делать принцип удовольствия в одиночку: «Мы видим, что восприятие посредством органов чувств – это результат сосредоточения нагрузки внимания на тех путях, по которым распространяется получаемое извне чувственное возбуждение: качественное возбуждение системы восприятия действует как регулятор разгрузки

подвижных количеств психической энергии. Ту же самую функцию мы можем приписать и высшему органу чувств – сознанию. Восприятие новых качеств заставляет его направлять подвижные количества энергии, единицы нагрузки в других направлениях, должным образом их распределяя» (Зс) (см.: Энергия свободная – энергия связанная; Сверхнагрузка).

Наконец, с точки зрения динамики*, отметим некоторое изменение во взглядах Фрейда по вопросу о роли сознания в защитных Процессах и о действенности лечения. Не пытаясь проследить здесь все эти изменения, укажем лишь на некоторые из них:

1) в раннем психоанализе вытеснение, например, рассматривалось как намеренное отвержение на уровне, близком к вниманию: «Расщепление сознания в случае приобретенной истерии – это [...] намеренное действие, нередко осуществляемое актом свободной воли...» (7).

Как известно, возрастание интереса к бессознательным аспектам защиты и сопротивления привело Фрейда к переосмыслению понятия *Jivi* построению второй теории психического аппарата. У 2) Важным этапом этих изменений были метапсихологические сочинения (1915), в которых Фрейд утверждал: «...осознанность, единственный признак психических процессов, данный нам прямо и непосредственно, ни в коей мере не способен стать критерием различия между системами» (8a). Все это не означает отказа Фрейда от мысли, что сознание есть признак системы, ее обособившийся «орган»: дело в том, что доступа в сознание еще недостаточно для определения места того или иного содержания в системах предсознательного или бессознательного: «Стремясь к метапсихологическому пониманию психики, мы не должны приписывать особого значения симптому „осознанности“» (8b, Я).

3) В теории психоаналитической терапии проблематика осознания и его действенности неизменно была главной темой размышлений. Укажем здесь лишь на соотносительную значимость и сложное взаимодействие различных факторов лечения: воспоминания и конструкции, повторения в трансфере и проработки, наконец, истолкования – которое не ограничивается общением на Уровне сознания, но влечет за собой перестройку всей психики. «Психоаналитическое лечение опирается на воздействие Сз на Без и в любом случае свидетельствует о том, что эта задача сложна, но не безнадежна» (8с). Вместе с тем Фрейд все настойчивее подчеркивал, что сообщить больному толкование той или иной бессознательной фантазии*, даже и вполне точное, совершенно недостаточно для общей перестройки его психики и поведения: «Если сообщить больному некогда вытесненное им и вычисленное нами представление, это поначалу ничего не изменит в его психическом состоянии. Прежде всего это не устранил вытеснения и не уничтожит его результатов...» (8d).

Осознание само по себе не приводит к включению вытесненного в систему предсознательного: его необходимо дополнить устранением сопротивлений, мешающих системам предсознательного и бессознательного сообщаться между собой, и установлением все более тесной связи между бессознательными мнемическими следами и их словесным выражением. Лишь в результате этой работы соотносятся «услышанное и пережитое, совершенно различные по своей психической природе, даже при полном сходстве их содержаний» (8e). Именно проработка* обеспечивает в конечном счете доступ психических содержаний в предсознательное.

СТАДИЯ ЗЕРКАЛА

Нем.: Spiegelstufe. – Франц.: stade de miroir. – Англ.: mirror stage. – Исп.: fase del espejo. – Итал.: stadio dello specchio. – Португ.: fase do espelho.

• По Лакану, этап становления человеческого существа между 6 и 18 месяцами (a); беспомощный младенец, не способный к координации движений, предвосхищает в своем воображении целостное восприятие своего тела и овладение им. Этот единый образ достигается посредством отождествления с образом себе подобного как целостной формой;

конкретный опыт такого построения единого образа – восприятие ребенком своего отражения в зеркале.

Стадия зеркала представляет собой матрицу и набросок будущего Я.

• Концепция стадии зеркала – одно из ранних открытий Ж. Лакана, представленное в 1936 г. на конгрессе в Мариенбаде (1a).

Эта концепция опирается на ряд экспериментальных данных:

1) на данные детской и сравнительной психологии относительно поведения ребенка перед своим отражением в зеркале (2). Лакан подчеркивал «восторженное приятие [ребенком] своего образа, сопровождающееся ликующей мимикой и игрой в самотождественность собственного образа, и контроль за ним» (3a);

2) данные этологии животных о некоторых следствиях зрительного, восприятия себе подобного (3b) на биологическое созревание и структурирование организма.

Значение стадии зеркала связано, по Лакану, с незрелостью новорожденного (Я), объективно обусловленной анатомической незрелостью пирамидной системы и отсутствием двигательной координации в первые месяцы жизни (y).

*

1) Стадия зеркала – это важнейший момент в формировании структуры субъекта, первый набросок Я. Фактически младенец видит в образе себе подобного или же в собственном зеркальном отражении форму (Gestalt), предвосхищающую то телесное единство, которого ему объективно недостает: он ликует, отождествляя себя с этим отражением. Этот первичный опыт становится основой воображаемого характера Я, предстающего в качестве «Я идеального» и «начала всех вторичных отождествлений» (1b). Как мы видим, с этой точки зрения, субъект несводим к Я – к той воображаемой инстанции, в которой он себя отчуждает.

2) По Лакану, межличностное отношение, отмеченное воздействием стадии зеркала, – это отношение воображаемое, дуальное, агрессивно напряженное, представляющее Я как другого, а другого – как alter ego (см.: Воображаемое).

3) Эта концепция сходна с фрейдовской трактовкой перехода ОТ автоэротизма* (предшествующего построению Я) к нарциссизму* в собственном смысле слова: то, что Лакан называл «расщепленным телом», относится тогда к первому этапу, а стадия зеркала – к этапу возникновения первичного нарциссизма. – Однако здесь есть и важное различие: у Лакана именно стадия зеркала ретроспективно порождает фантазм расщепленного тела. Это диалектическое отношение проявляется в ходе психоаналитического лечения: иногда страх по поводу расщепления тела порождается нарциссическим самоотождествлением, а иногда все происходит прямо противоположным образом.

СУБЛИМАЦИЯ

Нем.: Sublimierung. – Франц.: sublimation. – Англ.: sublimation. – Исп.: sublimación. – Итал.: sublimazione. – Португ.: sublimação.

• Процесс, которым Фрейд объясняет формы человеческой деятельности, не имеющие видимой связи с сексуальностью, но порожденные силой сексуального влечения. В качестве основных форм сублимации Фрейд описывал художественное творчество и интеллектуальную деятельность.

Сублимацией называется такое влечение, которое в той или иной степени переключено на несексуальную цель и направлено на социально значимые объекты.

• Термин «сублимация», введенный Фрейдом в психоанализ, вызывает в мысли одновременно «возвышенное» (sublime) (ср. использование этого понятия в изящных искусствах для обозначения величественных, возвышающих нас произведений) и «возгонку» (sublimation) (ср. использование этого понятия в химии для обозначения процедур, непосредственно переводящих тело из твердого состояния в газообразное).

На протяжении всего своего творчества Фрейд называл сублимацией – в

экономическом и динамическом смысле – некоторые виды деятельности, побуждаемые желанием, явно не направленным к сексуальной цели: это, например, художественное творчество, интеллектуальное исследование и вообще ценные с точки зрения общества виды деятельности. Побудительную причину такого рода поведения Фрейд видел в преобразовании сексуальных влечений: «Сексуальное влечение обеспечивает культурный труд огромной массой энергии; это происходит в силу присущей ему способности изменять свою цель, не ослабляя напора. Эта способность менять первоначальную сексуальную цель на иную, несексуальную, но психологически ей близкую, называется сублимацией» (1a).

Даже на уровне простых описаний фрейдовское понятие сублимации нельзя признать достаточно развернутым. Неясно определена область сублимационной деятельности: должны ли мы, скажем, включать в нее всю совокупность мыслительной работы или лишь некоторые формы интеллектуального творчества? Следует ли считать главной чертой сублимации высокую общественную оценку связанных с нею форм деятельности в данной культуре? Включаются ли в сублимацию формы «приспособительной» деятельности (труд, досуг и пр.)? Касаются ли изменения в динамике влечений лишь цели влечений (как долгое время считал Фрейд) или же одновременно и их объекта, как утверждается в «Новых лекциях по введению в психоанализ» (Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1932): «Мы называем сублимацией такое изменение цели и объекта, при которых принимается во внимание социальная оценка» (2).

При рассмотрении проблемы с *метапсихологической* точки зрения эта неопределенность, по признанию самого Фрейда, сохраняется (3). Это относится также к работам, специально посвященным мыслительной и художественной деятельности (ср. «Об одном детском воспоминании Леонардо да Винчи» [Eine Kindheits-errinerung des Leonardo da Vinci, 1910]).

Мы не собираемся излагать здесь общую теорию сублимации: ее невозможно построить на основе тех немногочисленных элементов, которые мы находим во фрейдовских текстах. Ограничимся здесь указанием на ряд тенденций фрейдовской мысли, не стремясь к их обобщению.

1) Сублимация затрагивает прежде всего частичные влечения*, особенно те, которые не входят в окончательную форму генитальности: «Силы, необходимые для культурного труда, берутся большей частью за счет подавления так называемых извращенных элементов сексуального возбуждения» (1b).

2) Фрейд сделал два предположения относительно механизма сублимации. Первое основано на теории примыкания* сексуальных влечений к влечениям самосохранения. Подобно тому, как несексуальные влечения могут заражаться сексуальностью (ср. психогенные расстройства питания, зрения и т. д.), так и «пути, передающие воздействие сексуальных расстройств другим телесным функциям, предназначены у нормального субъекта для осуществления другого важного процесса. Они должны способствовать обращению силы сексуального влечения на другие, несексуальные цели, т. е. служить сублимации сексуальности» (4). Это предположение лежит в основе фрейдовского изучения Леонардо да Винчи.

Новый подход к проблеме открывается понятием нарциссизма* и созданием последней теории психического аппарата. Преобразование сексуальной активности в сублимированную деятельность (обе они устремлены к внешним, независимым объектам) требует, как теперь утверждается, промежуточной стадии – изъятия либидо и обращения его на Я, что и создает возможность десексуализации. Именно в этом смысле Фрейд говорил в «Я и Оно» (Das Ich und das Es, 1923) об энергии Я как о «десексуализированной и сублимированной» энергии, способной распространяться на несексуальные виды деятельности. Если эта энергия перемещения есть не что иное, как десексуализированное либидо, мы вправе называть ее *сублимированной*, ибо она сохраняет неприкосновенной главную цель Эроса – объединение и связывание, помогая созданию целостности или тенденции к целостности, столь характерной для Я (5).

Тем самым подтверждается мысль о том, что сублимация тесно связана с нарциссическим измерением Я, а следовательно, объект сублимированной деятельности обладает тем же качеством целостности, которое Фрейд приписывал Я. Очень сходно с этим рассуждение М.Кляйн, которая видит в сублимации тенденцию к возмещению или восстановлению «хорошего» объекта*, раздробленного разрушительными влечениями (6).

3) Поскольку теория сублимации осталась у Фрейда слабо разработанной, мы располагаем лишь отдельными намеками на то, как следует разграничивать сублимацию и сходные с ней явления – реактивные образования*, торможение при достижении цели*, идеализацию*, вытеснение* и т. д. К тому же, считая способность к сублимации существенным условием успешного лечения, Фрейд нигде не показал ее конкретно.

4) Гипотеза о сублимации высказывалась в связи с сексуальными влечениями, однако Фрейд считал возможной также сублимацию агрессивных влечений (7); этот вопрос изучался и другими авторами.

Сублимация – часто используемое в психоаналитической литературе понятие; оно настолько отвечает глубинным задачам фрейдовского учения, что трудно даже понять, как можно без него обойтись. Однако мы не располагаем связной теорией сублимации, что остается существенным пробелом в психоаналитической мысли.

СУММА ВОЗБУЖДЕНИЯ

Нем.: Erregungssumme. – Франц.: somme d'excitation. – Англ.: sum of excitation. – Исп.: suma de excitación. – Итал.: somma di eccitazione. – Португ.: soma de excitação.

- Один из терминов Фрейда для обозначения того количественного фактора, преобразования которого объясняются экономической гипотезой*. Термин указывает на его источник – возбуждения или влечения, как внешние, так и (преимущественно) внутренние.

- В конце своей статьи «Психоневрозы защиты» (Die AbwehrNeurotischen, 1894) Фрейд писал: «Среди психических функций можно выделить кванты аффекта, порции возбуждения, которые могут возрастать, убывать, смещаться, разряжаться, распространяться по мнемическим следам представлений, как электрические заряды по поверхности тел» (1).

В этом тексте, как мы видим, выражение «порция возбуждения» используется как синоним «кванта аффекта*»; фактически эти выражения подчеркивают различные аспекты этого количественного фактора. В термине «порция возбуждения» подчеркнуты две мысли:

1) об источнике количества. Психическая энергия рассматривается как порождение стимулов (главным образом внутренних), воздействия которых невозможно избежать.

2) О том, что на психику постоянно воздействуют факторы, грозящие сломать управляющий ею принцип – принцип постоянства.

Это понятие близко к понятию суммирования (Summation) возбуждения, заимствованного Фрейдом у физиолога Зигмунда Экснера (2) и используемого в «Наброске научной психологии» (Entwurf einer Psychologie, 1895): возбуждения могут свободно перемещаться в психике лишь тогда, когда их накопление или суммирование переходит определенный рубеж (3).

ТОЖДЕСТВО ВОСПРИЯТИЯ – ТОЖДЕСТВО МЫСЛИ

Нем.: Wahrnehmungsidentität – Denkidentität. – Франц.: identité de perception – identité de pensée. – Англ.: perceptual identity – thought identity. – Исп.: identidad de percepción – identidad de pensamiento. – Итал.: identità di percezione – identità di pensiero. – Португ.: identidade de percepção (или perceptual) – identidade de pensamento.

- Термины, обозначающие у Фрейда то, к чему направлены соответственно первичный и вторичный процессы. Первичный процесс нацелен на воссоздание тождества восприятия

тому образу объекта, который возник в результате опыта удовлетворения. Вторичный процесс нацелен на поиски тождества мыслей между собой.

- Опыт удовлетворения лежит в основе поиска тождества восприятия, в котором представление выбранного объекта связано с разрядкой, приносящей особенно большое удовлетворение. Отныне субъект обречен стремиться к «повторению восприятия, связанного с удовлетворением потребности» (1a). Первичная галлюцинация есть наиболее короткий путь к достижению тождества восприятия. В общем такова модель первичного процесса; в другой главе из «Толкования сновидений» Фрейд показал, что установление тождества между двумя образами – это такой тип логических отношений, который лучше всего соответствует сновидному функционированию психики (1b).

Тождество мысли находится в двояком отношении с тождеством восприятия:

- 1) оно представляет собой видоизменение тождества восприятия, поскольку нацелено на освобождение психических процессов от безраздельного господства принципа удовольствия: «Мысль должна интересоваться путями связи между представлениями, с тем чтобы интенсивность этих представлений не вводила ее в заблуждение» (1c). И тогда это видоизменение позволит выявить то, что в логике называется принципом тождества.

- 2) Оно подчинено тождеству восприятия: «любая сложная работа мысли – от мнемического образа до установления (с помощью внешней реальности) тождества восприятия, есть лишь *обходной маневр на пути к исполнению желания*, необходимость которого обусловлена опытом» (Id).

Хотя определяемые нами здесь понятия и не встречаются в других текстах Фрейда, сама противоположность между первичными и вторичными процессами, рассмотренная под углом зрения мысли и суждения, остается в теории Фрейда центральной. Она возникает перед нами, например, в противопоставлении предметных и словесных представлений*.

Во Франции Д.Лагаш неоднократно подчеркивал значение фрейдовского противопоставления между тождеством восприятия и тождеством мысли и видел в нем, в частности, средство разграничения навязчивых защитных действий, при которых *Я* остается во власти тождества восприятия, и механизмов отработки*, вводящих в действие сознание, способное сосредоточивать внимание, устанавливать различия и сопротивляться неприятным совпадениям представлений и аффектов: «объективирующее (само)отождествление, которое сохраняет тождество любого предмета мысли, должно противостоять синкретическому (само)отождествлению...» (2).

Отметим также, что различие между-этими двумя видами «тождества» несводимо к привычному противопоставлению аффекта и разума или даже «логики аффекта» и логики разума. «Толкование сновидений» фактически призвано показать, вопреки всем «научным» предрассудкам, что сновидение подчиняется законам изначального функционирования *логоса*.

ФАНТАЗИЯ, ФАНТАЗМ

Нем.: Phantasie. – Франц.: fantasie. – Англ.: fantasy или phantasy. – Исп.: fantasia. – Итал.: fantasia или fantasma. – Португ.: fantasia.

- Воображаемый сценарий, в котором исполняется – хотя и в искаженном защитой виде – то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное).

Фантазии могут иметь различные формы: это осознанные фантазии, или сны наяву*, и бессознательные фантазии, обнаруживаемые аналитиком в качестве структурной подосновы явного содержания, или, иначе, первофантазии*.

- I. Немецкое слово Phantasie означает «воображение»: не столько способность воображения в философском смысле слова (Einbildungskraft), сколько мир воображения, его содержания, одушевляющую его творческую деятельность.

Французское слово fantasme было заново введено в употребление психоанализом, и потому оно более нагружено собственно психоаналитическими смыслами, нежели немецкое

Phantasie, причем это слово не соответствует немецкому в точности и имеет ограниченное употребление: *fantasme* – это особый продукт воображения, а вовсе не мир фантазий и не деятельность воображения в целом.

Д.Лагаш предложил использовать старое французское слово *fantaisie*, удобное тем, что оно обозначает одновременно и творческую деятельность, и ее результаты, однако в современном языке это слово тесно связано по смыслу с капризом, прихотью, чем-то несерьезным и пр.

II. Термины *fantasmes*, *fantasmatique* (фантазм, фантазматический) вызывают в мысли противопоставление между воображением и реальностью (восприятием). Если считать это противопоставление основой психоанализа, нам придется трактовать фантазм как чистую иллюзию, развеиваемую правильным восприятием реальности. Такое понимание мы находим в некоторых текстах Фрейда. Так, в работе «О двух принципах функционирования психики» (*Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens*, 1911) Фрейд противопоставлял внутреннему миру, стремящемуся к иллюзорному удовлетворению, внешний мир, постепенно, посредством системы восприятия, подчиняющий субъекта принципу реальности.

Об этом же свидетельствует и тот путь, которым Фрейд пришел к своему открытию роли фантазирования в этиологии неврозов: поначалу Фрейд считал реальными те патогенные сцены детства, о которых рассказывали пациенты в ходе анализа, но затем вынужден был решительно отказаться от этого первоначального убеждения и признать свою «ошибку»: эти сцены имели отношение не к материальной, но лишь к «психической реальности»* (а).

Необходимо, однако, подчеркнуть, что само выражение «психическая реальность» – это не просто синоним внутреннего мира, психики в целом и пр. В самом глубоком своем фрейдовском смысле оно означает устойчивое и независимое от окружения ядро сопротивления, которое единственно можно считать «реальным» на фоне других психических феноменов. «Следует ли признать *реальность* бессознательных желаний – я не знаю. Конечно, проходные мысли и мысли-связки не обладают собственной реальностью. Однако, сталкиваясь с бессознательными желаниями в их наиболее четком и истинном выражении, мы вынуждены будем утверждать, что *психическая реальность* – это особая форма существования, которую нельзя смешивать с *материальной реальностью*» (Ia).

Усилия самого Фрейда, да и все последующие психоаналитические размышления, по сути, были направлены к тому, чтобы понять устойчивость, действенность, относительную организованность мира фантазий в жизни субъекта. С этой целью Фрейд выявил типические способы фантазирования, связанные с построением таких сценариев, как «семейный роман»*. Он счел неплодотворными попытки выбора между трактовкой фантазии как искаженного воспоминания о действительно случившихся событиях и трактовкой фантазии как воображаемого, замаскированного выражения динамики влечения, за которым не стоит никакая реальность. Изучение типичных фантазий, обнаруженных психоанализом, привело Фрейда к мысли о существовании бессознательных схем, или «первофантазий»*, выходящих за рамки индивидуального опыта и наследуемых генетически.

III. Термин «фантазия» широко используется в психоанализе. При этом, к сожалению, остается неясным место обозначаемой им реальности в психике или его топика: непонятно, относится ли фантазирование к сознанию, предсознанию или к бессознательному.

Для правильного осмысления фрейдовского понятия *Phantasie* необходимо разграничить несколько уровней:

1) то, что Фрейд называл «фантазиями», – это прежде всего сны наяву*, сцены, эпизоды, романы, которые субъект сочиняет и рассказывает в состоянии бодрствования. В «Исследованиях истерии» (*Studien über Hysterie*, 1895) Брейер и Фрейд показали распространенность и значение такого фантазирования у истериков и назвали его «бессознательным», т. е. тем, что осуществляется в бессознательном или гипноидном состоянии*.

В «Толковании сновидений» (Die Traumdeutung, 1900) Фрейд все еще описывал фантазии по образу и подобию грез наяву. В его анализе они представляли как компромиссные образования, сходные по своей структуре со сном. Эти фантазии или сны наяву возникают в процессе вторичной обработки*, т. е. в период работы сновидения*, теснее всего связанный с бодрствующей деятельностью.

2) Фрейд часто говорил о «бессознательном фантазировании», но это не всегда предполагало четкую метапсихологическую позицию. Иногда он имел в виду сублимирующие предсознательные грезы, которым безотчетно предается субъект (2). В статье «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität, 1908) «бессознательные» фантазии выступают как прообразы истерических симптомов и описываются в тесной связи со снами наяву.

3) Есть и другой подход, выявляющий тесную связь фантазирования с бессознательным. В главе VII «Толкования сновидений» Фрейд утверждал, что некоторые фантазии возникают на уровне бессознательного. Они связаны с бессознательными желаниями и выступают как отправная точка метапсихологического процесса сновидения, причем первый отрезок «пути» к построению сна «...ведет вперед, от бессознательных сцен или фантазий к предсознанию» (1b).

4) Таким образом, в работах Фрейда можно выделить (хотя сам он никогда этого и не делал) различные уровни фантазирования: это уровни сознания, сублимации, бессознательного (Я). Фрейда интересовало прежде всего не разграничение этих уровней само по себе, но скорее разнообразные взаимосвязи между ними:

а) в настоящем сновидении сны наяву, подвергшиеся вторичной обработке, могут оказаться непосредственно связанными с бессознательной фантазией как «сердцевиной сна»: «Психоанализ обнаруживает в ночных сновидениях фантазии, связанные с желанием, которые нередко оказываются буквальным повторением или же измененным вариантом детских сцен; бывает, что внешний облик сна непосредственно указывает на его сердцевину, искаженную примесью другого материала» (3). Так, в работе сновидения фантазирование предстает одновременно на двух полюсах: с одной стороны, оно выступает в связи с самыми глубокими бессознательными желаниями, а с другой – подвергается вторичной обработке. Эти два полюса сна или два способа фантазирования здесь воссоединяются или по крайней мере обнаруживают внутреннюю взаимосвязь и отношения взаимной символизации;

б) Фрейд считает фантазирование той *областью*, где несложно уловить механизм *перехода* между различными психическими системами, вытеснение и возврат вытесненного. Фантазии «...вплотную приближаются к сознанию, где пребывают довольно долго – пока не получают новую порцию нагрузки; как только эта нагрузка превысит определенный уровень, их немедленно отбрасывает прочь от сознания» (4а);

в) в наиболее развернутом метапсихологическом определении фантазии Фрейд соединяет ее полярно противоположные аспекты: «С одной стороны, фантазии внутренне упорядочены, лишены противоречий, толково используют все преимущества системы сознания, так что мы вряд ли сможем отличить их от сознательных образований; с другой стороны, они бессознательны и лишены доступа к сознанию. [...] Однако именно их источник – бессознательное – определяет их судьбу. Их можно сравнить с метисами – это люди, в общем похожие на белых, однако какие-нибудь особые признаки выдают их цветное происхождение и делают их изгоями общества, лишенными всех привилегий белого человека» (4b).

Представляется поэтому, что фрейдовский подход к фантазиям не только не подчеркивает *существенной* разницы между бессознательным и сознательным фантазированием, но, напротив, стремится установить между ними переходы и взаимосвязи: «Ясно осознаваемые фантазии извращенцев, которые при благоприятном стечении обстоятельств могут превратиться в поступки, бредовые страхи параноиков, переносащих на других людей собственную враждебность, бессознательные фантазии истериков, раскрываемые психоанализом в симптомах, – все эти образования совпадают по своему

содержанию даже в мелочах» (5). Различные продукты воображения и психопатологические структуры, перечисляемые здесь Фрейдом, едины по содержанию, по способу организации и доступны выявлению независимо от того, сознательны они или бессознательны, выражены ли они в поступках или в мыслях, приняты ли они субъектом на свой счет или же перенесены им на других людей.

Следовательно, в процессе психоаналитического лечения необходимо выявить за такими проявлениями бессознательного, как сны, симптомы, отыгрывание*, навязчивая повторяемость в поведении, лежащие в их основе фантазии. Чем дальше продвигается исследование, тем яснее проступают «отростки» бессознательных фантазмов даже в тех разновидностях поведения, которые, на первый взгляд, никак не связаны с деятельностью воображения и подчиняются лишь требованиям реальности. С этой точки зрения, жизнь субъекта в целом выглядит как модель, приводимая в движение тем, что можно было бы назвать, подчеркивая ее структурирующий характер, *фантазматикой*. Речь здесь идет и в самом деле не только о тематике, пусть даже и весьма своеобразной для каждого отдельного субъекта, но и о собственной динамике фан-тазматических структур, которые ищут самовыражения и доступа в сознание и действие, привлекая для этого каждый раз новый материал.

IV. Фантазия самым тесным образом связана с желанием, о чем свидетельствует термин Фрейда *Wunschphantasie* («фантазия желания») (6). В чем смысл этого отношения? Как известно, для Фрейда источником желания и его прообразом был *опыт удовлетворения**. «Самое первое желание (*Wünschen*) есть не что иное, как галлюцинаторная нагрузка воспоминания об удовлетворении» (1с). Означает ли это, что первофантазии в поисках своих галлюцинаторных объектов связаны с первым опытом нарастания и разрядки внутреннего напряжения? Можно ли сказать, что первофантазии направлены на фантазматические объекты подобно тому, как потребность обращена к реальным объектам?

Отношение между фантазией и желанием представляется нам более сложным. Даже в своих неразвитых формах фантазирование не сводится ни к какой осознанной деятельности субъекта желания:

1) фантазии – даже те, что доступны пересказу в одной фразе, – представляют собой сценарии, зрелища, последовательность сцен.

2) Субъект постоянно присутствует в этих сценах; даже в «первосцене»*, где его как будто бы нет, он фактически играет свою роль не только как наблюдатель, но и как участник – например, прерывая родительский коитус.

3) Вовсе не представление объекта становится целью субъекта, но скорее сцена, участником которой он является: в ней, кстати сказать, возможны замены ролей (внимание здесь привлекает прежде всего фрейдовский анализ фантазма «Ребенка бьют» (*Ein Kind wird geschlagen*. 1919] со всеми синтаксическими вариациями этой фразы, а также преобразования сексуального фантазма в случае Шребера).

4) Будучи способом выражения желания, фантазия становится также местом защиты, обеспечивая такие простейшие защитные действия, как обращение на себя*, обращение в свою противоположность*, отрицание*, проекция*.

5) Все эти разновидности защиты неразрывно связаны с первейшей функцией фантазирования и с мизансценой желания, в которой *запрет* присутствует изначально – даже в самом способе возникновения желания.

ЦЕЛЕПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Нем.: Ziel Vorstellung. – Франц.: repräsentation-but. – Англ.: purposive idea. – Исп.: representaciön-meta. – Итал.: rappresentazione finalizzata. – Португ.: repre-sentazao-meta.

• Термин Фрейда, обозначающий то, что направляет ход мыслей – сознательных, предсознательных и бессознательных. На каждом из этих уровней существует определенная целенаправленность, в силу которой мысли выстраиваются в последовательность – не чисто

механическую, но детерминированную наиболее значимыми представлениями как точкой притяжения для других представлений. Таковы, например, при сознательном мышлении поставленная задача, а при свободных ассоциациях – бессознательная фантазия.

- Фрейд говорит о «целепредставлении» главным образом в своих первых работах по метапсихологии, а именно в «Наброске научной психологии» (Entwurf einer Psychologie, 1895), а также (неоднократно) в главе VII «Толкования сновидений» (Die Traumdeutung, 1900). В этом понятии запечатлено оригинальное содержание фрейдовской концепции психического детерминизма: поток мыслей не может быть недетерминированным, т. е. свободным от каких-либо закономерностей, более того – управляющие этим потоком закономерности не являются чисто механическими, как полагала ассоциационистская психология, согласно которой последовательность ассоциаций подчиняется лишь [принципам] смежности и сходства, что делает совершенно неуместным поиск каких бы то ни было глубоких смыслов. «Каждый раз, когда один психический элемент связан с другим случайной или поверхностной ассоциацией, между ними существует также более надежная и глубокая связь, за которой скрывается сопротивление цензуры» (1).

Термин «целепредставление» свидетельствует, по Фрейду, о том, что ассоциации подчинены какой-то конечной цели. Она обнаруживается явно в случаях сосредоточенного аналитического мышления, при котором всякий выбор направляется поставленной целью, но остается скрытой, хотя и доступной психоанализу, там, где ассоциации развертываются свободно (см.: Свободные ассоциации).

Почему Фрейд говорит о целепредставлении, а не просто о ближайших или конечных целях? Этот вопрос возникает прежде всего в связи с бессознательным целеполаганием, и ответ на него такой: дело в том, что эти представления суть не что иное, как бессознательные фантазии. Такая трактовка находит свое обоснование в первых фрейдовских моделях функционирования мышления: мысль, включая исследовательский поиск, присущий вторичным процессам, возможна лишь постольку, поскольку цель или целепредставление сохраняет свою энергетическую нагрузку, оставаясь той точкой, притяжение которой обеспечивает расчистку или прокладывание вновь ведущих к ней путей. Эта цель – «представление о желании» (Wunschvorstellung), извлекаемое из опыта удовлетворения* (2).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ (прил.), ЭКОНОМИКА

Нем.: ökonomisch. – Франц.: économique. – Англ.: economic. – Исп.: econf-mico. – Итал.: economico. – Португ.: econfmico.

- Все, что относится к гипотезе, согласно которой психические процессы представляют собой обмен и перераспределение доступной измерению энергии влечений, которая может возрастать, убывать, оставаться неизменной.

- В психоанализе часто говорят о так называемой «экономической точке зрения». Так, Фрейд определяет метапсихологию* как синтез трех точек зрения: динамики, топики и экономики. Последняя представляет собой «попытку проследить все превращения отдельных количеств возбуждения и подойти хотя бы к *относительной* оценке их величины» (1). Экономическая точка зрения предполагает учет нагрузок* в их подвижности, количественных изменениях, противоречиях между ними (понятие противонагрузки) и пр. Экономический подход характеризует творчество Фрейда в целом: без учета экономики нагрузок описание психических процессов не может быть полным.

Это требование фрейдовской мысли порождается, с одной стороны, научным духом и понятийным аппаратом с его энергетическими понятиями, а с другой – клиническим опытом с избытком фактов, которые, как казалось Фрейду, можно объяснить лишь на экономическом языке. Это, например, навязчивость невротического симптома (пациенты часто говорят: «во мне есть что-то, что сильнее меня»); возникновение невротических расстройств вследствие нарушения сексуальной разрядки (актуальные неврозы*); напротив, устранение симптомов при наступлении катарсиса* или высвобождения «зажатых»

аффектов (отреагирование*); это наблюдаемое в симптомах болезни и во время течения отделение представления от изначально связанного с ним аффекта (конверсия*, вытеснение* и пр.); обнаружение таких ж ассоциативных цепочек, которые связывают одно представление, вовсе не вызывающее (или почти не вызывающее) аффективной реакции, с другим представлением, по видимости незначимым, но на самом деле лежащим в основе аффективной реакции: этот факт, по-видимому, свидетельствует о перемещении аффективного заряда по всей длине проводящей цепи от одного элемента к другому.

Эти факты лежат в основе первых теоретических построений, предложенных Брейером в «Теоретических размышлениях» («Очерки об истерии» [Studien über Hysterie], 1895) и Фрейдом в «Наброске научной психологии» (Entwurf einer Psychologie, 1895), целиком построенном на понятии количества возбуждения, перемещающегося по нейронной цепи, и в «Толковании сновидений» (die Traumdeutung, 1900).

Впоследствии целый ряд других клинических и терапевтических данных лишь укрепил эту экономическую гипотезу Фрейда. Среди них, например:

а) изучение таких состояний, как скорбь или нарциссический невроз*, приводившее к мысли о наличии в субъекте подлинного *энергетического равновесия* между различными нагрузками: так, отсутствие интереса к внешнему миру предполагает увеличение энергетических нагрузок во внутриспсихических образованиях (см.: Нарциссизм; Я – либидо – объектное либидо; Работа скорби);

б) интерес к военным неврозам, в частности и травматическим неврозам* в целом. В подобных случаях расстройства возникают в результате *слишком сильного* шока – прилива возбуждений, с которыми субъект не в состоянии справиться;

в) ограниченная действенность истолкования и шире – терапевтического вмешательства в ряде сложных случаев, которые заставляют учесть *силу* воздействия тех или иных факторов (в особенности силу влечений), постоянных (присущих субъекту от рождения) или же временных.

2. Экономическая гипотеза постоянно присутствовала в целом ряде понятий фрейдовской теории. По-видимому, главный момент здесь – это мысль о существовании особого *аппарата* (который поначалу описывался как нейронный, а затем все решительнее, как психический), чья функция заключается в удержании энергетических процессов на как можно более низком уровне (см.: Принцип постоянства, Принцип удовольствия). Этот аппарат совершает определенную *работу*, которую Фрейд описывает по-разному: как преобразование свободной энергии в связанную энергию*, как отсрочку разрядки, как психическую *обработку* возбуждений и пр. Такая обработка предполагает разграничение между представлением и *квантом аффекта** или *суммой возбуждения*, способными перемещаться по ассоциативным цепям, обеспечивая энергетическую *нагрузку* того или иного представления или всей совокупности представлений и пр. Отсюда – собственно экономический смысл таких понятий, как *смещение** и *сгущение**.

Психический аппарат получает возбуждение в результате внешнего или внутреннего воздействия; в последнем случае постоянное давление этих возбуждений или *влечений** «побуждает к работе». Функционирование психического аппарата в целом может быть описано на экономическом языке как взаимодействие нагрузок, разгрузок, противонагрузок, сверхнагрузок.

Экономическая гипотеза тесно связана с двумя другими уровнями метапсихологического рассмотрения: топикой* и динамикой*. По сути, Фрейд определяет каждую из инстанций психического аппарата через особый способ перемещения энергии; так, в первой теории психического аппарата мы видим свободную энергию Бсз, связанную энергию Псз и энергетическую подвижность сверхнагрузок* в сознании.

Подобным образом, психический конфликт как понятие динамики предполагает, по Фрейду, учет соотношений сил между влечениями, Я, Сверх-Я. Значение «количественного фактора» в этиологии болезни, а также в терапии четко показано в «Конечном и бесконечном анализе» (Die endliche und die unendliche Analyse, 1937).

В экономическом подходе нередко видят наиболее проблематичную часть фрейдовской метапсихологии. Что представляет собой та энергия, о которой постоянно говорят психоаналитики? По этому поводу уместно будет сделать следующие замечания.

1) В физических науках речь также не идет об изначальной природе физических величин, но лишь об их изменениях, преобразованиях, эквивалентностях. Их изучение ограничивается определением их воздействий (сила, например, есть то, что производит определенную работу) или сопоставлением их друг с другом (одна сила измеряется через другую или же их воздействия сопоставляются между собой). В этом смысле позиция Фрейда не исключение: он видит в импульсе влечений силу, «побуждающую психику к работе» (2), и с готовностью признает, что «мы ничего не знаем о природе процесса возбуждения, который разворачивается внутри психических систем, и не чувствуем себя вправе строить на этот счет какие бы то ни было гипотезы. Следовательно, мы имеем дело с важным и не известным нам фактором, который переходит из одной формулы в другую» (3).

2) Таким образом, Фрейд говорил об энергии лишь как об основе преобразований, на которую указывают, по его мнению, многие факты опыта. Либи́до (или энергия сексуальных влечений) интересовало его в той мере, в какой оно позволяло объяснить изменения объекта, цели, источника сексуального желания. В самом деле, когда какой-то симптом притягивает к себе энергию, другие виды деятельности оказываются энергетически ослабленными: подобным образом, когда нарциссизм или либидинальная нагрузка *Я* усиливается, это приводит к уменьшению энергетической нагрузки объектов.

Фрейд предполагал даже, что этот количественный фактор можно будет, по крайней мере в принципе, измерить в будущем.

3) При попытках понять природу фактов с точки зрения энергетики оказывается, что Фрейд, по сути, описывал в физикалистском языке то, что в перспективе, более близкой к непосредственному опыту, можно назвать «миром ценностей». Д.Лагаш подчеркивал взятую из феноменологии мысль о том, что организм структурирует свое окружение и даже свое восприятие объектов, исходя из собственных жизненных интересов, выделяя особо значимые объекты, области опыта, различия в восприятии (*Umwelt*). Если не ограничивать понятие ценности сферой этики, эстетики или логики, можно даже сказать, что аксиологическое измерение, в котором ценности определяются их несводимостью к эмпирии, всеобщностью их природы и обязательностью их воплощения и т. д., важно для всех организмов. Именно в этом смысле объект, несущий нагрузку орального влечения, становится целью как объект поглощения, как пищевая ценность, а фобический объект выступает не просто как источник страха, но как объект-которого-нужно-избегать и, следовательно, вокруг которого складывается особая пространственно-временная структура.

Следует, однако, заметить, что подобный подход включает в себя содержание экономической гипотезы только если рассматривать все «ценности» как способные к взаимообмену, смещению или уравниванию внутри системы, где общее «количество ценностей» в распоряжении субъекта ограничено. Напомним, что Фрейд использует экономические понятия не столько в связи с влечениями к самосохранению (хотя и здесь явно присутствуют интересы, стремления, побуждения, «ценные объекты»), сколько применительно к сексуальным влечениям, нацеленным на объекты, весьма отличные от реальных. Под либидинальной экономикой Фрейд понимал как раз *обмен* ценностями в психическом аппарате; не учитывая этого, невозможно понять, как страдания, порождаемые симптомом, могут приносить сексуальное удовлетворение.

ЭНЕРГИЯ СВОБОДНАЯ – ЭНЕРГИЯ СВЯЗАННАЯ

Нем.: *freie Energie – gebundene Energie*. – Франц.: *йnergie libre – йnergie liйe*. – Англ.: *free energy – bound energy*. – Исп.: *energia libre – energia ligada*. – Итал.: *energia libйra – energia legata*. – Португ.: *energia uvre – energia ligada*.

- Термины, которые подразумевают, с точки зрения экономической, фрейдовское разграничение первичного и вторичного процессов. При первичном процессе энергия называется свободной и подвижной, поскольку она непосредственно устремляется к разрядке; при вторичном процессе энергия называется связанной, поскольку ее движение к разрядке замедлено и заторможено. В эволюционной перспективе свободное состояние энергии предшествует, по Фрейду, ее связанному состоянию, которое требует большей упорядоченности психического аппарата.

- Фрейд приписывал заслугу разграничения между свободной и связанной энергией Брейеру (1,2). Однако фактически эти понятия не принадлежат Брейеру, а кроме того, Фрейд понимает их по-своему.

Брейеровское разграничение двух типов энергии основывается на установленном в физике различии между двумя типами механической энергии, величина которой в одной отдельно взятой системе остается постоянной. Гельмгольц, как известно, повлиявший на Брейера и Фрейда, противопоставлял *живые силы* (*lebendige Kräfte*, понятие Лейбница) *скованным силам* (*Spannkräfte*), или, иначе, «силам, которые побуждают точку *M* к движению, находясь при этом в состоянии покоя» (3). Это противопоставление сходно с подходами других авторов, например с противопоставлением актуальной и потенциальной (Ранкин) или кинетической и статической (Томсон) энергии: Брейер явно заимствовал и сами эти понятия, и их разграничения у этих физиков.

Брейер стремился прежде всего определить ту форму потенциальной энергии нервной системы, которую он называл «тоническим внутримозговым возбуждением», или «нервным напряжением», или еще «покоящейся» энергией. Подобно тому, как сосуд содержит в себе определенное количество потенциальной энергии, поскольку в нем есть вода, так и «...вся сеть [нервных волокон] образует единый резервуар нервного напряжения» (4а).

Тоническое возбуждение порождается различными источниками: это сами нервные клетки, внешние возбуждения, внутренние телесные возбуждения (физиологические потребности) и «психические аффекты». Оно используется или разряжается посредством различного рода деятельностей – двигательной, мыслительной и пр.

По Брейеру, существует оптимальный уровень этой потенциальной энергии, позволяющий воспринимать внешние возбуждения, строить ассоциации между представлениями, осуществлять свободное распространение энергии по всей нервной системе. Организм стремится сохранить или восстановить именно этот уровень возбуждений (см.: Принцип постоянства). Однако на самом деле он отдалается от этого оптимального уровня – либо из-за снижения уровня нервной энергии (и тогда наступает сон, позволяющий вновь ее зарядиться), либо из-за слишком высокого энергетического уровня. В этом случае энергия может распространяться либо обобщенно и единообразно (как при состоянии напряженного ожидания), либо неравномерно (как при аффектах, не способных ни к разрядке энергии, ни к ее распределению по всей системе путем ассоциативной обработки*: Брейер называл их «зажатыми аффектами»).

Из вышеизложенного ясно:

1) что две формы энергии, различаемые Брейером, – «потенциальная» и «кинетическая» – могут преобразовываться друг в друга;

2) что кинетическая энергия не имеет никаких преимуществ ни с генетической, ни с логической точки зрения и что фрейдовское различие между первичным и вторичным процессами чуждо мысли Брейера;

3) что главным для Брейера было спокойное состояние нервной энергии, поскольку лишь при достижении определенного уровня энергия приобретает способность свободно распространяться: к примеру, Брейер полагал, что во время сна, при понижении уровня потенциальной энергии, ее свободное распространение *нарушается* (4а);

4) что принцип постоянства понимался Брейером иначе, нежели Фрейдом (см.: Принцип постоянства; Принцип нейронной инерции).

*

Таким образом, представляется, что именно Фрейд ввел – применительно к психической энергии – противопоставление понятий свободной и связанной энергии. Заметим, что в физике эти два понятия были введены Гельмгольцем в рамках *второго* принципа термодинамики (постепенная потеря энергии); Гельмгольц называл *свободной* такую энергию, которая «... может свободно преобразовываться в другие виды работы», а *связанной* энергией – «... такую энергию, которая проявляется только в виде тепла» (5).

Это противопоставление не вполне соответствует антитезе статической (или тонической) и кинетической энергии, ибо в последнем случае принимается во внимание лишь механическая энергия, тогда как противопоставление свободной и связанной энергии предполагает учет различных видов энергии (тепловой, химической и пр.), а также условий, позволяющих (или не позволяющих) переход от одного вида энергии к другому. Стоит, однако, отметить, что статическая энергия – это, по Гельмгольцу, свободная энергия, способная преобразовываться в другие виды энергии, а кинетическая энергия (по крайней мере та, что появляется при неупорядоченном молекулярном движении) – это, напротив, связанная энергия. Итак, становится очевидно, что, называя связанной энергией энергию покоя или тоническую энергию в брейеровском смысле, а свободной энергией – кинетическую энергию, Фрейд фактически перевернул физическое значение этих понятий: под «свободной» энергией Фрейд подразумевал свободно распространяющуюся (*frei beweglich*), а вовсе не свободно преобразующуюся энергию.

В итоге можно утверждать следующее:

1) что пара противоположностей у Брейера (тоническая энергия, кинетическая энергия) взята из теории, которая не учитывает второго начала термодинамики. Напротив, Фрейд использует понятия (свободная энергия, связанная энергия), связанные со вторым началом термодинамики;

2) что хотя Фрейд был хорошо знаком с идеями физикалистов (Гельмгольц, Брюкке), он радикально переосмыслил заимствованные им физические понятия, которые в итоге стали сходными с понятиями Брейера;

3) что, несмотря на это очевидное совпадение, концепция Фрейда совершенно отлична от концепции Брейера: свободная энергия бессознательных процессов *первична* по отношению к связанной энергии. Это фундаментальное различие подходов выражается главным образом в неясностях формулировки принципа постоянства.

Мысль о противоположности между двумя видами энергетических процессов присутствует в «Наброске научной психологии» (*Entwurf einer Psychologie*, 1895): в первичных процессах функционирования нейронного аппарата энергия направлена к непосредственной и полной разрядке (принцип нейронной инерции); во вторичных процессах энергия связана, т. е. заключена в тех или иных нейронах или нейронных системах и накапливается в них. Условием связывания энергии выступают прежде всего «контактные преграды» между нейронами, в силу которых передача энергии от одного нейрона к другому прекращена или ограничена, и далее – воздействие одной группы нейронов, сохраняющих постоянную энергетическую нагрузку (*Я*), на другие психические процессы: речь у Фрейда идет о так называемой побочной (энергетической) нагрузке (*Nebenbesetzung*) как основе осуществляемых *Я* торможений (6а).

Особый случай функционирования «связанной» энергии представляют собой, по Фрейду, мыслительные процессы, в которых возрастание нагрузки при сосредоточении внимания сочетается с перемещением небольших количеств энергии как условием возможности мысли (6b). Этот энергетический поток достаточно слаб, но именно поэтому энергия распространяется свободно: «Небольшие порции энергии легче перемещаются при ее возрастании, нежели при убывании» (6с).

Противопоставление свободной и связанной энергии вновь возникает в «Толковании сновидений» (*Die Traumdeutung*, 1900), хотя о различных состояниях нейронов речь тут больше не идет; впоследствии Фрейд неизменно видел в этом противопоставлении экономическое выражение фундаментального различия между первичным* и вторичным*

процессами (см.: Связывание).

Я

Нем.: Ich. – Франц.: moi. – Англ.: ego. – Исп.: yo. – Итал.: io. – Португ.: ego

• Инстанция, которую Фрейд в своей второй теории психического аппарата отличает от *Оно* и от *Сверх-Я*.

С точки зрения топики, *Я* зависит как от требований *Оно*, так и от императивов *Сверх-Я* и запросов реальности. Хотя *Я* и выступает посредником, защищающим интересы личности в целом, его самостоятельность лишь относительна.

С точки зрения динамики, *Я* представляет собой прежде всего защитный полюс в невротическом конфликте. В ответ на неприятный аффект (сигнал тревоги) *Я* приводит в действие ряд защитных механизмов.

С точки зрения экономики, *Я* выступает как связующее звено между различными психическими процессами, однако в защитных действиях эти попытки связать между собою энергии различных влечений носят на себе отпечаток первичного процесса во всей его специфике: они навязчивы, повторны, ирреальны.

Теория психоанализа осмысляет генезис *Я* с двух точек зрения: либо это приспособительный аппарат, отделившийся от *Оно* при контакте с внешней реальностью, либо результат (само)отождествлений, приведших к формированию в недрах личности объекта любви, нагруженного энергией *Оно*.

В первой теории психического аппарата понятие *Я* выходит за рамки системы Предсознание-Сознание, поскольку защитные действия *Я* большей частью бессознательны.

С точки зрения исторической, концепция *Я* – это итог разработки понятия, которым Фрейд занимался на протяжении всего своего творчества.

• У Фрейда существуют две топики, две теории психического аппарата: первая включает бессознательное и Предсознание-Сознание, а вторая – три инстанции: *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*. И потому в психоанализе принято считать, что понятие *Я* приобретает строго психоаналитический смысл только после так называемого поворота 1920 г. Полагают, что это важное переосмысление было вызвано новой практической установкой, направленной скорее на анализ *Я* и защитных механизмов, нежели на выявление бессознательных содержаний. Обычно считается, что хотя Фрейд говорил о *Я(Ich)* уже в ранних своих работах, он не придавал этому слову специфического смысла (а), обозначая им личность в целом. Те случаи, когда понятие *Я* получает более детальную разработку и выполняет особую роль в психическом аппарате («Набросок научной психологии» [Entwurf einer Psychologie, 1895], например), предвещают понятия второй топики. Однако мысль Фрейда не допускает такого упрощенного истолкования. Прежде всего изучение всей совокупности фрейдовских текстов показывает, что приписать двум периодам различные значения *Я* невозможно: понятие *Я* в его развитой форме присутствовало у Фрейда с самого начала, даже если его смысл уточнялся в последующих разработках (нарциссизм, (само)отождествление и пр.). Кроме того, поворот начала 20-х годов вовсе не ограничивался определением *Я* как главной инстанции личности: он, как известно, внес в общую структуру теории много других важных новшеств, которые можно осмыслить лишь в общем контексте всех взаимосвязей. К тому же вряд ли стоит проводить резкую грань между *Я* как личностью и *Я* как психической инстанцией, поскольку вся проблематика *Я* основана, по сути, на взаимодействии обоих этих смыслов. Эта проблема в неявной форме возникла уже в самых ранних работах Фрейда и оставалась на повестке дня после 1920 г. Все попытки устранить терминологическую двусмысленность оказывались тщетными, что свидетельствовало о наличии здесь более глубокой и фундаментальной проблемы. Независимо от истории фрейдовской мысли некоторые авторы, стремясь к ясности, проводили различие между *Я* как инстанцией или подструктурой личности и *Я* как объектом любви самого индивида (ср. *Я* в связи с понятием самолюбия у Ларошфуко или *Я*,

нагруженное нарциссическим либидо, у Фрейда). Гартман, например, предлагал устранить двусмысленность, возникающую при употреблении таких терминов, как «нарциссизм» или «нагрузка-Я» (Ich-Besetzung, ego-cathexis): «При использовании термина „нарциссизм“ нередко смешиваются две пары противоположностей: первая – это противоположность между самостью (self) или собственной личностью и объектом, а вторая – противоположность между Я и другими подструктурами личности. Объектной нагрузке противостоит, однако, не нагрузка Я (ego-cathexis), но нагрузка самости (self-cathexis), не сосредоточенная ни в Оно, ни в Я, ни в *Сверх-Я* [...]. Некоторую ясность приносит определение нарциссизма как либидинальной нагрузки – только уже не Я, а самости» (1).

Эта позиция, как нам кажется, предвосхищает (на уровне понятий) ответ на ряд существенных вопросов. Если противопоставить собственно психоаналитическую трактовку Я более традиционным его смыслам, возникает опасность непонимания ее реальной сути у Фрейда. Фрейд не только сохранил традиционные смыслы термина Я, противопоставляя организм – окружению, субъект – объекту, внутреннее – внешнему, но и учел все возникающие при этом двусмысленности, так что ни одно из значений Я (*Ich*) не осталось в стороне (Я).

I. Фрейд использовал понятие Я уже в самых ранних своих работах; попробуем выявить в текстах 1894–1900 гг. темы и проблемы, получившие развитие в его последующем творчестве.

К радикальному переосмыслению традиционного понимания Я Фрейд пришел на основе клинического опыта лечения неврозов. Изучение «изменений и раздвоения личности», «вторичных состояний» и т. д. привели психологию (и особенно психопатологию) к утрате понятия единого и устойчивого Я. Пьер Жане сделал и следующий шаг – он обнаружил, что в больном истерией *одновременно* сосуществуют две личности: «...в психике образуются две группы явлений, одна связана с личностью в обычном смысле слова, а другая – с внутренним расщеплением, в результате которого возникает аномальная личность, непохожая на первую и чуждая ей» (2). Жане считал раздвоение личности следствием «ограничения поля сознания», «слабости психологического синтеза», истерической «автотомии». «Личность не способна воспринять все явления и вынуждена жертвовать некоторыми из них; возникает своего рода автотомия, при которой оставшиеся в стороне явления существуют как бы независимо от субъекта и без его ведома» (3). Фрейд сумел увидеть в подобных явлениях психический *конфликт*: некоторые представления вызывают *защитную* реакцию, поскольку оказываются несовместимыми (unverträglich) с Я.

Между 1895 и 1900 гг. Фрейд говорил о Я довольно часто и по разному поводу. Интересно было бы рассмотреть, как использовалось это понятие в различных областях – в *теории психоаналитического лечения, модели защитного конфликта, метапсихологии психического аппарата*.

1) В «Исследованиях истерии» (см. главу «Психотерапия истерии») Фрейд говорил о том, что овладеть патогенным бессознательным материалом, даже и вполне организованным, можно лишь постепенно. Он сравнивал сознание или сознание-Я с узким ущельем, через которое может пройти лишь одно патогенное воспоминание за раз, так что это воспоминание остается недоступным, покуда психическая проработка (Durcharbeitung) не справится с сопротивлениями. «Одно из воспоминаний, готовых вот-вот выйти на поверхность, продолжает маячить перед больным, покуда не получит доступ в пространство Я (4а). Тесная связь между сознанием и Я (о которой свидетельствует сам термин – *сознание-Я*) показана здесь со всей очевидностью, равно как и способность Я выходить за рамки актуального сознания, охватывая обширную область, впоследствии названную у Фрейда „предсознанием“.

В «Исследованиях истерии» *сопротивления* пациента трактуются прежде всего как действия Я, которое „находит удовольствие в защите“. Хотя бдительность Я можно на мгновение обмануть какой-нибудь уловкой, „во всех действительно серьезных случаях Я

быстро спохватывается, вспоминает о своих целях и продолжает сопротивление“ (4b).

Однако в *Я* между тем внедряется „патогенное ядро“ бессознательного, так что граница между тем и другим становится чисто условной. Более того, „сопротивление возникает и в самом процессе этого внедрения“ (4с). Здесь у Фрейда, по сути, уже содержится намек на проблему бессознательного сопротивления. Впоследствии Фрейд предложил два выхода из этих затруднений: первый связан с понятием бессознательного *Я*, а второй – с понятием сопротивления, присущего *Оно*.

2) Понятие *Я* постоянно присутствовало уже в ранних работах Фрейда, посвященных невротическому конфликту. Он пытался вычленить различные „способы“, „механизмы“, „процедуры“, „приемы“ защиты при различных видах психоневрозов – истерии, неврозе навязчивых состояний, паранойе, галлюцинаторном расстройстве и пр. В основе этих разновидностей конфликта лежала несовместимость того или иного представления с *Я*.

При истерии, например, действия *Я* направлены на защиту, однако обходным путем. Высказывание „*Я* защищается“ двусмысленно. Его можно понять так: сталкиваясь с неподвластной ему ситуацией конфликта (между различными интересами и желаниями или же между желаниями и запретами), *Я* защищает себя, избегая конфликта, отстраняясь от него; в этом смысле *Я* – это область, избежавшая конфликта в результате особых защитных действий. Однако в психических конфликтах, которые наблюдал Фрейд, присутствовало и другое измерение: *Я* как „господствующая совокупность представлений“ испытывает угрозу со стороны *одного-единственного* несовместимого с ним представления и вытесняет это представление. Случай Люси Р. – один из первых, где Фрейд выявил понятие конфликта и участие в нем *Я*, показав и эту понятийную сложность: иначе говоря, Фрейд не ограничился здесь ссылками на такое *Я*, которое „по слабости духа“ не желает ничего знать о тревожащих его „аффективных конфликтах“. Курс лечения может успешно продвигаться вперед только если аналитик стремится к прояснению „мнесических символов“, т. е. символов тех сцен, где возникло то или иное бессознательное, желание. Это бессознательное желание легко распознать по его несовместимости с тем образом себя, который пациентка во что бы то ни стало стремится сохранить.

Я – это активный участник конфликта, а потому поводом (или, как говорил Фрейд в этот период, *сигналом*) к защите служит для него чувство неудовольствия, непосредственно связанное с этим чуждым представлением (4d).

И последнее: хотя при истерии защитные действия осуществляет *Я*, это не значит, что *Я* наделено сознанием и волей. В „Наброске научной психологии“, рисуя картину истерической защиты, Фрейд пытался понять, „... почему процессы, протекающие в *Я*, могут порождать такие следствия, которые обычно появляются лишь при первичных процессах“ (5a). При образовании „мнесического символа“ как симптома истерии весь аффект целиком, все его значение смещаются с символизируемого на сам символ, чего обычно не происходит в обычном мыслительном процессе. *Я* дает толчок первичному процессу лишь при неспособности к обычной защите (отвлечение внимания, избегание и пр.). При воспоминании о сексуальной травме (см.: Последствие; Соблазнение) *Я* неожиданно оказывается объектом нападения изнутри, и тогда ему остается лишь „допустить развертывание первичного процесса“ (5b). Таким образом, отношение „патологической защиты“ к *Я* не определено сколько-нибудь четко: в каком-то смысле *Я* – полноправный защитник, однако, поскольку *Я* способно защищаться лишь путем отстранения от того, что ему угрожает, несовместимое с ним представление оказывается во власти такого процесса, которым *Я* не управляет.

3. Уже в самом первом своем *метапсихологическом* описании функционирования психики Фрейд отвел главную роль понятию *Я*. В „Наброске научной психологии“ функция *Я* заключалась главным образом в торможении. Применительно к „опыту удовлетворения“ (см. этот термин) задача *Я* заключается, по Фрейду, в том, чтобы не допустить резкого возрастания нагрузки мнесического образа, связанного с первым объектом удовлетворения, при котором возникает своего рода „знак реальности“, словно речь и вправду идет о

реальном объекте. Для того чтобы знак, указывающий на реальность, стал для субъекта не реальностью, а *критерием* реальности, или, иначе, для того чтобы избежать галлюцинаций и разрядок при отсутствии реального объекта, необходимо затормозить первичный процесс, при котором возбуждения распространяются неограниченно, доходя до уровня образов. Очевидно, однако, что если *Яне* допускает смещения внутренних процессов с внешней реальностью, это происходит вовсе не потому, что у него есть какой-то особый доступ к реальности или же мерка-эталон для оценки представления. Непосредственный доступ к реальности имеет, по Фрейду, лишь независимая система восприятия (система го), радикально отличная по своим функциям от системы \u, в которую входит, в частности, *Я*.

Фрейд описывал *Я* как „организацию“ нейронов или (в менее „физиологическом языке“ других текстов) как организацию представлений *Я*: пролагание пути для ассоциаций внутри данной группы нейронов; постоянство внутренней энергетической нагрузки, связанной с влечениями; разграничение постоянной и переменной частей этой нагрузки. Именно постоянство энергетической нагрузки позволяет ^сдерживать первичные процессы, приводящие к галлюцинациям или вызывающие неудовольствие („первичная защита“). „Нагрузка желания (*Wunschbesetzung*) вплоть до галлюцинаций или предельный уровень неудовольствия, свидетельствующий об исчерпанности средств защиты, – все это мы называем *первичными психическими процессами*; напротив, процессы, протекающие при умеренной нагрузке *Я* и придающие первичным процессам спокойные формы, – это *вторичные психические процессы*“ (§947;) (5с).

Итак, Фрейд не отождествлял *Я* ни с индивидом как таковым, ни с психическим аппаратом в целом: *Я* – это всего лишь часть психического аппарата. Вместе с тем следует отметить, что *Я* занимает особенно удобную позицию по отношению к индивиду – его биологическому организму и его психике. С этой двойственностью позиции *Я* мы сталкиваемся при попытках придать однозначный смысл понятию внутреннего и внешнего возбуждения. Источником внутреннего возбуждения считали сначала тело, затем психику и наконец – *Я* как резервуар энергии [*Vorratstrdger*]. Все эти смещения уводят Фрейда в сторону от механистических объяснений и подталкивают к трактовке *Я* как, своего рода воплощенной метафоры организма в целом.

II. В метапсихологической главе из 'Толкования сновидений' (изложение «первой» теории психического аппарата, которая в свете посмертно опубликованных работ Фрейда выглядит скорее как вторая метапсихология) излагается совершенно иная концепция психического «аппарата». Здесь последовательно разграничиваются системы Бессознательного, Предсознания и Сознания, тогда как *Я* вообще отсутствует.

Увлеченный открытием сновидения как «царского пути» бессознательного, Фрейд обращает здесь внимание прежде всего на первичные механизмы «работы сновидения*», навязывающие свои законы предсознательному материалу. Переход от одной системы к другой поясняется аналогией с оптикой: он подобен переходу из одной среды в другую с иным коэффициентом преломления. Защитные действия не прекращаются и во сне, однако Фрейд не стремится объединить их все единым понятием *Я*. При этом те аспекты *Я*, которые были описаны им в предыдущих работах, можно обнаружить и в новой системе – на различных ее уровнях:

1) *Я* в своей защитной роли составляет часть цензуры*. Основная функция этой инстанции – запрет, и потому она не является сложным организмом, способным приводить в движение механизмы невротических конфликтов.

2) Сдерживание и торможение как способы воздействия *Я* на первичный процесс проявляются (в состоянии бодрствования) также и в системе Псз. Однако между идеями «Наброска» и «Толкования сновидений» обнаруживается в этом смысле удивительное различие: в «Толковании сновидений» вторичный процесс разворачивается на уровне Псз, в «Наброске» он порождается механизмами самого *Я*.

3) *Я*, нагруженное либидо, выступает как носитель желания спать и побуждает к формированию сновидений (6) (5).

III. В период между 1900–1915 гг. складывались первые подходы к понятию *Я*. В общем, исследования Фрейда развертывались в четырех направлениях:

1) в теоретических исследованиях психики Фрейд неизменно обращался к модели, построенной в 1900 г. на примере сновидений, и выводил из нее далеко идущие следствия; при этом он обходился без понятия *Я* на уровне топики и без понятия *влечения Я** при изучении психической энергии (7).

2) В трактовке отношений между *Я* и реальностью новых теоретических решений не предлагалось, однако менялись акценты в старых. Главными точками опоры по-прежнему оставались опыт удовлетворения и первичная галлюцинация:

а) подчеркивалось значение «жизненного опыта»: «Именно постоянные неудачи и разочарования приводят к отказу от каких-либо попыток галлюцинаторного удовлетворения. С этого момента задачей психического аппарата становится представление реального положения дел во внешнем мире и попытки его изменения» (8а);

б) выявление двух главных принципов функционирования психики внесло в деление на первичный и вторичный процессы нечто новое. Принцип реальности* предстает как закон, извне навязывающий свои требования психическому аппарату, постепенно их осваивающему;

в) Фрейд отводил особую роль принципу реальности и его требованиям, представленным в виде влечений к самосохранению*. Эти влечения способны быстрее отстраниться от принципа удовольствия и начать прислушиваться к реальности, создавая тем самым энергетический субстрат *Я* – реальности, задача которой в том, чтобы «...стремиться к *полезному* и защищаться от вредного» (8б). При таком подходе доступ *Я* к реальности не вызывает проблем. Изменяется способ отказа *Я* от галлюцинаторного удовлетворения желания: *Я* испытывает реальность с помощью влечений к самосохранению и затем стремится навязать нормы реальности сексуальным влечениям (обсуждение этого вопроса см. в статьях: Испытание реальности; Я-удовольствие, Я-реальность);

г) *Я* вступает в тесные отношения с системой Предсознание-Сознание и особенно с системой восприятия и движения.

3) При описании защитного конфликта (особенно в клинике невроза навязчивости) *Я* утверждает себя как инстанция, противоположная желанию. Неприятный аффект становится знаком этого противопоставления, с самого начала принимающего форму борьбы между двумя силами, на которых в равной мере лежит печать влечения. На примере Человека с крысами, или, иначе, инфантильного невроза в его законченном виде, Фрейд обнаружил «эротическое и протест против него, желание (пока еще не навязчивое) и страх перед ним (уже навязчивый), неприятный аффект и побуждение к защитным действиям» (9). Именно стремление придать *Я* (наравне с сексуальностью) опору в виде влечений привело Фрейда к описанию конфликта как противоборства сексуальных влечений и влечений *Я**.

В рамках того же подхода Фрейд поставил вопрос о развитии влечений *Я*, не менее важным, чем либидинальная динамика; Фрейд высказал предположение, что при неврозе навязчивости первое преобладает над вторым (10).

4) В этот период сложилось новое понимание *Я*, которое выступало как объект любви, особенно в случае гомосексуальности и психозов. К 1914–1915 гг. такое понимание, свидетельствовавшее о подлинном повороте в мысли Фрейда, в целом ряде текстов вышло на первый план.

IV. В этот переходный период (1914–1915) были разработаны взаимосвязанные понятия – нарциссизма*, (само)отождествления* с его ролью в возникновении *Я* и, наконец, «идеальных» компонентов *Я*.

1) Введение понятия нарциссизма оказало свое воздействие на определение *Я*:

а) *Я* не существует изначально и не складывается в результате постепенной дифференциации психики: для возникновения *Я* требуется «дополнительное психическое действие» (11а);

б) по сравнению с анархическим и раздробленным функционированием сексуальности

при автоэротизме* *Я* выступает как *единство*;

в) сексуальность может выбрать *Я* в качестве объекта любви так же, как и любой внешний объект. Выбор объекта предполагает, по Фрейду, такую последовательность: автоэротизм, нарциссизм, гомосексуальный выбор объекта, гетеросексуальный выбор объекта;

г) определение *Я* как объекта исключает его отождествление с внутренним миром субъекта в целом. Именно поэтому в столкновении с Юнгом Фрейд последовательно разграничивал интро-версию* либидо в фантазиях и возврат либидо в J7(11b);

д) с экономической точки зрения «*Я* должно рассматриваться как обширный резервуар либидо, устремляющегося оттуда к объектам: оно всегда готово вновь принять в себя либидо, когда оно отхлынет от объектов» (12). Этот образ резервуара означает, что *Я* – это не просто место, через которое проходят энергетические нагрузки, но и место их хранения, а также сама форма энергетического заряда. Отсюда – фрейдовское сравнение *Я* с организмом, «простейшим живым существом» (Protoplasmatierchen) (11c);

е) и последнее замечание: «нарциссический выбор объекта»* любви по сходству с собственным *Я* Фрейд считает типическим. Однако за рамками конкретных типов объектного выбора (ср. случаи мужской гомосексуальности) обращение к *Я* субъекта и необходимость найти ему место заставляет Фрейда переосмыслить целиком все понятие выбора объекта, в том числе выбор объекта по примыканию*.

2) В тот же самый период существенно обогащается понятие (само)отождествления. Отныне Фрейд выдвигает на первый план более фундаментальные формы (само)отождествления – в дополнение к истерическим его формам, где отождествление выступает как временное явление, как выражение в симптоме бессознательного сходства между *Я* и другим. Теперь (само)отождествление – это нечто большее, нежели просто выражение отношений между *Я* и другим человеком: оно может порождать глубокие изменения в *Я*, которое тем самым становится как бы внутрисубъектным остатком межсубъектных отношений. Так, в случае мужской гомосексуальности «молодой человек не расстается с матерью – напротив, он (само)отождествляется с ней, превращается в нее [...]. Удивителен размах этого (само)отождествления: оно переплавляет одну из важнейших черт *Я* – его сексуальность – по образу того, что ранее было его объектом» (13).

3) Изучение меланхолии и связанных с нею процессов приводит к глубокому преобразованию понятия *Я*:

а) (само)отождествление с утраченным объектом, свойственное меланхоликам, истолковывается как регрессия к более архаичному способу (само)отождествления, или, иначе, к стадии, предшествующей выбору объекта, «...при которой Устремится поглотить этот объект» (14a). При такой трактовке *Яне* только перестраивается в результате вторичных (само)отождествлений, но и изначально создается (само)отождествлением по образу орального поглощения*;

б) поглощенный *Я* объект Фрейд описывает в антропоморфных терминах: этот объект подвергается дурному обращению, страдает, замышляет самоубийство и т. д. (14b);

в) интросекция объекта фактически предполагает инте-риоризацию отношения как такового. При меланхолии амбивалентное конфликтное отношение к объекту переносится на отношение к *Я*,

г) *Я* не считается единственной олицетворенной инстанцией внутри психики. Вследствие расщепления в психике могут обособляться отдельные части, например критическая инстанция или моральное сознание: одна часть *Я* противостоит другой, критически оценивает другую, обращается с ней как с объектом.

Тем самым находит подтверждение мысль, высказанная в работе «К введению в нарциссизм»: главного противопоставления между *Я* – либидо и объектным либидо недостаточно для осмысления всех способов нарциссического изытия и переноса либидо. Объектами «нарциссического» либидо могут быть инстанции, образующие сложную систему, причем уже одни только их названия у Фрейда (*Я* идеальное*, *Идеал-Я**, *Сверх-Я**)

свидетельствуют об их принадлежности к *системе Я*.

V. «Поворот» 1920 г.: из того, что выше было сказано о понятии *Я*, очевидно, что слово «поворот» нельзя понимать безоговорочно. Однако нельзя и отвергать с порога уверенность Фрейда о том, что в 1920 г. в его творчестве произошли важные концептуальные изменения. По-видимому, превращение *Я* в особую систему или инстанцию было нужно Фрейду для более убедительного обоснования конфликтности психики, что и было осуществлено во второй топике в отличие от первой, которая основана на различии типов функционирования психики (первичный и вторичный процессы). Отныне участники конфликта начинают играть роль отдельных психических *инстанций*: это *Я* как инстанция защиты, *Сверх-Я* как система запретов и *Оно* как полюс влечений. Переход от первой топки ко второй вовсе не предполагает, что в результате захвата новых областей прежние разграничения между бессознательным, предсознанием и сознанием были устранены. Однако в инстанции *Я* оказались сосредоточены те функции и процессы, которые в первой топике распределялись между различными системами:

1) В первой метапсихологической модели *сознание* выступало как совершенно независимая система (в «Наброске научной психологии» – это система со), а впоследствии оно было связано у Фрейда, хотя и не без проблем, с системой Псз (см.: Сознание). Теперь, наконец, оно получает четко очерченное место в топике, выступая как «ядро *Я*».

2) Прежние функции системы предсознания большей частью переходят к *Я*.

3) Фрейд особенно настаивал на том, что *Я* – это преимущественно *бессознательная* инстанция. Об этом свидетельствует клинический опыт и особенно бессознательные сопротивления во время лечения: «Внутри *Я* мы тоже обнаружили бессознательное: оно ведет себя так же, как вытесненное, т. е. оказывает мощное воздействие, не будучи осознаваемым и требуя для осознания особой работы» (15а). Фрейд открыл здесь путь, по которому пошли многие его последователи: он описал приемы защиты, которые являются бессознательными не только потому, что субъекту неведомы их мотивы и механизмы, но и потому, что они оказываются навязчивыми, повторяемыми, ирреальными, сближаясь тем самым с вытесненным, против которого они направлены.

Я в расширенном понимании приобретает во второй топике целый спектр различных функций: это контроль за движением и восприятием, испытание реальности, предвосхищение, упорядочение психических процессов во времени, рациональное мышление и пр., но также отказ от признания очевидного, устойчивое непонимание, рационализация, навязчивая защита от влечений. Как уже было отмечено, эти функции можно объединить парами антиномий: отталкивание влечений и удовлетворение влечений, *инсайт* и рационализация, объективное познание и систематическое искажение, сопротивление и устранение сопротивлений и пр. Все эти антиномии лишь очерчивают положение *Я* по отношению к двум другим инстанциям и к реальности (е). В зависимости от избираемой точки зрения Фрейд подчеркивал то несамостоятельность *Я*, то возможности его относительной автономии, ^выступает преимущественно как посредник, пытающийся примирить противоречивые требования: *Я* – это «слуга трех господ, который подвергается опасностям с трех сторон – внешнего мира, либидинальных побуждений *Оно* и сурового *Сверх-Я* [...]». Занимая пограничное положение, *Я* стремится опосредовать отношения между миром и *Оно*, подчинить *Оно* требованиям внешнего мира и – посредством мышечных действий – привести мир в соответствие с желаниями *Оно*» (15б).

VI. Интерес многих авторов к понятию *Я*, равно как и различие их подходов, показывает, насколько важное место заняло это понятие в психоаналитической теории. Целое направление исследований пыталось связать открытия психоанализа с достижениями других наук (психофизиологии, теории обучения, детской психологии, социальной психологии), чтобы построить подлинно общую психологию *Я* (С.). Эта попытка привела к введению понятий десексуализированной и нейтрализованной энергии, подчиненной *Я*, «синтетической» функции, внеконфликтной области *Я* и пр. *Я* выступает прежде всего как аппарат регуляции и приспособления к реальности, а его происхождение усматривается в

процессах физического созревания и обучения, начиная с развития у младенца сенсорного и моторного аппарата. Хотя каждая из этих концепций имеет отправную точку в мысли Фрейда, счесть их в целом последовательным выражением итоговой фрейдовской теории психики вряд ли возможно. Мы, конечно, не собираемся противопоставлять этим тенденциям эго-психологии наше собственное изложение «подлинной» фрейдовской теории *Я*, поскольку собрать воедино все психоаналитические открытия, связанные с понятием *Я*, чрезвычайно трудно. В общем виде можно попытаться разделить фрейдовские подходы к этой проблематике на два направления в зависимости от трактовки трех главных вопросов, связанных соответственно с возникновением *Я*, с его местом в психике, т. е. его топикой (в особенности по отношению к *Оно*), и, наконец, с энергией *Я*, как она предстает с экономической и динамической точек зрения.

А) Первый подход трактует *Я* как продукт постепенной дифференциации *Оно* под воздействием внешней реальности. Этот процесс начинается с обособления системы Восприятие-Сознание, уподобляемой корковому слою частицы живой субстанции: *Я* «развилось на основе коркового слоя *Оно*, приспособленного к принятию или отторжению возбуждений и потому вынужденного вступить в прямой контакт с внешней реальностью. Отправляясь от осознанного восприятия, *Я* подчиняет своему влиянию все более обширные и глубокие слои *Оно*» (16).

Я рассматривается здесь как настоящий орган реальности, который, несмотря на все неудачи, в принципе способен постепенно овладеть влечениями: «Устремится обратить воздействие внешнего мира на *Оно* и его побуждения, оно пытается поставить на место принципа удовольствия, безгранично господствующего в *Оно*, принцип реальности. Восприятие играет в *Я* ту же роль, которая в *Оно* отводится влечениям» (15с). Фрейд утверждал, что различие между *Я* и *Оно* соответствует традиционному разграничению между разумом и страстями (15d).

При таком подходе решить проблему энергии *Я* нелегко. В самом деле, если *Я* – это непосредственное порождение внешнего мира, то откуда берется энергия, приводящая в действие психический аппарат, ведь этот аппарат, по определению, пользуется лишь своей собственной энергией? Подчас Фрейд вынужден был допускать вторжение реальности уже не просто как внешнее воздействие, которое индивид обязан учитывать, чтобы уметь управлять собой, но как весомую и подлинно независимую инстанцию (равноправную с такими личностными инстанциями в психике, как *Я* и *Сверх-Я*), играющую свою роль в конфликте (17). Однако если признать единственным источником психической энергии внутреннюю энергию влечений, тогда окажется, что энергия *Я* в принципе может быть лишь вторичной, полученной от *Оно*. Это решение, к которому чаще всего склонялся Фрейд, неизбежно приводило его к мысли о возможной «десексуализации» либидо, однако в этой не вполне обоснованной мысли были сосредоточены многие трудности, присущие всей его концепции в целом (1951;).

Этот подход сталкивается с двумя главными сложностями. Во-первых, как понять мысль о том, что *Я* возникает в результате расчленения какой-то неясно очерченной области психики? Во-вторых, как можно вместить в такую почти идеальную модель те важные новшества, которые внес психоанализ в трактовку *Я*?

Концепция возникновения *Я* полна неясностей, которые, впрочем, присутствовали у Фрейда постоянно и были лишь усилены в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (*Jenseits des Lustprinzips*, 1920). Фактически эволюция «простейшей капельки живой субстанции», о которой говорится в этом тексте, может рассматриваться на различных уровнях. О чем, собственно, идет речь – о филогенезе человеческого рода (или даже о происхождении жизни вообще), о развитии человеческого организма или же о расчленении психического аппарата на основе некоего исходно слитного и нерасчлененного состояния? Каково значение гипотезы о существовании некоего простейшего организма, который устанавливал бы свои собственные границы, налаживал рецепторный аппарат и создавал слой защиты от внешних возбуждений*? Что это: простое сравнение, более или менее

обоснованная *иллюстрация* – посредством образа, заимствованного из биологии (про-тозой), – отношения индивидуальной психики к внешнему миру? В последнем случае тело должно было бы рассматриваться как часть внешнего мира, противопоставленного капельке психической субстанции. Однако такой ход мысли был бы прямо противоположен фрейдовскому подходу: в нем нет равенства между внешними возбуждениями и внутренними возбуждениями или влечениями, постоянно и непреодолимо атакующими изнутри психический аппарат и даже само *Я*. А значит, нужно искать более тесную связь между биологическим прообразом и психическим аналогом. Иногда Фрейд опирался на реальную аналогию между функциями *Я* и системой восприятия и защиты в организме: если кожный покров – это поверхность тела, то система Восприятие-Сознание – это «поверхность» психики. При таком подходе психический аппарат предстает как результат специализации телесных функций, а *Я* – как итог долгой эволюции приспособительных функций.

Наконец, на другом уровне возникает вопрос: быть может, устойчивая фрейдовская метафора живого организма (определяемого через различие энергетического уровня с внешним миром и обладающего границей, которая может быть нарушена вторжением извне и потому требует постоянной защиты и укрепления) основана на реальном отношении между генезисом *Я* и образом организма? У Фрейда редко встречаются четкие определения этого отношения: «*Я* – это в первую очередь нечто телесное: оно выступает не только как поверхностное образование, но и как проекция некоей поверхности» (15е). «В конечном счете *Я* возникает из телесных ощущений, преимущественно тех, что рождаются на поверхности тела. Следовательно, *Я* может рассматриваться одновременно и как психическая проекция поверхности тела* и [...] как поверхность психического аппарата» (6). Подобные утверждения предполагают, что инстанция *Я* основана на реальном психическом действии – на «проекции» организма на психику.

Б) Это последнее замечание позволяет соединить целый ряд существенных для психоанализа идей, определяющих другой подход к психике. Речь не идет ни об отказе от проблемы генезиса *Я*, ни о поисках решения этой проблемы на путях функциональной дифференциации: этот подход обращается к особым психическим операциям, посредством которых черты, образы, формы, заимствованные у другого человека, включаются в психику (см. в особенности: (Само)отождествление; Интроекция; Нарциссизм; Стадия зеркала; «Хороший» объект – «плохой» объект). Психоаналитики упорно стремились определить главные моменты и этапы этих (само)отождествлений, соотнося их с теми или иными психическими инстанциями – с *Я* идеальным, *Идеал-Я*, *Сверх-Я*. При этом отношение *Я* к системе восприятия и к внешнему миру приобретает новый смысл: *Я* – это не столько аппарат, сложившийся на основе системы Восприятие-Сознание, сколько внутреннее образование, порожденное рядом *особенно значимых восприятий* – не внешнего мира в целом, но мира межличностных отношений.

С точки зрения топик *Я* предстает отныне не как порождение *Оно*, но как его объект. Во второй топике Фрейд вовсе не отказался ни от теории нарциссизма, ни от понятия либидо, направленного либо на *Я*, либо на внешний объект (по принципу подлинного энергетического равновесия), напротив, он применял их вплоть до самых последних своих работ. В защиту этой теории свидетельствовала и психоаналитическая клиника, в особенности клиническая картина психозов: заниженная оценка и ненависть к *Я* у меланхолика, расширение *Я* вплоть до его слияния с идеальным *Я* у маньяка, потеря «границ» *Я* в результате их энергетической разгрузки при состояниях деперсонализации (как подчеркивал П.Федерн) и пр.

Наконец, трудная проблема энергетического обеспечения деятельности *Я* отчасти проясняется понятием нарциссической нагрузки. Проблема заключается уже не в том, чтобы понять то качественное изменение, которое приносит с собой десексуализация или нейтрализация, но скорее в том, чтобы понять, как *Я*, либидинальный объект, может выступать не только как «резервуар» либидинальных нагрузок, но и как их источник.

Этот второй путь размышлений, отчасти уже представленный, ближе к опыту и открытиям психоанализа и не претендует на широкий синтез. В частности, нерешенной здесь остается важная задача: включить в психоаналитическую теорию психики ряд операций и видов деятельности, которые при попытках построения общей психологии были сочтены в одной из психоаналитических школ (хотя это вовсе не бесспорно) функциями *Я*.

Я-УДОВОЛЬСТВИЕ – Я-РЕАЛЬНОСТЬ

Нем.: Lust-Ich – Real-Ich. – Франц.: moi-plaisir – moi-réalité. – Англ.: pleasure-ego – reality-ego. – Исп.: yo placer – yo realidad. – Итал.: io-piacere – io realta. – Португ.: ego-prazer – ego-realidade.

- Термины, которыми Фрейд обозначает становление отношений субъекта к внешнему миру и его доступа к реальности. Эти термины всегда противопоставляются друг другу, но понимаются при этом столь различно, что дать их однозначное определение не представляется возможным, причем из-за перекрещивания значений невозможно вычлениить и нескольких различных определений.

- Противопоставление между Я-удовольствием и Я-реальностью было развито Фрейдом преимущественно в работах «О двух принципах функционирования психики» (Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens, 1911), «Влечения и судьбы влечений» (Triebe und Tribschicksale, 1915), «Отрицание» (Die Verneinung, 1925). Прежде всего отметим, что эти тексты, написанные в различные периоды творчества Фрейда, тесно связаны друг с другом: переход от первой топики ко второй не вызывает никаких изменений в определении *Я*.

1) В работе «О двух принципах функционирования психики» противоречие между *Я* – удовольствием и *Я* – реальностью связано с противоречием между принципом удовольствия* и принципом реальности*. Здесь Фрейд использовал понятия *Я* – удовольствие и *Я* – реальность для описания эволюции влечений *Я**. Влечения, которые поначалу соотносились с принципом удовольствия, постепенно все больше подчиняются принципу реальности, хотя этот процесс идет медленнее в случае сексуальных влечений (которые вообще трудно поддаются «обучению»), нежели в случае влечений *Я*. «Подобно тому, как удел *Я* – удовольствия – испытывать желания, стремиться к удовольствию и избегать неудовольствия, так удел *Я* – реальности – стремиться к *полезному* и защищаться от вредного» (1). Отметим, что *Я* здесь в сущности рассматривается под углом зрения влечений, призванных снабжать его энергией; *Я*-удовольствие и *Я* – реальность – это не две различные формы *Я*, но скорее два способа функционирования влечений *Я*: сообразно принципу удовольствия и сообразно принципу реальности.

2) Во «Влечениях и судьбах влечений» во главу угла ставится также возникновение этих двух принципов, однако речь не идет ни об их сорасчленении, ни об эволюции влечений *Я*, но скорее о возникновении самого противопоставления между субъектом (*Я*) и объектом (внешний мир) в связи с противопоставлением между удовольствием и неудовольствием.

На этом пути Фрейд выделяет два этапа: на первом субъект «...сливается с тем, что ему приятно, а внешний мир – с тем, что ему безразлично» (2a); на втором этапе субъект и внешний мир (приятное) вместе противопоставляются тому, что неприятно. На первом этапе субъект выступал как *Я* – реальность, на втором – как *Я* – удовольствие: последовательность терминов здесь обратна той, что мы видим в «Двух принципах функционирования психики», причем и сами термины (в особенности *Я* – реальность) понимаются иначе: противопоставление между *Я* – реальностью и *Я* – удовольствием здесь возникает раньше принципа реальности, так что переход от *Я* – реальности к *Я* – удовольствию «...направляется принципом удовольствия» (2b).

Фрейд пользовался выражением «изначальная *Я* – реальность», поскольку «...оно

отличает внутреннее от внешнего посредством надежного объективного критерия (2с), и это можно понять так: изначально объективная позиция состоит в том, что субъект, испытывая чувства удовольствия и неудовольствия, не пытается представить их как свойства внешнего мира, который сам по себе нейтрален».

Как же строится *Я* – удовольствие? Субъект, как и внешний мир, расщеплен на приятную и неприятную* части. На этой основе происходит новое расчленение, в результате которого сам субъект сливается с тем, что ему приятно, а мир – с тем, что неприятно. Это расчленение происходит путем интроекции* той части объектов внешнего мира, которые порождают удовольствие, и проекции* (выноса вовне) всего того, что причиняет неудовольствие. Вследствие этой новой позиции субъекта *Я* – удовольствие предстает в «очищенном» от всего неприятного виде.

Таким образом, во «Влечениях и судьбах влечений» понятие *Я* – удовольствие означает не только *Я*, управляемое принципом неудовольствие – удовольствие, но и *Я*, отождествляемое с приятным в противоположность неприятному. В этом случае здесь опять-таки противопоставляются два этапа эволюции *Я*, только на этот раз они определены изменениями границ и содержания *Я*.

3) В «Отрицании» Фрейд по-прежнему пользовался разграничением между *Я* – удовольствием и *Я* – реальностью, развивая тот же подход, что и во «Влечениях и судьбах влечений»: как строится противоположность между субъектом и внешним миром? Само выражение «изначальная *Я* – реальность» больше не используется, хотя Фрейд вряд ли отказался от этой мысли: ведь он по-прежнему считал, что субъект изначально имеет доступ к объективной реальности: «С самого начала представление выступает как ручательство за реальность представленных предметов» (3б).

На втором этапе *Я* – удовольствие описывается в тех же понятиях, что и во «Влечениях и судьбах влечений»: «Изначальное *Я* – удовольствие [...] стремится включить в себя все хорошее и выбросить из себя все плохое. Поначалу плохое, чуждое *Я* и находящееся вне *Я* для него тождественны» (3б).

«*Я* – реальность в окончательной форме» должна была бы соответствовать третьему этапу, на котором субъект стремится найти реальный объект, соответствующий его представлению об объекте, ранее приносившем удовольствие и затем утраченном (см.: Опыт удовлетворения); именно на это опирается испытание реальности*.

Этот переход от *Я* – удовольствия к *Я* – реальности зависит, как это показано в работе «О двух принципах функционирования психики», от установления принципа реальности.

Противоположность между *Я* – удовольствием и *Я* – реальностью никогда не включалась в метапсихологические взгляды Фрейда и особенно в его теорию *Я* как инстанции психического аппарата. Если бы это удалось сделать, это позволило бы разрешить многие трудности психоаналитической теории *Я*. В самом деле:

1) взгляды Фрейда на эволюцию *Я* – удовольствия – *Я* – реальности представляют собой попытку наметить момент перехода (быть может, мифического) или скорее путь развития от биопсихологического индивида (сходного, как мы полагаем, с изначальной *Я* – реальностью, о которой говорит Фрейд) к *Я* как отдельной инстанции.

2) По Фрейду, механизмом такого перехода служат простейшие психические операции интроекции и проекции, посредством которых создаются границы *Я*, предполагающие расчленение внутреннего и внешнего.

3) Помимо того, заслуга фрейдовского подхода в том, что он развеял обременительную для психоаналитической теории путаницу вокруг таких понятий, как «первичный нарциссизм»*, в котором нередко видели некое изначальное состояние, во время которого индивид не имел никакого, пусть даже самого ограниченного, доступа к внешнему миру.